

Детск. Чтен.

~~1785~~ 1786

7 - 8

Мисль
Д В Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А

Ч А С Т Ь VII

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1786.

LETCHER

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1871

1046

I.

Двѣ пастушескія повѣсти.

I.

Меналкъ и Алексисъ.

Меналкъ былъ старъ; уже восемьдесятъ лѣтъ жилъ онъ на свѣтѣ; волосы на головѣ и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ, и посохъ служилъ помощію ослабѣвшимъ его ногамъ. Подобно тому, какъ работникъ послѣ трудовъ, въ жаркой лѣтній день понесенныхъ, наслаждается вечернею прохлагою, благодаритъ боговъ и ожидаетъ тихаго сна, такъ и старосиль Меналкова посвящена была богамъ и спокойствію; ибо онъ прежде шрудился и и дѣлалъ добро, тогда жъ спокойно и радостно готовился заснуть во гробѣ. Онъ ошдалъ дѣшамъ своимъ большія спада и прекрасныя луга, и видѣлъ на нихъ благословеніе. Дѣши съ нѣжною ревностію старались превзойти другъ друга въ томъ; кто больше обрадуетъ добродѣшельнаго старца, кто лучше займашитъ ему за

опеческое попеченіе, какое онѣ имѣлѣ о нихъ, когда они еще молоды были; а пакой ревности боги никогда безъ награжденія не оставляютъ. Часпо сидѣлѣ Меналкѣ у дверей шалаша своего, откуда могъ онѣ осматривать пространные свои сады и полевою работу; иногда съ дружелюбною говорливостію оспанавливалѣ онѣ прохожаго, и слушалѣ, что происходитъ въ сосѣдствѣ, либо навѣдывался о новостяхъ и обычаяхъ странѣ опдаленныхъ. Но пріятнѣе всѣхъ были для него шѣ часы, кошорые проводилѣ онѣ со своими внуками. Онѣ рѣшилѣ малыя ихъ споры, и училѣ ихъ бышь благодѣтельными, усшупчивыми и жалоспливыми къ людямъ и ко всѣмъ живымъ шварямъ; показывалѣ имъ разныя игры, и при томѣ давалѣ имъ пріятныя наспавленія. Самѣ онѣ дѣлалѣ для нихъ игрушки; тогда онѣ цѣловали его и вокругъ его прыгали опѣ радости. Онѣ училѣ ихъ дѣлать свирѣли, и заспавлялѣ маленькихъ пѣшь пасшущескія пѣсни, а большихъ играшь на свирѣли; либо разсказывалѣ онѣ имъ поучительныя повѣсти, и тогда онѣ сидѣли около его и слушали внимательшо.

Нѣкогда сидѣлѣ онѣ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Алексисъ, вкусъ его, спноялѣ

стоялъ подлѣ него. Молодой Алексисъ принащцать уже разѣ видѣлъ возвращающуюся весну; румянецъ здоровой молодости игралъ на щекахъ его, и золоту подобныя волосы его вились кудрями. Меналкѣ говорилъ съ нимъ о прищности дѣлать другимъ добро и помогать въ нуждѣ; рассказывалъ, что никакое удовольствіе не можешь сравниться съ тѣмъ, что чувствуешь сдѣлавши доброе дѣло. „Прекрасное восхожденіе солнца, вечерняя заря, полной мѣсяцъ въ ясной ночи также наполняютъ сердце наше удовольствіемъ, говорилъ онъ: „но что удовольствіе, сынъ мой! по удовольствіе еще усладительнѣе „ Слезы потекли изъ глазъ у прекраснаго юноши. Меналкѣ восхищался видя слезы сіи. „Ты плачешь, сынъ мой, сказалъ онъ, смотря на своего внука съ ласковою улыбкою: „но не одни слова мои плакать тебя заставляють; вѣрно есть нѣчто въ сердцѣ швоемъ, что придаетъ имъ такую силу.

Алексисъ опиралъ слезы съ лица своего, но онъ печь не переславали. „Ахъ! говорилъ онъ: „я чувствую, что нѣтъ ничего прищнѣе, какъ другимъ добро дѣлать. „

Меналькѣ , будучи пронутѣ , пожималъ руку юноши и говорилъ ему ; „ по лицу швоему , по глазамъ швоимъ примѣчаю , что тебя прогаешѣ нѣчто кромѣ шого , что я тебѣ говорилъ. „

Юноша опивѣчалъ , пошупивѣ глаза свои : „ развѣ однихъ словъ швоихъ не довольно , чтобѣ лицо мое окропилось слезами , какѣ бы росою ? „

„ Я вижу , сынѣ мой ! сказалъ Меналькѣ : „ вижу , что ты скрываетъ нѣчто опѣ меня , можешѣ бытъ еще въ первой разѣ скрываетъ нѣчто , чѣмѣ сердце швое пронушо .

„ Нѣшѣ , сказалъ Алексисѣ , я расскажу тебѣ все , что я скрываетъ хотѣлъ . Тотѣ не совсѣмѣ добрѣ , кто добромѣ своимѣ хвалятся — шакѣ самѣ ты меня училѣ ; и для шого-то хотѣлъ я скрываетъ , чѣмѣ сердце мое пронушо и опѣ чего я чувствую , что нѣшѣ ничего радостнѣе въ жизни , какѣ добро дѣлать . — Заблудилась овца изѣ нашего стада . Я пошелѣ на горы искать ее , и услышалѣ шамѣ жалостной голосѣ . Подошедши туда , откуда слышанѣ былѣ голосѣ , увидѣлъ я прешарелаго человекѣ . Онѣ снялъ сѣ плечь своихъ шажелую ношу и положилѣ ее на сухую землю . „ Не могу иш-

„ши далѣе, говорилъ онъ. „Тягостна
 „жизнь моя, и нѣтъ награды за труды
 „мои, кромѣ скуднаго пропишанія. Дав-
 „но уже хожу я на жару съ тяжелою
 „моею ношею, и не могу найши испоч-
 „ника, чшобы уполишь мучишель-
 „ную жажду, не могу найши ни одного
 „дерева съ плодами, чшобѣ уполишь го-
 „лодѣ. О боги! вокругъ себя вижу шоль-
 „ко пустыню; не вижу никакой пропин-
 „ки, кошорая привела бы меня къ моему
 „семеиспву, а колеблющіяся ноги далѣе
 „нести меня уже не могушѣ. Но я не
 „ропшу на васѣ, о боги! вы всегда мнѣ
 „помогали. „ — Такѣ говорилъ онъ, и
 „обезсилѣвши легѣ на свою ношу. Онѣ не
 „видалѣ меня. Я побѣжалѣ къ нашему
 „шалашу, набралѣ корзину сушеныхѣ и
 „свѣжихѣ плодовѣ, взялѣ самой большой
 „сосудѣ съ молокомѣ, какой у меня былѣ,
 „и прибѣжалѣ какѣ можно скорѣе назадѣ
 „къ преспарелому человѣку. Онѣ лежалѣ
 „еще шамѣ и спалѣ. Подошедши къ нему
 „пошихоньку, поставилѣ я подлѣ него кор-
 „зину съ плодами и сосудѣ съ молокомѣ,
 „спрягался вѣ кушарникѣ и смотреѣлѣ на
 „него. Онѣ скоро проснулся, и говорилѣ
 „посмотрѣвши на свою ношу: „какѣ усла-
 „дшеленѣ сонѣ! Ноша моя служила мнѣ

„ вмѣсто постели. 'Пойду теперь далѣе.
 „ Можешь бышь милоспивые боги помотушь
 „ мнѣ выйгни изъ этой пусыни, и я услы-
 „ шу гдѣ нибудь журчаніе источника; мо-
 „ жешь бышь найду я какова нибудь доб-
 „ рова человекъ, кошорой пріймешь меня
 „ въ свой шалашъ. „ По томъ хотѣлъ онъ
 поднять ношу свою на плеча, и увидѣлъ
 корзинку и сосудъ съ молокомъ. Ноша
 выпала изъ рукъ его. „ Боги! что я
 „ вижу? „ вскричалъ онъ. „ Ахъ! я сплю,
 „ и мнѣ голодному снился, будпо я вижу
 „ цищу; яроснувшись, найду что это мѣч-
 „ ша пусная. — Но нѣтъ, я не сплю.
 (Онъ принялся за плоды.) Какое боже-
 „ ство сдѣлало для меня шакое чудо? щед-
 „ рое божество! прійми, прійми мою благо-
 „ дарность; она все сердце мое наполня-
 „ ешь. „ Такъ говорилъ пресшарелой чело-
 „ вѣкъ; радостныя слезы текли изъ глазъ
 его; онъ сѣлъ и началъ ѣсть плоды. На-
 евшившись вспалъ онъ и благодарилъ еще
 божеству, кошорое о немъ пеклось. „
 „ Можешь бышь, сказалъ онъ, боги приве-
 „ ли сюда какова нибудь благодѣшельнаго
 „ человекъ. Ахъ! для чего я не вижу и не
 „ могу обнять его? Гдѣ ты, кому я благо-
 „ даришь долженъ? Боги благословише его!
 „ благословише этого добродѣшельнаго че-
 „ ловѣка

„ ловѣка и все его семейство! благослови-
 „ те все, что онѣ своимъ называютъ! —
 „ Я насытился, а остальное возьму съ
 „ собою; пусть жена и дѣти мои также
 „ наслаждаясь этими плодами; пусть и
 „ онѣ благословляютъ незнакомаго моего
 „ благодѣтеля. „ — Онѣ пошелъ, а я
 забѣжалъ впередъ между кустарникомъ и
 сѣлъ на такомъ мѣстѣ, мимо котораго
 ему неопшѣнно проходить было должно.
 Дошедши до меня, сказалъ онѣ: „ Послу-
 шай, сынѣ мой! скажи мнѣ, не видалъ ли
 ты здѣсь когонибудь, кто бы несъ кор-
 зинку съ плодами и сосудъ съ моло-
 комъ? „ — Нѣтъ, говорилъ я, никого
 не видалъ. Но скажи ты мнѣ, какъ ты
 зашелъ въ эту пустыню? Не ведешь сюда
 никакая дорога; вѣрно ты заблудился.
 — „ Да, сынѣ мой, отвѣчалъ онѣ:
 „ я заблудился и умеръ бы отъ голо-
 ду и жажды, если бы милосливые
 боги, или какойнибудь благодѣтельной
 смертной, меня не избавили. „ — Оп-
 дай мнѣ свою ношу, сказалъ я, и поиди
 за мною, я укажу тебѣ дорогу. Долго
 онѣ отговаривался, но наконецъ согласил-
 ся опдать мнѣ свою ношу, и я несъ ее,
 пока вывелъ его на дорогу. — Вошъ что
 я сдѣлалъ; маловажно мое дѣло и мало

споило мнѣ труда, однако жъ я радуюсь, когда о немъ вспоминаю. Какъ же долженъ бышь щасливѣ шопъ, кшо много добра сдѣлалъ! „

Меналкъ обнялъ добраго своего внука. „Спокойно и радостно, говорилъ онъ, сойду я во гробъ; я оставляю добродѣшель и благочестіе въ моемъ семействѣ. „

2.

Аминтѣ.

Рано по утру бѣдной Аминтѣ шелъ изъ густой роци; топоръ былъ у него въ рукѣ. Онъ нарубилъ себѣ кольевъ, чшобъ сдѣлать заборъ, и несъ ихъ на плечѣ изгибаясь подъ шягосшью. Идучи увидѣлъ онъ молодой дубъ, стоящій подлѣ быспраго ручья; ручай подмылъ его корень, и дерево готово было упасть. „Жалко бы было, говорилъ Аминтѣ, ешьли бы ты, дерево, упало въ быспрой ручай. Нѣтъ! волны его не будущъ играшь швоею вершиною. „ Онъ сбросилъ шяжелыя колья съ плеча. „Я могу еще нарубить себѣ кольевъ, сказалъ онъ, и началъ дѣлать около молодова дуба крѣпкую плошину и накопалъ свѣжей земли. Сдѣлавши плошину и покрывши обнаженные корни свѣ-

евѣжею землею, Аминшѣ взялѣ свой попорѣ и хотѣлѣ ипши вѣ роцу, чшобѣ еще нарубить себѣ кольевѣ. Но Дриада (*) вскричала ему изѣ дуба пріятнымѣ голосомѣ: „опущу ли я шебя безѣ награжденія, доброй паспухѣ! Скажи, чего ты желаешь? Я знаю, чшо ты бѣденѣ и шолько пшатъ овецѣ выводишь на паспву. „ — „О Нимфа! опшвѣчалѣ бѣдной паспухѣ; „Еспшли хочешь ты меня наградишь, шо возвраши здоровье сосѣду моему Палемону; онѣ боленѣ уже сѣ самой жашвы.

Вошѣ чего просилѣ доброй Аминшѣ, и Палемонѣ выздоровѣлѣ. Но Аминшѣ увидѣлѣ великое благословеніе на своемѣ спадѣ и на своихѣ деревьяхѣ, и сѣлался богатымѣ паспухомѣ, по шому, чшо боги добрыхѣ людей безѣ награжденія не оставяющѣ.

II.

О благодарности.

Между всѣми добродѣтелями благодарность кажешся самою легкою и пріятною и бы-

(*) Язычники думали, будшо во всякомѣ дубѣ живешѣ Нимфа, котшорая вмѣстѣ сѣ деревомѣ родитшя и умираешѣ. Сихѣ Нимфѣ называли они Дриадами.

нѣйшею въ исполненіи. При всѣхъ другімъ добродѣтеляхъ должны мы дѣлать себѣ болѣе или менѣе принужденія, пока не дойдемъ въ нихъ до надлежащаго навыка, по тому, что имъ прошиваются либо какія нибудь слабости, либо любовь наша. Напримѣръ, щедрости прошиваются скупость, умеренности сластолюбіе, отважности робость, перъвлиности неудовольствіе своимъ состояніемъ, великодушію прошиваются гнѣвъ. Но чувствованіе благодарности, которая состоитъ въ томъ, чтобы мы помнили полученныя нами благодѣянія, любили нашихъ благодѣтелей и не только желали бы имъ добра, но и старались бы при всякомъ случаѣ платить имъ своими услугами — это чувствованіе кажется столь свойственнымъ нашему сердцу, что удивляться должно, какъ люди неблагодарными бытъ могутъ, и неблагодарность несправедливости почитается однимъ изъ самыхъ величайшихъ пороковъ.

Въ древней исторіи находится примѣръ удивительной неблагодарности, оказанной однимъ воиномъ, котораго Македонской царь Филиппъ весьма любилъ за его храбрость. Сему воину случилось некогда несчастіе прешерить кораблекрушеніе;

ніе; онъ выброшенъ былъ волнами полу-
 мершвой на берегъ. Въ шакомъ соспояннїи
 нашель его одинъ добросердечной деревен-
 ской жисьель и сжалившись надъ нимъ
 отвезель его въ свой домъ, пекся о немъ
 весьма рачисьельно и снабжалъ его всемъ,
 что ему было пошребно. Спасенной онъ
 смерши воинъ увърялъ своего избавишелья,
 что онъ никогда не позабудеть его благо-
 дъянїя, и объщаль ему выпросить у царя
 богатое за шо награжденїе. Оправившись
 совершенно, просишель онъ съ добросер-
 дечнымъ своимъ хозїиномъ, которой ссу-
 дилъ еще его деньгами на дорогу. Пред-
 ставленъ будучи царю, рассказалъ онъ
 о своемъ нещасїи и выхвалялъ прежнїя
 свои заслуги. Царь хотъль наградишь
 его и спросилъ, чего онъ себъ желаетъ?
 Подлецъ вспомнилъ о прекрасномъ по-
 мъшьель великодушнаго своего избавишелья,
 которому онъ и погда уже завидовалъ,
 когда еще жилъ у него. Онъ просилъ
 царя, чтобъ ему отдано было это по-
 мъшьелье. Филиппъ исполнилъ его прозьбу.
 Честной хозїинъ выгнанъ былъ изъ сво-
 его владънїя и лишенъ всъхъ плодовъ сво-
 его шрудолюбїя. Огорченной столь вели-
 кою несправедливоспїю, послалъ онъ къ
 царю письмо, въ которомъ описалъ весь-

ма шрогательнѣ поступокѣ свой съ тѣмѣ
человѣкомѣ, кошорой тогда имѣніе его
себѣ присвоилѣ. Царь, прочитавши сіе
письмо, весьма разгнѣвался, приказалѣ
немедленно возвращишь доброму человѣку
его помѣстье, а неблагодарнаго жестоко
наказати и выжечь ему на лбу слова оз-
начающія его преступленіе.

Совсѣмѣ прошивной сему примѣрѣ
разсказываетѣ Іудейской испорикѣ Іосифѣ
о Агриппѣ, своемѣ единомѣстцѣ. Сей Агрип-
па веденѣ будучи Римскими солдатами
вѣ темницу, помился жаждою, ибо тог-
да былѣ весьма жаркой день. По случаю
встрѣшилсѣ съ нимѣ одинѣ невольникѣ;
кошорой несѣ свѣжую воду вѣ сосудѣ;
Агриппа просилѣ его, чшобѣ онѣ далѣ ему
напиться, и невольникѣ съ охотою по-
далѣ ему свой сосудѣ. Вѣ послѣдствіи
обстоятельствѣ Агриппины перемѣнились;
онѣ сдѣлалсѣ царемѣ. Вѣ семѣ соспоянїи
вспомнилѣ онѣ о невольникѣ, кошорой сдѣ-
лалѣ ему нѣкогда услугу, приказалѣ сыс-
кати его, выкупилѣ изѣ неволи, опредѣ-
лилѣ къ знашной должности, и даже при
смерши завѣщалѣ своимѣ дѣшамѣ, чшобѣ
онѣ никогда не забывали дѣлати ему доб-
ро. Дѣши исполняли завѣщаніе ошцово,

и бывшій невольникъ во всю жизнь свою пользовался ихъ любовію и почпеніемъ.

Не правда ли, что неблагодарность подлова челоѣка, копорой могъ сдѣлать зло своему благодаршелю, кажется сполько же непонятною, сколько благодарность Агриппы кажется еспественною и свойспвеною доброму челоѣку?

Сколь легкою сія добродѣпель кажется въ исполненіи, споль же она и пріяшна. Воспомяя полученныя нами благодѣянія, мы какъ бы въ другой разъ ихъ получаемъ и наслаждаемся при шомъ удовольствіемъ. Благодарность связана бываетъ съ любовію къ шому челоѣку, копорой намъ добро сдѣлалъ; а любовь есть источникъ удовольствія. Какая радость, когда мы находимъ случай опплашить пакже добромъ шому, кого мы любимъ и опъ кого мы добро получили, или по крайней мѣрѣ доказать ему, что мы охотно бы шо сдѣлали, еспьли бѣ шолько могли!

Благополучна земля пишающая благодарныхъ гражданъ! благополучны родители, воспишывающіе благодарныхъ дѣшей! Подобно хорошо обработанному полю, возвращаютъ они съ избыткомъ сѣмяна, благодаршельною рукою въ сердцахъ ихъ

посѣянныя ; справедливость и человеколюбіе и всякая добродѣшель процвѣшутъ въ нихъ ; миръ и согласіе будутъ между ими обиташь. —

III.

Угръ и змѣя. Басня.

„Посмотри на меня, говорила змѣя угрю: „не удивительно ли какъ я прекрасна? Видалъ ли ты когданибудь кожу, шакъ прекрасно расписанную и шакую гладкую? Правда, и швоя кожа гладка; однакожь моя и гладка и красива. „

„Въ самомъ дѣлѣ, спросилъ угръ, я не шакъ красивъ, какъ ты, а шолько гладокъ? Но отъ чего это происходитъ, чшо швоя красота всякому опврашишельна, и чшо люди увидѣвши въ шравѣ пешпрую швою кожу, пугающся и бѣгающъ? „

„Бѣгающъ? сказала красивая змѣя: „а для чего это? Я не знаю. „

„А я это знаю, ошвѣчалъ угръ, и люди шакже знаютъ. Снаружи ты блестящъ, но внутри у тебѣ ядъ и желчь.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

IV.

Разговоръ о здоровьѣ.

Здоровье по справедливости почитается самымъ лучшимъ добромъ въ жизни, когда говорится только о земныхъ и временныхъ благахъ. Правда, что душевныя блага, на примѣрѣ, чистота и спокойствіе совѣсти, которыя можно назвать душевнымъ здоровьемъ, гораздо ему предпочтительнѣе. Но мы говоримъ теперь о благахъ земныхъ. Честь, красота, богатство безъ здоровья не могутъ назваться щастіемъ. Къ помужь и душа наша имѣетъ такую тѣсную связь съ тѣломъ, что ея состояніе по большей части зависитъ отъ состоянія тѣла. Когда страдаетъ тѣло, тогда и душа страдаетъ. Разумъ, которой въ другое время охотно занимается размышленіемъ, пріятнымъ чтеніемъ, либо полезными и пріятными разговорами, тогда какъ бы оспанавливается, или думаетъ только о своей болѣзни и вымышляетъ способы

Часть VII № 28 Б. не

не къ облегченію , но еще къ увеличенію своего спраданія. Сообщество , удобное впрочемъ къ услажденію всякихъ непріятностей , тогда представляется намъ въ черномъ видѣ ; друзья спарающіеся насъ развеселишь , бывающъ намъ прошивны , мы принимаемъ шушки ихъ за насмѣшку надъ нашимъ спраданіемъ. Сердце бываетъ неспособно къ хорошимъ чувствованіямъ. Красота напуры щещно представляеть намъ свои сокровища. Мы не довольствуемся шѣмъ , чшобъ быть къ нимъ нечувствительными ; но еще и досадуемъ на то , что все шакъ , а не иначе : днемъ желаемъ ночи , весною зимы ; ночью жь желаемъ дня , а зимою весны.

Нѣкогда Лизанька занемогла лихорадкою. Непріятное приключеніе ! а особливо для молодой дѣвушки , кошорая не испышала еще различія между продолжительною болѣзнію и здоровымъ состояніемъ , а по тому и не удивительно , что она сносила болѣзнь свою неперпѣливо. Прежде любила она , чшобы всѣ окна въ ея комнашѣ успавлены были цвѣшами ; но тогда запахъ всякаго цвѣшка былъ для нея несносенъ. Самое лучшее кушанье шакъ ей было прошивно , что она и слышашь о немъ не хошѣла. Она любитъ

смѣ-

смѣялась вмѣстѣ со своими пріятельницами; тогда жь и самые шикіе ихъ разговоры ее беспокоили, и она пришворялась, будто засыпаетъ, для того только, чтобъ онѣ поскорѣе отъ нея уходили. Короче сказать, она на всѣхъ за все досадовала, а больше еще досадовала на самое себя.

Оправившись послѣ болѣзни, она сама дивилась своимъ чувствованіямъ, какія она тогда имѣла и вдвое живѣе чувствуешь пріятности и цѣну здоровья, нежели прежде. — Въ самомъ дѣлѣ надобно знать изъ опыта разность состоянія здороваго и больнаго человѣка, дабы судить о томъ справедливо. Молодые люди по большей части наслаждаются еще первымъ благополучнымъ состояніемъ, для того, что здоровье есть соупникъ молодости. Подъ надзираніемъ родителей, либо другихъ благоразумныхъ людей, мучительныя заботы, излишнее напряженіе силъ въ трудахъ и неумѣренность не ослабляютъ еще ихъ силъ и не навлекаютъ имъ тяжкихъ и скучныхъ болѣзней; изъ рукъ же нашурь выходимъ мы всегда здоровыми, если болѣзнь не досаждаетъ намъ отъ родителей (какъ-то по нещастію иногда случается), либо если не

прешерпѣваемъ какова нибудь вреда отъ неоспорожности и небреженія кормилицъ и нянекъ, или не бываемъ изнѣжены лишнею попечительностію. — Но сколь велико благополучіе имѣшь сего пріятнаго со-нушника молодости, споль же и легко-мысленно молодые люди съ нимъ по-спунають, и споль же мало спараются сохранять его.

„ Я поручусь въ помѣ, что ты сама виновата въ своей болѣзни, говорилъ Лизанькѣ отецъ ея.

„ Сама я виновата? „, отвѣчала она:
„ какъ это могло спастись? „,

Отецъ. Ты можешь это знать лучше меня. Если бы ты хотя мало примѣчала, то легко бы почувствовала въ себѣ переменну здоровья. Но я расскажу тебѣ нѣкоторыя случаи, въ которыхъ ты и другіе такіе жь, какъ ты, молодые люди сами здоровью своему вредъ дѣлають. — Когда ты много ходишь и разгорячишься, съ какою нешерпѣливостію, пришедши въ свою комнату, спараешься поскорѣе раздѣться! или какъ спѣшишь ты пить холодную воду! — Или помнишь ли ты, какъ я недавно, не за долго до своей болѣзни, вошелъ въ твою комнату; ты сидѣла тогда

у окошка ; всѣ окна и всѣ двери были расшворсны , и вездѣ проходилъ сквозной вѣтеръ . Когда жъ я вошедши зашворилъ дверь за собою , ты говорила мнѣ : „ ахъ , батюшка ! на что вы дверь зашворили ? развѣ вы не чувствуете , какъ пріятно вѣтеръ продуваетъ ? „ — Эпота-шо я и не хочу , чтобъ онъ продувалъ , опивчалъ я тебѣ : ты можешь послѣ заплашишь за эту пріятность болѣзнію , и я боюсь , чтобъ ты вскорѣ не выдержала лихорадки . — Что я тогда сказалъ , то и въ самомъ дѣлѣ исполнилось .

Нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья , какъ съ большова жару вдругъ переходить въ холодъ . Поповыя сважины опъ того вдругъ замыкающся , испареніе пересшатъ , скорое теченіе крови задерживается , и всѣмъ пружинамъ тѣла дѣлаенся насиліе . Я знаю много примѣровъ , что молодые люди напившись въ жару чегонибудь холоднаго , или вышедши вдругъ на сужу , не только подвергались болѣзнямъ , но и умирали .

Другая погрѣшность , копорою молодые люди часто вредятъ здоровью , есть неумѣренность въ пищу и пишьѣ . Хотя я не могу сказать о васъ , дѣпи мои , чтобъ вы ѣли когданибудь не будучи

голодны, или пили безъ жажды; но есть шакія вещи, которыя вы опмѣнно любите, и въ которыхъ самимъ вамъ шрудно воздержашься, чшобъ не нарушишь умѣренности; напрымѣрѣ, молоко и плоды. —

Дѣти. Молоко и плоды? Вы сами иногда сказывали намъ, что молоко и плоды здоровѣе всякой другой пищи.

Отецъ. Эшо и правда. Напура сама пригошовляетъ ее для насъ, и по шому эша пища всякой другой здоровѣе; но шолько надобно всегда упошребляшь ее съ умѣренностію и въ надлежащее время. Многіе изъ вашихъ сверстниковъ шакъ жадны къ плодамъ, что не могутъ дождашься пока онѣ поспѣютъ, и ѣдятъ незрѣлые плоды и зеленыя ягоды, какія шолько имъ подадутся; а эшо не можешъ имѣшь хорошихъ слѣдствій. Осенью обыкновенно бываетъ много болѣзней, особливо жь между дѣтьми и простымъ народомъ. Причиною шому по большей части простуда, незрѣлые плоды, либо излишнее ихъ упошребленіе.

Третія погрѣшность, весьма обыкновенная между мальчиками, есть безразсудная продерзость, съ какою они сами подвергаютъ разнымъ опасностямъ. Сшранно кажется, для чего малыя дѣшпи

хвапающся за ножи, ножницы, шопоры, и другія шому подобныя вещи, кошорыи онѣ вредѣ себѣ сдѣлашь могушѣ. Но эшо должно приписашь охопѣ подражашь взрослымѣ людямѣ, кошорые употребляюшѣ шакія вещи. Гораздо удишительнѣе шо, чшо рѣзвыя дѣши любяшѣ лазить и прыгашь по шакимѣ вышинамѣ и опаснымѣ мѣстамѣ, гдѣ онѣ весьма легко могушѣ оспушиться, а оспушвшись ушибиться до смерши.

Лизанька. Намѣ не надобно далеко искашь примѣра. Можешѣ бышь и здѣсь ешь нѣкшо (смотря на Николая) изѣ шакихѣ смѣльчаковѣ. Онѣ никогда не сходитѣ порядочно съ лѣспнищы, шакѣ, какѣ другіе люди, а всегда прыгаешѣ ступени черезѣ двѣ или черезѣ шри. Вмѣсто шого, чшобы взойши по лѣспнищѣ вверѣхѣ, онѣ любяшѣ лучше взлезашь по периламѣ.

Николай. Ты обо мнѣ говоришь. Однако я уже знаю, чшо дѣлаю; когда мнѣ захочешся взобрашья вверѣхѣ по периламѣ, шо я держусь за нихѣ крѣпко и всегда осперегаюсь, чшобѣ не упасшь.

Отець. Оспорожнось швоя хороша, но еше бы лучше было совсѣмѣ оспавить шакія рыцарскія упражненія. Онѣ шакѣ

опасны, что невидимому дѣйствію Провидѣнія приписывать должно, когда онѣ никакова вреда не причиняютъ. На осторожность свою полагаться не можно.

Будучи еще въ вашихъ лѣсахъ, жилъ я въ такомъ домѣ, при которомъ былъ садъ; изъ саду была дверь также въ садъ къ сосѣду. Сынъ нашего сосѣда былъ мнѣ пріятель и почти всякой день игралъ вмѣстѣ со мною. Онѣ могъ бы всегда спокойно проходить ко мнѣ чрезъ дверь; однако жъ ему хотѣлось лучше перелезашъ черезъ стѣну. Долго удавалось ему это благополучно; но наконецъ едва не лишился онѣ отъ того жизни. Однажды по обыкновенію своему взлезъ онѣ на стѣну и хотѣлъ спуститься на другую сторону, но кирпичи, за которые онѣ держался, сорвались и онѣ упалъ. По счастью случилось ему унасть на кучу взрышой земли, и шѣмъ-то онѣ спасся, исцарапавшись и потерявши нѣсколько зубовъ. — Другой также маленькой мой пріятель взлезъ на дерево, которое стояло надъ рѣкою, чтобы снятъ пшичье гнѣздо, упалъ въ воду и конечно бы утонулъ, естлибъ рыбаки въ лодкѣ не подоспѣли къ нему на помощь; а я не могъ ему ничѣмъ помочь, кромѣ моего крику

крику. — Много можно пересказывать такихъ примѣровъ рабаческой дерзости, которыя имѣли еще гораздо худшія слѣдствія. И такъ, дѣши мои, когда вы бываете вмѣстѣ съ вашими сверстниками, которые любятъ безразсудно подвергаться опасности здоровью и жизнь свою, то старайтесь ихъ уговаривать, а если они васъ не послушаются, то уходите отъ нихъ. Причиною такой дерзости по большей части бываетъ то, что дѣтямъ по глупости хочется сдѣлать нѣчто такое, чего другіе люди сдѣлать не могутъ, или сдѣлать чтонибудь иначе, нежели какъ то другія дѣлаютъ. Для того-то глупое дитя перепрыгиваетъ черезъ ровъ, вмѣсто того, чтобы перейти по мосту, либо перелезаетъ чрезъ стѣну или переходитъ по бревнамъ шуда, куда бы другой спокойно перешелъ по равному и безопасному мѣсту.

Алексѣй. На меня бабушка, не можно пожаловаться, чтобъ я когданибудь дѣлалъ такія шалости. У меня голова вокругъ идетъ, когда я вижу, какъ другіе ихъ дѣлаютъ, либо когда только слышу о нихъ.

Отецъ. Правда, ты далеко отъ эпова, но за то склоненъ къ дру-

гой погрѣшности, которая не меньше здоровья своему вредна быть можетъ. Ты не дѣлаешь безразсудныхъ шалостей, свободенъ отъ неумѣренности въ пищу, однако жъ тебѣ хочешь заслужить похвалу своимъ знаніемъ. Это заставляетъ тебя много сидѣть надъ книгами. Знаю я, что рѣдкіе изъ своихъ сверстниковъ имѣютъ эту погрѣшность, и что молодыхъ людей по большей части нужно еще побуждать къ ученью, а не воздерживать; однако она все не заслуживаетъ одобренія, и если бы мы тебя не удерживали, то бы ты и нынѣ просиживалъ ночи, лишалъ себя нужнаго движенія, и шѣмъ расстроивалъ бы свое здоровье. Замѣшь это и помни особливо впредь, когда ты самъ будешь располагать свое время. Охота къ ученью весьма похвальна, если ты не для того хочешь учиться, чтобы послѣ хвастать своимъ знаніемъ. Гораздо лучше знать немного и хорошо, нежели много безъ надлежащей пользы. Предметъ нашего знанія есть то, чтобы способствовать нашему и другихъ людей совершенству; а неумѣренное ученье съ урономъ здоровья рѣдко можетъ служить къ тому средствомъ. Неумѣренная прилѣжность сокращаетъ нашу жизнь

жизнь, либо дѣлаешъ насъ наконецъ неспособными приносишь пользу и себѣ и другимъ людямъ. Но я не хочу больше говорить объ этой погрѣшности, для того, что она очень немногимъ молодымъ людямъ свойственна.

Лизанка. Но что вы скажете о такихъ, которые слишкомъ заботятся о своемъ здоровьи? Они кажутся мнѣ очень смѣшны. На примѣръ, молодая моя пріятельница А** когда хочетъ войти ко мнѣ въ комнату и увидишь растворенное окошко, то кричитъ, чтобъ поскорѣе его зашворили, иначе жь бы она проснулась; она говоритъ, что самой тихой вѣтерокъ для нее смертеленъ; у нее почти для всякой погоды особое платье.

Николай. А братъ ся зимою всегда одѣвается такъ тепло, какъ бы собирался въ дальнюю дорогу.

Лизанка. Другая моя пріятельница не смѣетъ ни за что приняться; она говоритъ, что ей все вредно, и для того мать ся безъ себя не позволяешъ ей ничего ѣсть и пить; дома жь, какъ мнѣ сказывали, даюшъ ей кушанье вѣсомъ, а питье щипаютъ каплями.

Отецъ. Въ самомъ дѣлѣ такая чрезмѣрная оспорожность въ разсужденіи погоды и воздуха, пици и питья, смѣшна. Она слу-

служитъ доказательствомъ, что умѣренность и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ почти и во всемъ, есть самое лучшее средство къ сохраненію здоровья. Провидѣніе даровало намъ такое шѣло, которое все сносить можеть, еслии будеть заблаговременно къ тому приучено. Кто хочеть бытъ здоровымъ и крѣпкимъ, тому надобно привыкать сносить жаръ и спужу, вѣтръ и сырую погоду; иначе жь въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ все можеть бытъ вредно. Посмотрите, что переносятъ шѣ люди, которые по своему состоянію подвержены бываютъ разнымъ переменамъ погоды! Они почти такава жь состава, какъ и мы, и только привычка съ молодыхъ лѣтъ сдѣлала ихъ столь крѣпкими. Вы знаете, какъ я старался приучать васъ къ тому, чтобъ вы не боялись непріятной погоды. Выходите на спужу въ легкомъ плащѣ и зябните, пошѣйте на солнечномъ жару, не бойтесь сильнаго дождя, и пусть сильной вѣтръ развѣваетъ ваши волосы, ходите по нѣскольку верстѣ, даже до усталости: я похваляю васъ за то, еслии только будете вы наблюдать нужную осторожность, о которой мы прежде говорили. — Извѣженные люди, которые ни

чего вытерпѣть не могутъ , почти ни къ
 чему въ свѣтѣ неспособны. Опъ всякой
 небольшой переменѣны погоды и опъ всякой
 необыкновенной имѣ пищи бывающъ они
 больны. Тѣло ихъ ослабѣваетъ , а по
 большей части и душевныя силы также
 ослабѣваютъ. Ихъ можно лучше назвать
 подобіями человѣческими , а не людьми ;
 они проводятъ всю жизнь въ непре-
 станной болѣзни , и сами себѣ и
 другимъ бывающъ въ шягосшь. Мнѣ
 очень жалко , когда я вижу дѣшей слиш-
 комъ разборчивыхъ въ пищу и копорыя
 знаюшъ уже , что одно кушанье для
 нихъ слишкомъ грубо , другое кисло-
 ту въ желудкѣ производитъ. Привык-
 мувши къ такой разборчивости , они бу-
 дущъ несчастны , естли совремянемъ
 обстоятельствомъ ихъ переменятся и
 они не въ состояніи будутъ такъ нѣ-
 жишься , какъ прежде : неудовольствіе и
 дѣйствительная болѣзнь будутъ слѣд-
 ствіями такой переменѣны. — Правда ,
 бывающъ дѣши слабого сложенія , кото-
 рое пребуешъ опмѣнной оспорожности
 въ разсужденіи погоды и пищи. Также
 весьма бы странно было , естли бы кто
 захотѣлъ пріучать своихъ дѣшей къ чему
 нибудь шакому , что совсѣмъ непрошивно

человѣческому свойству. Однакожь много примѣровъ бывало, что дѣши, которыя сперва казались слабаго и нѣжнаго сложения, мало по малу становились здоровыми и крѣпкими людьми, отъ того самаго, что имъ не давали нѣжной пищи и понемногу приучали ихъ къ такимъ упражненіямъ, которыя пребудушъ силы и крѣпости. Напрошивъ того изо сна людей нѣжнаго воспишанія, едва ли можно найти одного съ хорошимъ здоровьемъ. — Въ древней Спаршанской республикѣ Ефору, или правители, собирали черезъ девять дней всѣхъ молодыхъ людей, свидѣтельствовали ихъ въ силѣ и крѣпости, и естли въ комъ нибудь примѣчали слабость, то заставляли его укрѣпляющія упражненіемъ въ разныхъ шлодвиженіяхъ, либо запрещали ему употреблять какую нибудь нѣжную пищу. Одинъ молодой человекъ, по имени Навклидъ, котораго мать нѣжила и кормила лакомствами, получилъ нѣкогда въ шакомъ собраніи спрогой выговоръ, и едва не выслали его изъ города.

*(Окончаніе сообщено будетъ
въ слѣдующемъ листѣ.)*

V.

Великодушное дѣло.

Престарелой отецъ раздѣлилъ еще при жизни своей богатое свое имѣніе шремъ сыновьямъ.

„У меня остался еще дорогой алмазъ, говорилъ старикъ: „я хочу опдашь его тому изъ васъ, кто получишь на него право посредствомъ какова нибудь великодушнаго дѣла.

Сыновья разбѣхались въ разныя спорны и на пупешесивіи своемъ искали случаевъ оказашъ свое великодушіе, дабы получишь право на дорогой алмазъ. — Чрезъ три мѣсяца возвратились они домой, и собрались къ отцу, рассказывать, что они сдѣлали.

„Послушайте, говорилъ старшій сынъ: „поспоронній человекъ поручилъ мнѣ свое имѣніе, не взявши съ меня росписки въ томъ, что я его принялъ. Я могъ бы легко удержашъ это имѣніе и обогатиться; однако жъ я все вѣрно ему возвратилъ. Скажите, не похвально ли это дѣло?

Ты сдѣлалъ то, сынъ мой, сказалъ отецъ, чего требуетъ должность отъ всякаго честнаго человека. Кто иначе дѣлаешъ, тотъ безчестной человекъ.

Дѣло

Дѣло швое хорошо ; однако я не вижу въ немъ великодушія.

„ На пушешествіи моемъ , говорилъ другой сынъ , увидѣлъ я бѣднаго рабенка , которой по неосторожюси упалъ въ озеро и вѣрно бы утонулъ . Но я вышпщилъ его изъ воды и спасъ опъ смерти . Цблая деревяя можешъ это засвидѣтельсшвовашъ . „

Сынъ мой , отвѣчалъ ему старикъ , шы сдѣлалъ шо , къ чему всѣ мы , какъ человекъи , обязаны .

Младшій братъ разсказывалъ : „ нѣкогда случилось , что непріатель мой , которой искалъ моей смерти , заснулъ крѣпко въ лѣсу при своемъ спадѣ . Я шелъ мимо его и увидѣлъ большую змѣю , которая ползла къ нему . Мнѣ не надобно было лучшаго случая избавишься опъ него ; однако жъ я не захошѣлъ симъ случаемъ воспользовашся , убилъ змѣю , и разбудилъ его . „

Алмазъ шебъ принадлежитъ , говорилъ опецъ обнимая его : шы поступилъ великодушно . Дѣлашь добро своему врагу , это прямое великодушіе !

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Окончаніе разговора, начатаго въ послѣднемъ листѣ.

Отецъ. Запрещая вамъ все то, причемъ бы вы жизнь свою подвергали очевидной опасности, не хочу я, чшобъ вы боялись и избѣгали всего, что можешъ причинить вамъ боль или нѣкоторую непріятность безъ большова вреда здоровью; эшо весьма несносно, а особливо въ мальчикахъ. Не избѣгайте такихъ упражненій, которыя могушъ при-дать проворства и крѣпости вашему шѣлу. Бѣгайте, но не до шѣхъ поръ, пока лишившись силы упадете. Всклодите на крупныя горы, ешлы вы можете крѣпко стояшъ на ногахъ и не подвергаетесь опасности упасъ и ушибиться. Учитесь плавать, когда можете безъ нарушенія благоприсшойности и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не очень глубоко. Не бойтесь ходишъ въ шемношъ, оберегаясь шолько, чшобъ не разшибишъ голову. Такія упражненія не шолько будутъ укрѣпляшъ ваше здоровье, но и приведутъ васъ

въ состояніе спасать себя и другихъ людей въ опасныхъ случаяхъ. Изнѣженные люди не только бывающъ смѣшны своею боязливостію, но и здоровье ихъ всегда вредъ шерпишъ, для того, что они всегда имѣющъ причину чего нибудь бояться. Когда жь случается имъ бысть въ опасности, то они бывающъ такъ малодушны и нерѣшимы, что скорѣе погибающъ, нежели осмѣливаются спастись съ нѣкою другою опасностію. На примѣръ, они скорѣе сгоряшъ, нежели ошважашся, выскочишъ въ окошко, когда не осталось уже имъ другаго способа спастись. — Я видалъ людей, которые боялись пройши по мосту или по высокимъ переходамъ, — увидѣвши кровь, обнаженную шпагу, рану или мершвое тѣло, падали въ обморокъ, — дрожали и прячались, услышавши громъ либо выстрѣлъ. Причиною тому не иное что, какъ дурное воспианіе; ихъ нѣжили въ дѣтствѣ и удаляли ошъ всего того, что связано съ самою малою и опдаленною опасностію. — Сколь же такая боязливостъ вредна, сами вы разсудишъ можеше. Кто знаешъ, къ какому званію и къ какимъ приключеніямъ Провидѣніе его опредѣлило? Сколь много бываешъ шакихъ случаевъ, въ кошорыхъ

не

необходимо должно не избѣгатьъ самыхъ страшныхъ опасностей, но отважно имъ прошивишься!

Изъ всего того, что мы говорили, можеша вы видѣть, что здоровье необходимо нужно для нашего благополучія, и старайся сохранятьъ его, естъ одна изъ первыхъ нашихъ должностей. — Разсудите, какъ непросипительно поступаешъ шомъ человекъ, особливо жъ молодой, кошорой неумѣренностию, легкомыслиемъ, или безразсудною дерзостию сокращаешъ свою жизнь, либо дѣлаешъ себя неспособнымъ къ тому, къ чему онъ опредѣленъ. Онъ долженъ былъ жишъ для того, чтобъ служишъ Богу и ближнему, но сходитъ въ гробъ преждевременно. Онъ долженъ былъ пригошоваляшъ душу свою къ лучшей жизни, развишиемъ превосходныхъ силъ, кошорыя Богъ вложилъ въ нее, и образованиемъ своего сердца; вмѣсто того распроиваешъ онъ жилище ея и принужденъ бываешъ забошиться больше о немъ, нежели о душѣ. Онъ долженъ былъ приводишъ себя въ состояніе радостно прославляшъ Бога словами и дѣлами; вмѣсто того онъ самъ бываешъ причиною безпреспаныхъ своихъ жалобъ и вздоховъ. Ближніе его ожидали ошъ не-

го разныхъ взаимныхъ услугъ , на копорыя онъ по должности своей былъ имъ обязанъ; но неспособенъ будучи къ тому , онъ заставляешъ только ихъ служить себѣ и принужденъ бываетъ только искать помощи и утѣшенія унылой своей душѣ. Какія печальныя мысли! когда онъ подумаетъ , чѣмъ бы онъ могъ быть , каковъ онъ прежде былъ , и каковъ тогда есть. Какія печальныя мысли! когда онъ вспомнитъ , что онъ самъ разрушилъ способность быть щастливымъ и полезнымъ , лишилъ себя удовольствія , какимъ бы могъ наслаждаться въ разсѣяваніи великолѣпныхъ дѣлъ Божіихъ и въ пріятномъ обращеніи съ добрыми и разумными людьми , короче сказать , самъ себѣ сдѣлалъ жизнь тягостію , а свѣтъ темницею.

Въ вашихъ лѣтахъ , дѣти мои , можете вы положить основаніе поспойнаго здоровья , долгой жизни и благополучной старости. Должность ваша и щастіе того требуютъ. И такъ избѣгайте тѣхъ погрѣшностей , о которыхъ я говорилъ , и которыя возрасту вашему свойственны , если не хотите проводить немощную жизнь , или сокращить дни свои.

VI.

ДОБРЫЯ ДѢТИ.

Драма для дѣшей;

Въ двухъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица.

Г. Арнолдъ, купецъ.

Шарлотта, дочь **Г. Арнолда**.

Гейнрихъ, сынъ **Г. Арнолда**.

Германъ, ихъ учитель.

Г. Гаршигъ, купецъ.

Луиза }
Карлъ } дѣти ея

Слуга.

*Дѣйствіе происходитъ сперва въ домъ **Г. Арнолда**, а по томъ въ домъ **Г. Гартига**, въ его кабинетъ.*

Д Ъ Й С Т В І Е І.

Я В Л Е Н І Е І.

Шарлотта. Гейнрихъ.

Шарлотта. Скажи мнѣ , не знаешь ли ты , что сдѣлалось съ башюшкою ? Сегодня всшалъ онъ очень рано , одѣлся съ шоропливостью , и спѣшилъ ищши со двора . Я поздравила его съ добрымъ ушромъ . Ты знаешь , какъ онъ бываетъ ласковъ , веселъ и любитъ съ нами говорить , когда мы къ нему поушру приходимъ ; а сегодня не отвѣчалъ онъ мнѣ ничего . Я подошла къ нему еще и поцѣловала его руку . Онъ пожалъ мою руку и посмошрѣлъ на меня печально .

Гейнрихъ. А ты и не спросила , о чемъ онъ печалился ?

Шарлотта. Спрашивала ; однако онъ ничего больше мнѣ не сказалъ , какъ только : еще будешь вамъ время эшо узнашь .

Гейнрихъ. Вѣрно случилось съ нимъ что нибудь важное . Уже нѣсколько ночей сряду , когда я проснусь , слышу , что онъ вздыхаетъ , а иногда кажется мнѣ , будто онъ и плачетъ . Однажды
при-

пришворился я, будто крепко сплю, и подслушалъ, какъ онъ выговорилъ: „Ахъ! бѣдныя мои дѣши!“

Шарлотта. „Бѣдныя дѣши!“ Можно ли назвашь насъ бѣдными дѣшми? Мы имѣемъ шакова добраго отца! Правда, благополучіе наше тогда только было бы совершенно, когда бы и мапушка наша жива была.

Гейнрихъ. Правда; однако жъ вѣрно случилось ему какое нибудь несчастіе, либо впредь должно случиться: для того-то онъ и обѣ насъ жалѣетъ.

Шарлотта. Ахъ! естъ-ли бы мы узнали, что его печалишь! можемъ бышь могли бы мы его успокоить, облегчить его заботы, утѣшить его.

Гейнрихъ. Мы? — что мы можемъ сдѣлать? — бышь ему послушными; мы слушаемся его во всемъ охотно, да это намъ и не трудно: веселишь его нашею ласкою; это мы и дѣлаемъ, сердце наше само насъ тому учишь. — Послушай, я скажу тебѣ мою догадку. Я примѣшилъ, что бапюшка два раза получалъ письма, и прочитавши ихъ задумывался и говорилъ про себя: „еще надежда меня обманула!“ — Не пришли

ли обстоятельствъ его въ разстройку? —

Шарлотта. Можетъ спастись. Помнишь ли ты, какъ онъ получилъ извѣстіе, что Г. Едгаръ сдѣлался банкротомъ? Башюшка потерпѣлъ отъ того убытокъ. Онъ тогда сказалъ: „убытокъ за убыткомъ! что наконецъ изъ этого выйдетъ?“

Гейрихъ. Съ недѣлю уже тому, не видѣлъ я, чтобъ кабинетъ его былъ когданибудь пустъ; всегда бывають въ немъ посторонніе люди. — Вчера былъ я у башюшки и показывалъ ему рисовальную мою книгу; шуръ вошелъ не знаю чей-то слуга и говорилъ, что господинъ его прислалъ спросить, когда онъ получитъ свои деньги? Башюшка тотчасъ приказалъ мнѣ выйти. Входя на лѣстницу, слышалъ я, что они послѣ меня говорили очень громко и сердито.

Шарлотта. Такъ, догадка твоя справедлива; башюшка много долженъ и не въ состояніи заплашить долгу.

Гейрихъ. И вѣрно онъ въ томъ не виноватъ. Частые убытки и несчастные случаи его разорили.

Шарлотта. Надобно намъ узнать объ этомъ отъ него самого. Меня ни-

что не веселишь, когда я вижу его печальнаго. По крайней мѣрѣ можемъ мы печаль съ нимъ раздѣлить.

Гейрихъ. Дай Боже, чтобъ мы были въ состояніи его утѣшить! Когда онъ придетъ домой, и еслили я увижу его еще печальнымъ, спану просить его неопшшупно, чтобъ онъ сказалъ намъ, о чемъ онъ печалился, хотя бы онъ на меня и разсердился.

Шарлотта. Разсердился ли онъ за это? — Но я слышу, что онъ всходитъ на лѣстницу — идетъ очень скоро. —

ЯВЛЕНІЕ II.

Шарлотта. Гейрихъ. Г. Арнолдъ.

(*Г. Арнолдъ входитъ въ великомъ смущеніи, бросаетъ шляпу и палку на столъ и садится. Дѣти его подходятъ къ нему съ боязливостію и берутъ его за руки. Онъ смотритъ на нихъ съ горестію.*)

Шарлотта. Башюшка! что съ вами сдѣлалось?

Гейрихъ. Скажите намъ, что васъ печалишь?

Шарлотта. Да, башюшка! скажите. Печаль ваша намъ нестерпима.

Арнольдъ. Бѣдныя дѣши мои! ахъ! естѣли бы шолько могъ я не сказывать вамъ объ этомъ!

Шарлотта. Не сказывать? для чего жь? Развѣбы это было легче вашему сердцу?

Арнольдъ. Легче, дочь моя, гораздо легче.

Гейнрихъ. Но изъ словъ вашихъ кажется, что намъ должно узнать, а вы оставляете насъ —

Арнольдъ. Да, вамъ должно узнать — должно вамъ узнать; что я — васъ лишаюсь, — что вы лишаетесь меня.

Гейнрихъ. Какъ это можетъ спастись, пока Богъ хранишь еще жизнь вашу?

Арнольдъ. Черезъ часъ — можетъ быть еще скорѣе — я васъ оставлю —

Шарлотта. Вы оставите насъ? — Но мы васъ не оставимъ.

Гейнрихъ. Развѣ не можемъ мы всюду слѣдовать за вами?

Арнольдъ. Я заключенъ буду въ шюрму, дѣши мои!

Шарлотта. Въ шюрму? о Боже!

Гейнрихъ. Мы и туда пойдёмъ вмѣстѣ съ вами; кшо намъ это зачретишь?

Арнольдъ. Я самъ. — Шарлотта! Гейнрихъ! дѣши мои! объ васъ шолько

я жалю въ моемъ несчастіи. Безъ васъ охотно бы подвергся я всему. Прежде въ васъ только находилъ я всю мою радость, а теперь вы одни причиною моей горести.

Шарлотта. Но кто хочетъ заключить васъ въ тюрьму? Вы не сдѣлали никакова пресупленія.

Гейрихъ. Кто бы ни былъ эшошъ жестокой человекъ, мы пойдѣмъ къ нему, упадемъ къ ногамъ его, будемъ цѣловать его руки, просимъ, плакаемъ. За что хочѣтъ онъ поступить съ вами такъ немилосердо?

Арнолдъ. Вамъ должно все узнать. Можѣтъ бышь долго уже не допуссятъ меня видѣться съ вами, и для того нужно мнѣ дать вамъ теперь нѣкоторыя наставленія.

Шарлотта. Однако жь, батюшка, можѣтъ бышь вы больше опасаетесь —

Гейрихъ. Такъ, батюшка, вы сами часто учили насъ, что надежды никогда перять не надобно.

Арнолдъ. Мы и теперь совсѣмъ ее не оставимъ, хопя я не вижу никакой помощи. Знайте, что мои долги превышаютъ все мое имѣніе, и я не въ состояніи заплашить ихъ. Не жалуйтесь

запо на отца вашего, не укоряйте его своимъ несчастіемъ.

Шарлотта. Боже мой! можно ли намъ жаловаться на васъ — на васъ, копорому мы всемъ обязаны?

Гейнрихъ. На васъ, копорого мы любимъ больше своей жизни!

Арнольдъ. Я въ томъ увѣренъ. — Несчастныя приключенія, копорыя постигли меня и друзей моихъ, излишняя довѣренность къ такимъ лядямъ, копорые не совѣмъ ее заслуживали, неудачныя предпріяшя въ моей торговлѣ — Но почто пересказывать вамъ подробно, опъ чего я разорился? Главной ударъ нанесенъ мнѣ однимъ другомъ — нѣтъ! томъ уже не достоинъ называться моимъ другомъ, кпо привелъ меня къ гибели. — Я поручился за него въ большой суммѣ. Онъ уѣхалъ отсюда, и цѣлой уже годъ дожидался я плапы, не получая отъ него никакова извѣстія. Наконецъ займодавецъ его выпросилъ приказаніе захватить меня. Никто уже мнѣ не вѣритъ; никто не хочетъ слушать моихъ прозьбъ, — и сегодня долженъ я быть въ шюрмѣ.

Шарлотта. Развѣ не можно уже смягчить эшова жестокосердаго займодавца?

давца. Мы пойдёмъ къ нему и прочёмъ его нашими слезами.

Арнолдъ. Нѣтъ; я давно уже его знаю: онъ суровой и неупросимой чело-вѣкъ. Я просилъ его самъ; друзья мои также за меня просили. Но все тщетно. Много труда стоило мнѣ склонить его къ тому только, чтобъ онъ не приказалъ публично вести меня въ тюрьму и позволилъ мнѣ сперва увидѣться съ вами. Я далъ ему честное слово, черезъ часъ туда явиться, и теперь не много уже осталось мнѣ времени, для того, чтобъ переговорить съ вами.

Шарлотта. Бабушка! не можете ли вы куданибудь скрыться?

Гейнрихъ. Не можно ли вамъ уйти опсюда?

Арнолдъ. Какъ! вы хотите, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ оказался обманщикомъ, какимъ меня теперь безвинно почищаютъ? вы хотите, чтобъ меня вездѣ преслѣдовали и искали, какъ бѣглеца? чтобъ я скинулся въ страхъ и безъ всякой помощи? — Нѣтъ, дѣти мои! Пусть пересмотрятъ мои книги и увидятъ, что я честной чело-вѣкъ. Есть еще благородныя души. Увѣрившись, что не самъ я виноватъ въ моемъ несчастіи, можетъ бытъ

быть пронужся они сожалѣніемъ, оставяшъ одного меня спрадась, и по крайней мѣрѣ васъ не допусаяшъ спрадась вмѣстѣ со мною. Пусть займодавцы мои раздѣляшъ между собою мое имѣніе. О васъ Богъ пещись будетъ.

Шарлотта. Нѣшъ, башюшка! мы васъ не оставимъ; гдѣ вы будете, шамъ и мы будемъ.

Гейрихъ. Вы дѣлили съ нами свое щасіе, а мы будемъ спрадась вмѣстѣ съ вами.

Арнолдъ. Васъ не допустили бы ко мнѣ, хошя бы вы и пришли; можешъ быть шолько поступили бы съ вами очень дурно; и шогда-шо бы шягосшно было моему сердцу, шогда бы горестъ моя усугубилась. Вамъ должно здѣсь ошашья; я эшова хочу.

Шарлотта. Когда вы приказываете, шо мы уже не можемъ прошивишься. Однакожь —

Арнолдъ. Не надобно перяшъ времени. Скоро ирїйдущъ запечашать мой кабинетъ. Пойди, Гейрихъ, приведи ко мнѣ своего учишеля — ахъ! не долго уже онъ будетъ вашимъ учишелемъ. — Я хочу просишь его о шебъ. Пойди!

Гейрихъ (уходя.) Ахъ! нещасіе за нещасіемъ!

Шар-

Шарлотта. О Боже! что съ нами
будетъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Арнолдъ. Шарлотта.

Арнолдъ. Вамъ должно учиться сно-
сить спраданія мірсія. Правда, вы ра-
но имъ подвергаетесь; но не унывайте:
онѣ могутъ принести вамъ впредь вели-
кую пользу. — Займодавцы мои должны
опредѣлить вамъ что нибудь на воспи-
таніе и содержаніе, хотя бы то было
очень немного; вамъ немного и надобно:
нужда въ молодыхъ лѣтахъ часто науча-
етъ бережливости.

Шарлотта. Ахъ, батюшка! я съ
удовольствіемъ буду питаться однимъ
хлѣбомъ и водою; только бы вы не шер-
цѣли нужды.

Арнолдъ. Благодаря покойной тво-
ей матери, ты довольно уже искусна въ
женскихъ рукодѣльяхъ, и можешь иногда
что для себя выработывать.

Шарлотта. Съ радостію спану я
работашъ день и ночь, только бы рабо-
ташъ для васъ.

Арнолдъ. Я думаю, что въ этомъ
не будетъ нужды. Богъ даровалъ тебѣ
хорошій разумъ, и что еще гораздо до-
роже, доброе сердце. Ты научена всему
тому

тому, что можешь себя вести к мудрости и добродѣтели.

Шарлотта. О! какъ еще много недоспаешь мнѣ, чтобъ быть такою, какова я быть должна!

Арнольдъ. Кто жь можешь шѣмъ похвалишься, что онъ таковъ, какимъ быть долженъ? Надѣйся на помощь Божию, и не переспавай никогда спарашься сдѣлаться добродѣтельною, и успѣешь въ своемъ стараніи.

Шарлотта. Я обещаю вамъ, спарашься о томъ во всю жизнь мою.

Арнольдъ. Ты близка уже къ такимъ лѣтамъ, которыя могутъ быть опасны. Нашура надѣлила тебя пріятнымъ видомъ. Не гордись своею красою: такая гордость погубить тебя можетъ. Останься лучше въ бѣдности добродѣтельною, а не вдавайся въ искушеніе сдѣлаться богатою и знашною съ урономъ добродѣтели.

Шарлотта. Но кто будетъ моимъ наславникомъ, когда я съ вами разстанусь? Кто подастъ мнѣ совѣтъ? Кто подастъ мнѣ помощь? Я молода и незнающа. Какъ бы щаслива я была, еслибъ могла не разлучаться съ вами! — Но оставшись одна въ этомъ домѣ — безъ васъ, что я начну? —

Арнольдъ. Ты не можешь здѣсь остано-
 вля; домъ эшошъ не долго уже будешъ
 нашимъ. Я имѣю здѣсь много пріятель-
 ницъ, однако ни одной изъ нихъ не смѣю
 поручить тебя, шакъ, чшобъ она заспу-
 пила для тебѣ мѣсто мащери. Всѣ онѣ
 живущъ въ изобиліи —

Шарлотта. Не думаете ли вы, чшо
 бы я захошѣла и могла жить съ ними,
 когда вы будете жить въ нуждѣ и въ
 горести? — Ахъ нѣшъ! эшо не воз-
 можно!

Арнольдъ. Можешъ бышь и онѣ не
 захошѣли бы принять тебѣ навсегда. Въ
 бѣдности не бываемъ мы никому пріятны;
 пы же скоро произвела бы зависшь между
 своимъ поломъ. Сверхъ того я знаю,
 чшо шрудно жить съ такими людьми,
 кошорые видали насъ въ шаспливомъ со-
 спояніи. Хошя бы они и были ошолько
 добросердечны и не презирали бы насъ,
 однако и самое ихъ сожалѣніе уже при-
 скорбно. Нѣжное швое сердце, дочь моя,
 чувствовало бы справедливыя и несправед-
 ливыя попреки, какія шпали бы дѣлашь
 швоему ошцу — чувствовало бы ихъ
 шакъ же, какъ бы тебѣ самое укоряли.

Шарлотта. Да, бапюшка! я чув-
 ствовала бы ихъ во спо крашѣ сильнѣе;

гораздо бы охотнѣе согласилась я вытерпѣть самое жестокое мученіе, а не слышать такихъ попрековъ — гораздо бы охотнѣе согласилась бытъ въ шюрмѣ вмѣсто васъ.

Арнолдъ (обнимаетъ ее.) Любезная дочь! — какое утѣшеніе, какое щастіе, имѣть такую дочь, какъ ты! — Ахъ! для чего не могу я сдѣлать себя сколько щаспливою, сколько ты заслуживаешь!

Шарлотта. Какое жь утѣшеніе останется мнѣ, когда я лишусь такого отца, какъ вы?

Арнолдъ. Отецъ небесной тебя не оставитъ; Онъ подастъ тебѣ утѣшеніе. — Однако, дочь моя, переспанемъ еще больше разстрогивать сердца наши. Постоянство въ спраданіи есть добродѣтель, и я желалъ бы теперь научить тебя ей своимъ примѣромъ. — Возвратимся къ тому, что я хотѣлъ тебѣ сказать. Ты уже слышала причины, для чего тебѣ нельзя остаться въ здѣшнемъ городѣ.

Шарлотта. Какъ! мнѣ должно оставить здѣшній городъ? удалишься отсюда, гдѣ вы остаеесь?

Арнольдъ. Да, ты будешь жить у сестры моей; она добрая женщина и шебя любишь.

Шарлотта. Ахъ, бабюшка! она сама бѣдна и понынѣ жила только вашею помощію; чѣмъ же будешь она меня содержать?

Арнольдъ. Будь спокойна. Ты не такъ бѣдна, какъ думаешь. Покойная мать своя оставила тебѣ нѣсколько дорогихъ вещей, которыя достались ей въ наслѣдство послѣ ея смерти. Онѣ тебѣ одной принадлежатъ. — Ты найдешь ихъ въ этомъ комодѣ, въ черномъ ящикѣ.

Шарлотта. Но что я съ ними сдѣлаю?

Арнольдъ. И объ этомъ не нужно тебѣ заботиться. Вотъ письмо къ сестрѣ моей; я писалъ въ немъ, чтобъ она продала ихъ одному знакомому ювелиру, которой уже давно желалъ имѣть ихъ за выгодную цѣну. Получивши деньги, отдашь она ихъ въ надежныя руки и будешь получать съ нихъ проценты, которыми можете вы съ нею жить умеренно въ томъ городкѣ, гдѣ она теперь живетъ. При томъ надѣюсь я, что ты и брата своего не забудешь: ему ничего не остается.

Шарлотта. Брата моего? — Я раздѣлю съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба. — Но послушайте, батюшка! не можете ли вы употребить эсихъ вещей на уплату вашего долга? не можете ли вы шѣмъ избавишься отъ нынѣшняго нещасія? — Батюшка! сдѣлайте эшо! — я не возьму ихъ —

Арнольдъ. Нѣшѣ; онѣ швои, и я никакова права на нихъ не имѣю. Есль-либѣ я заплашилъ за нихъ свои деньги, шо клянусь, что не ушайлѣ бы ихъ отъ займодавцовѣ моихъ.

Шарлотта. Онѣ мои, а я вамъ ихъ отдаю; не имѣю ли я на эшо права?

Арнольдъ. Нѣшѣ; шы лишила бы себя, шешку свою и брата своего послѣдней помощи; а я могъ бы заплашить ими одному шолько займодавцу; другіе займодавцы тогда спали бы шакже шребовашь плашы.

Шарлотта. Однако жѣ, батюшка! —

Арнольдъ. Однимъ словомъ, я шакъ хочу. Благоразуміе и должностъ эшова шребуюшѣ. — Возшѣ ключъ отъ эшова коммода; держи его у себя до пріѣзда швоей шешки. Я писалъ уже къ ней, чтошбѣ она какъ можно скорѣе пріѣхала сюда за шобою. — Тушѣ найдешь шы еще

еще нѣсколько денегъ на нужныя издержки. Посовѣшуйся о томъ съ Господиномъ Германомъ. — Теперь, дочь моя, поиди и посмотри, не пришли ли шѣ люди, кошорымъ вѣлно печашать наше имѣніе; есшли они уже здѣсь, то прикажи принести для меня носилки.

Шарлотта. (уходя.) О Боже!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г. Арнолдъ одинъ.

Вошѣ награда за всѣ мои труды я заботы! — Для чего я трудился и лишалъ себя покоя? Для того, чшобы напоследокъ сдѣлать, себя и дѣшей моихъ несчастными, чшобѣ всѣ меня презирали — чшобы почиали меня за обманщика? ахъ! это шерзаетъ мое сердце! одно ушѣшеніе, чшо я вѣ самомъ дѣлѣ невиненъ! — Чшо, есшли бѣ я съ небольшимъ моимъ досташкомъ удалился отъ всѣхъ заботъ, оспавилъ намѣреніе сдѣлаться богатымъ, жилъ бы умѣренно въ безопасности и соспарѣлся бы спокойно! — — Нѣшѣ; мы для того и родимся, чшобѣ трудиться. Я дѣлалъ добро, дѣлалъ людей щасшливыми, достпавлялъ бѣднымъ пропитаніе. По чшо жѣ

раскаиваться? Теперь сдѣлалъ я несчастнымъ только себя. Дѣши мои не несчастны; онѣ оспашающа не совсѣмъ безъ помощи. Незаслуженное несчастіе бываетъ часто училищемъ добродѣтели; и для нихъ будетъ оно полезно. — А! Господинъ Германъ —

ЯВЛЕНІЕ V.

Арнольдъ. Германъ. Гейнрихъ.

Арнольдъ (подходя къ Герману.) Господинъ Германъ, можете быть вы уже знаете о моемъ несчастіи —

Германъ. Гейнрихъ рассказалъ мнѣ все. Я принимаю столько участія —

Арнольдъ. Знаю, что вы всегда любили меня и дѣшей моихъ. Сколько одолженъ я вами въ ихъ воспитаніи!

Германъ. А я сколько одолженъ вашею дружбою и всѣми выгодами, копорыми я пользовался въ вашемъ домѣ. Я ничего не сдѣлалъ для вашихъ дѣшей, къ чему бы должность моя меня не обязывала.

Арнольдъ. Моя должность претбовала бы теперь оказать вамъ чѣмъ нибудь мою благодарность; но ахъ! я не въ состоянціи ничего больше сдѣлать, какъ только —

только просить Бога, чтобъ Онъ награди́лъ васъ.

Германъ. Я довольно уже награжденъ прилежносцію и послушаніемъ вашихъ дѣшей, и надѣюсь впредь еще больше быть награжденнымъ.

Гейрихъ. Будьте увѣрены, что я ни о чемъ не стану такъ стараться, какъ угождать вамъ и сдѣлаться васъ достойнымъ.

Арнолдъ. Эпова ожидаю я отъ своего сердца, сынъ мой! — Но вы видите, Господинъ Германъ, что я не могу уже долѣе содержать васъ при моемъ сынѣ. — (*Гейрихъ беретъ за руку Г. Германа и плачетъ.*) Мнѣ это прискорбно; я знаю, сколько мой сынъ припомѣтъ перяетъ. Однакожь я увѣренъ, что вы и расставшись съ нимъ всегда будете его другомъ, что онъ всегда будетъ пользоваться вашими совѣтами и наставленіями.

Германъ. Во всю мою жизнь; я буду другомъ его, отцомъ, — всемъ, чѣмъ только быть могу.

Арнолдъ. Я могу въ помѣ на васъ положиться. Теперь скажу вамъ, какія мѣры, по моему мнѣнію, можно принять въ разсужденіи моего сына. До конца

нынѣшняго мѣсяца останьшесь вы съ нимѣ,
Я надѣюсь, что вамѣ не откажутъ над-
лежащей платы за эшоу мѣсяцѣ.

Германъ. А я увѣряю васѣ, что я
никогда съ нимѣ не разспанусь.

Гейнрихъ. Ахѣ! Господинѣ Германѣ!
что вы говорите?

Германъ. То, что заспавляешѣ ме-
ня сказать любовь моя къ шебѣ, попе-
ченіе о швомѣ щасшіи — о моемѣ соб-
ственномѣ щасшіи — благодарность къ
швоему родителю —

Арнолдъ (обнимая его.) О какое
ушѣшеніе, въ несчастіи находишь такихѣ
друзей! Но я принимаю великодушное ва-
ше желаніе за самое дѣло. Ваши обстоя-
льства не позволяють —

Германъ. Не безпокойшесь о моихѣ
обстоятельствахѣ. Ваша щедрость и
моя бережливость привели меня въ состо-
яніе содержащѣ нѣсколько времени себя и
любезнаго моего Гейнриха пристойнымѣ
образомѣ. Никогда не избѣгалъ я трудовѣ,
и прилѣжностію его будетѣ мнѣ доспа-
влять довольно свободнаго времени, чшобѣ
употреблять небольшія мои дарованія
дѣ его и мою пользу.

Арнолдъ. Довольно! Ваше велико-
душіе прогаешѣ меня больше моего не-
щастія.

щасія. — О когда бы могъ я оказашь вамъ благодарность мою!

Германъ. Я уже сказалъ, что мое собственное щасіе эпова пребуешь: я былъ бы несчастливъ, есльди бъ принужденъ былъ оставить вашего сына, кошораго я люблю; какъ моего брата, какъ собственного моего сына. Онъ не ушвердился еще во всѣхъ добрыхъ навыкахъ, не довольно еще искусенъ въ шѣхъ знаніяхъ, какія ему имѣть должно. Можешь онъ найши наспавника гораздо меня искуснѣе; но никогда не найдешь шакова, кошорой могъ бы любить его такъ, какъ я люблю, кошорой имѣлъ бы сполько времени и сполько ревности объ немъ спарашься.

Гейнрихъ (плача.) Ахъ, Господинъ Германъ! для чего не могу я пересказашь вамъ того, что я чувспвую.

Арнолдъ (отирая слезы.) Слезы наши, сынъ мой, скажушъ шо, чего мы словами сказашь не можемъ. — Между шѣмъ, Господинъ Германъ, еще долженъ я вамъ сказашь, что я за мѣсяцъ уже напередъ могъ догадывашься о моемъ несчастіи и говорилъ о томъ съ моими пріятелями. Они обѣщали мнѣ спарашься о моемъ сынѣ. Вы ихъ знаете; пой-

дише къ нимъ и уговорилесь съ ними, что вамъ предпринять надобно.

Германъ. Изрядно; я увижусь съ ними и буду просить ихъ помощи, если ли что будетъ нужно.

Я В Л Е Н І Е VI.

Прежніе. Шарлотта.

Шарлотта (плача.) Ахъ! бабюшка! —

Арнолдъ. Изрядно; они уже здѣсь! — приказала ли ты принести мнѣ носилки.

Шарлотта (плача.) Я — послала — за ними.

Арнолдъ. И такъ я пойду, поговорю съ этими господами, которые присланы опечашивать, и дождусь тамъ носилокъ. — Ты плачешь, дочь моя? Успокойся! Несчастіе наше сносно. Господинъ Германъ, великодушной нашъ другъ, хочешь спараться о своемъ братѣ. — Любезныя дѣши! я оставляю васъ попеченію Божію. — Простите, Господинъ Германъ! (*обнимая его.*) Никакая печаль — ни время — не истребятъ изъ моей памяти вашего великодушія, вашей дружбы.

Гейнрихъ. Бапюшка! вы хопите насъ оставишь? — Нѣтъ, я не ошпану ошъ васъ, я пойду вмѣстѣ съ вами.

Арнолдъ. Безполезно намъ пропивишься нашей судьбѣ. Я подвергаюсь ей шerpѣливо; послѣдуй и ты мнѣ, — Мы не навсегда расстаемся: я думаю, что тебѣ позволено будетъ иногда приходиться ко мнѣ.

Шарлотта. И мнѣ бапюшка, шакже позволяшь съ вами вѣдѣться?

Арнолдъ. Безъ сомнѣнiя, дочь моя! — я надѣюсь, что ты и съ шепкою своею скоро увидишься. (*Обнимае ея.*) Теперь прости! — не забывай моихъ наставлений, старайся украшати душу свою добродѣшelio; ты будешь чрезъ то и сама шасшлива, и меня шасшливымъ сдѣлаешь. —

(*Шарлотта заливается слезами, бросается въ креслы и закрываетъ лицо платкомъ.*)

Арнолдъ (*Гейнриху, которой держитъ его за руку.*) Прости, сынъ мой! — бойся Бога, будь шрудолобивъ и честенъ; тогда будешь ты благополученъ, а ошцу швоему принесешь честь и радость. (*Онъ шѣлусть его и уходитъ.* *Гейнрихъ*

бѣжитъ за нимъ. Германъ также за ними уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Шарлотта, одна.

Ишли ли мнѣ за нимъ? — Нѣтъ; я не могла бы на ногахъ держаться, и только бы еще больше его опечалила. — Какъ мы несчастны! смерть лишила насъ матери; а жестокіе люди и отца у насъ отнимающъ. — Но не могу ли я чегонибудь для него сдѣлать? Что, еслили я возьму свои вещи и отдамъ ихъ — Бабушка сказалъ, что я лишу тѣмъ послѣдней помощи себя, брата моего и пещушку, что этими вещами всѣхъ его долговъ заплащивъ не можне, и что ему мало въ томъ будетъ пользы. Однако можетъ быть онъ заботится только о насъ, а не о себѣ. Да, я его знаю; онъ печется о насъ не щадя себя. Надобно и мнѣ для него на все отважиться. Онъ самъ сказалъ, что займодавцы его должны опредѣлить намъ чтонибудь на содержаніе; на чтожь — А! вотъ и Гейнрихъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Шарлотта. Гейнрихъ.

Шарлотта. И такъ его уже нѣтъ здѣсь?

Гейнрихъ. Никто — никто не принудилъ бы меня съ нимъ разсѣяться! но онъ самъ приказалъ мнѣ, чтобъ я его оставилъ, — просилъ меня, чтобы я не умножалъ его горести. Чшо мнѣ было дѣлать? Я долженъ былъ его послушаться.

Шарлотта. Ахъ! какъ мы несчастны! — но гдѣ жь Господинъ Германъ?

Гейнрихъ. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, пошелъ въ свою комнату, и скоро опять сюда придетъ.

Шарлотта. Не сказалъ тебѣ бабюшка еще чего нибудь?

Гейнрихъ. Нѣтъ; носилки были уже готовы, какъ мы сошли съ лѣстницы. Онъ сперва опослалъ меня отъ себя; но какъ бы сжалившись, подозвалъ меня опять къ себѣ, обнялъ и поцѣловалъ; слезы текли у него изъ глазъ. По помѣ слѣ онъ въ носилки и приказалъ нести себя скорѣе. — Ахъ! когда бы только не сдѣлалось съ нимъ чего нибудь худова!

Шарлотта. Чему еще бышь хуже?
 — Онъ запертъ будетъ въ пюрму, гдѣ
не

не дадутъ ему ничего, кромѣ хлѣба и воды, гдѣ онъ не будетъ видѣть дневнаго свѣту, не будетъ видѣться съ нами; а это для него шягоспнѣе всего.

Гейнрихъ. Это правда; онъ насъ любитъ; мы сами не можемъ любить его такъ горячо, какъ онъ насъ любитъ.

Шарлотта. Послушай, Гейнрихъ! — хопя башюшка и запрешилъ намъ иппи къ Господину Гарпигу, однако пойдѣмъ къ нему, упадѣмъ къ ногамъ его и будѣмъ просить его —

Гейнрихъ (обнимаетъ ее.) Да, сесприца, сдѣлаемъ это, пойдѣмъ теперь же!

Шарлотта. Башюшка сказывалъ намъ, что онъ чловѣкъ суровой и не склоняется ни на какія прозьбы —

Гейнрихъ. Какая въ помѣ нужда, какъ бы онъ суровъ ни былъ? Онъ не можетъ больше ничего мнѣ сдѣлать, какъ отказашъ, прогнашъ меня отъ себя.

Шарлотта. Еслили онъ и не склонился на наши прозьбы, то я знаю, что сдѣлать. У него есть дочь; она мнѣ нѣскольکو знакома; я уговорю ее, чпобѣ она просила его за меня. Еслили жъ и это не поможетъ, то я — заплачу башюшкинѣ долгѣ.

Гейн-

Гейнрихъ. Заплашишь? Чѣмъ? Развѣ у тебя естѣ деньги? Для чего жь ты не опдала ихъ бапюшкѣ?

Шарлотта. Я опѣ него самаго шолько узнала, что могу за него заплашишь.

Гейнрихъ. Для чего жь онѣ не взялъ швоихъ денегъ? не уже ли ты опдашь ихъ не хошѣла?

Шарлотта. Какъ можешь ты это обо мнѣ подумать?

Гейнрихъ. Проспи мнѣ, сесприца! я и не думаю эпова. — Вѣрно онѣ самѣ не захошѣлъ взять швоихъ денегъ, такъ же, какъ и меня не хошѣлъ взять съ собою.

Шарлотта. Точно такъ; однако намѣ должно для него жь самого вѣ первой разѣ его не послушашься.

Гейнрихъ. Я побѣгу сказашь обѣ эшомѣ господину Герману.

Шарлотта. Нѣшѣ, для Бога! не сказывай ему ни слова. Ты знаешь, что онѣ всегда бываешѣ одинакова мнѣнїя съ бапюшкою; вѣрно и шеперь запрешилѣ бы онѣ намѣ, что мы хошимѣ сдѣлашь.

Гейнрихъ. Ты правду говоришь. Однако я необходимо долженѣ сказашь ему, куда я иду и за чемѣ? что жь я скажу?

Шарлотта. Скажи полько, что мы идемъ къ дѣшамъ Господина Гаршига просишь ихъ, чшобъ онъ за насъ попроси ли своего опца.

Гейрихъ. Изрядно; я и не солгу, а въ самомъ дѣлѣ пойду сперва къ молодому Гаршигу. Говоряшъ, что онъ очень вѣстрянь и нѣсколько грубъ. Но что въ шомъ нужды? Не уже ли и онъ шакъ же нечувствителенъ, какъ и опецъ его?

Шарлотта. Зайди за мною въ мою комнашу. (*Гейрихъ уходитъ.*) О Боже! когда бы башюшка нашъ былъ свободенъ!

(*Она отпираетъ коммодъ, вынимаетъ изъ него ящичекъ, и уходитъ.*)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

(Продолженіе драмы, начатой въ
последнемъ Но.

Д Ъ Й С Т В І Е Ц .

Я В Л Е Н І Е I .

(Г. Гартигъ сидитъ одинъ, въ сво-
емъ кабинетѣ и пишетъ; по томъ
встаетъ и говоритъ:)

Да! буду поступать съ нимъ какъ мож-
но строже — въ первые четыре не-
дѣли не велю давать ему ничего, кромѣ
хлѣба и воды. — Какъ? обмануть меня
въ такой большой суммѣ! — Правда,
бѣднякъ и самъ обманутъ — но для
чего жь онъ шакъ глупъ былъ? Поручись-
ся за другога! — какая неоспорож-
ность! — Виновашъ ли онъ, или неви-
новашъ, но я обманутъ, и онъ долженъ
быть за эшо наказанъ. Можешъ быть
сущешся какой нибудь жалостливой про-
ссякъ и за него поручишся — шѣмъ
лучше для меня! — (услышавши стукъ

у дверей.) Кто-то спучишся! (отпираетъ дверь, и Шарлотта входитъ.)

Я В Л Е Н І Е II.

Гаршигъ. Шарлотта.

Гартигъ. Что тебѣ надобно? Говори скорѣе! (Шарлотта плачетъ и не можетъ ничего выговорить.) Ну! развѣ за шѣмъ приходятъ къ честнымъ людямъ, чтобы плакать?

Шарлотта. Простите меня, государь мой! — моя горесшь —

Гартигъ. Какая мнѣ нужда въ швоей горесши? У меня и своей горесши много. Говори, за чѣмъ ты пришла?

Шарлотта. Несчасіе отца моего —

Гартигъ. А! ты вѣрно дочь честнаго господина Арнолда, которой меня обманулъ?

Шарлотта. Ахъ! это не правда, государь мой; онъ васъ не обманулъ.

Гартигъ. Не уже ли ты знаешь это лучше меня?

Шарлотта. Вы не знаете, сколько онъ честенъ — ахъ! вы не знаете, какова отца опняли вы у меня и у моего брата!

Гартигъ. Изрядная честность! Кто поручишься за другога и обяжешься за него плашишь, а не заплашишь, шотъ плушь.

Шарлотта. А ешьли онъ желалъ бы заплашишь, но не можешъ?

Гартигъ. Такъ не должно бы обѣщашь и обязывашься.

Шарлотта. Онъ думалъ, чшо можешъ положишься на своего друга.

Гартигъ. Надобно бы не думашь, а вѣрно знашь. Кто не знаешъ, за кого ручается, шотъ глупъ, шакъ, какъ швой опецъ, и бываешъ обманушь, шакъ же, какъ швой опецъ.

Шарлотта. Ахъ! государь мой, не бранише его. Онъ ошибся, обманулся вѣ своемъ другѣ, однако жь —

Гартигъ. Однако жь! однако жь! — по чшо мнѣ сѣ шобою споришь. Ты не засшавишь меня согласишься на шо, чшо я не правъ.

Шарлотта. Я никогда обѣ эпомъ и не думала. Нѣшъ; я пришла просишь васъ, чшобъ вы сжалились надъ нами —

Гартигъ. Чшобъ я сжалился надъ вами и бросилъ вѣ печь мои деньги?

Шарлотта. Нѣшѣ, чѣобѣ вы освободили моего ошца, и потерпѣли бы, пока онѣ прійдетѣ вѣ соостояніе —

Гартигѣ. Чѣобы я потерпѣлѣ, какѣ вѣщица вылешитѣ изѣ клешки, а послѣ бы зашворилѣ дверцы? — Нѣшѣ! нѣшѣ! пусть посидитѣ онѣ шамѣ, гдѣ надобно; эшо лучше.

Шарлотта. Не уже ли вы не можете почувствовать жалости къ такимъ несчастнымъ? —

Гартигѣ. Будете вы несчастны, или несчастливы, какѣ хошите! я довольно уже былѣ жалоспливѣ. Не я виноватѣ вѣ вашемъ несчастіи. Пусть ктонибудь иной будетѣ жалоспливѣ и изѣ жалости отдастѣ мнѣ мои деньги.

Шарлотта. Можетѣ быть и найдется такой великодушной человекѣ, когда вы освободите моего ошца, когда только дадите вы ему время —

Гартигѣ. Я давалѣ ему довольно времени, отсрочивалѣ уже два раза; но онѣ не заплашилѣ, и я больше терпѣть не хочу. — Пойди, куда тебѣ надобно, и оставь меня съ покоемѣ.

Шарлотта. Онѣ оставилѣ насѣ безѣ помощи, безѣ утѣшенія; подумайте, какѣ

какъ терзается его сердце! И у васъ есть дѣти; подумайте, когда бы онѣ —

Гартигъ. О! моимъ дѣтямъ нѣчего бояться. Видишь ли ты эшопѣ сундукъ? (*указываетъ на большой сундукъ.*) И примиѣ, и безъ меня найдушѣ онѣ въ немъ помощь и упѣшеніе. Когда бы и вашъ отецъ такъ же поспеуалъ, какъ я, то бы и вы не были несчастны, и онѣ не былъ бы шамъ, гдѣ онѣ шеперь бышѣ долженъ, и я получилъ бы свои деньги.

Шарлотта. Повѣрьте, что нашъ башюшка не щадилъ ничего для нашего воспитанія; онѣ училъ насъ всему доброму, всему, что для насъ можешѣ бышѣ полезно; но мы еще въ такихъ лѣшахъ, что не можешѣ шѣмъ пользоваться. Богъ насъ не оставитѣ —

Гартигъ. Тѣмъ лучше для васъ! — Но что болташѣ пустое? Однимъ словомъ, поиди отсюда, и не безпокой меня.

Шарлотта (*беретъ его за руку и падаетъ предъ нимъ на колѣни. Онѣ вырывается и бѣгаетъ по комнатѣ; она ходитъ за нимъ и не перестаетъ его упрашивать.*) Сжалъшесъ надъ нами! Опдайше намъ башюшку. Богъ наградитѣ васъ за то. — Ничшо васъ не шреваетѣ? Послушайше жѣ?

Гартигъ (затыкая себѣ уши.) Я ничего не слышу! и не вижу ничего! — прочь! — пойдн ошѣ меня прочь!

Шарлотта. Я хочу вамѣ заплашить. (*Гартигъ уходитъ въ маленькую комнату, которая подлѣ кабинета, и запираетъ за собою дверь.*) Онѣ ушелъ! жестокой человекѣ! я не думала, чшобѣ были шакіе люди. Онѣ не хочешѣ даже и шого выслушать, чшо я хочу ему заплашить. Теперь оспалось мнѣ только ишши кѣ его дочерѣ.

(*Она уходитъ плача.*)

Я В Л Е Н І Е Ш.

(*Гартигъ отворивши немного дверь, смотритъ ушла ли Шарлотта, и пѣ томѣ выходитъ*)

Негодница! какѣ она меня мучила! Я не знаю, чшобы я сдѣлалѣ, ештли бы еще сѣ нею оспался. Она привела меня въ жалость своими слезами. Въ самомѣ дѣлѣ отецѣ ея не можешѣ быть плушомѣ и имѣшѣ шакую добрую дочь. Мои дѣшн вѣрно не спали бы шакѣ просить за меня, ештли бы и со мною шо же случилось, чшо сѣ Арнолдомѣ. Желалѣ бы я, чшобы ктонибудь изѣ нихѣ былѣ здѣсь. Я шружусь для н хѣ и собираю шакѣ много;

сомнительно, будущъ ли онъ мнѣ за это плашишь шѣмъ же, чѣмъ Арнольдовы дѣши плашяшъ ему за то, что онъ долги наживаетъ. — Естля бы сумма не шакъ была велика, то я думаю, что для шакон доброй дочери согласился бы я —

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гартигъ. Карлъ.

Карлъ (входя хохочетъ) ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Гартигъ. Ну! что съ тобою сдѣалось? чему ты хохочешъ, какъ сумасшедшій.

Карлъ. Ха! ха! ха! — Батюшка, подумайте, какъ это смѣшно!

Гартигъ. Вѣрно опять ктонибудь упалъ и ушибся до крови?

Карлъ. Ахъ нѣшъ! еще смѣшнѣе!

Гартигъ. Такъ ктонибудь шею себѣ сломилъ?

Карлъ. Все не то, батюшка. Опгадайте, кто шеперь у меня былъ?

Гартигъ. Болванъ! спану ли я надъ эшимъ ломать голову?

Карлъ. Да вы и не опгадали бы никогда — У меня былъ сынъ Арнолдовъ —

Гартигъ. Арнолдовъ сынъ? А! я догадываюсь — Сестра его была здѣсь. —

Ты вѣрно пришелъ просишь за ихъ отца ;
но я тебѣ напередъ сказываю —

Карлъ. Не безпокойтесь ; у меня и на-
мѣренія эпова не было. Правда, онъ про-
силъ меня , чшобы я шелъ къ вамъ и
спарался бы васъ упросить , чшобъ вы
приказали запереть его въ шюрму , не
давали бы ему ничего , кромѣ хлѣба и
воды , дѣлали бы съ нимъ чшо вамъ угод-
но — только бы освободили бѣднаго его
отца — и мало ли еще чего онъ мнѣ
наговорилъ ! я уже всего и не вспомню.

Гартигъ. И эшо - шо смѣшно тебѣ
кажется ?

Карлъ. Какъ же не смѣшно ? Никшо
отъ него эпова не требовалъ.

Гартигъ. Чшо , ешьли бы швоего
отца въ шюрму посадили , шы и не вспо-
мнилъ бы объ немъ , не только , чшобъ
ишти и просить , чшобы тебя вмѣсто
его шуда посадили. Не правда ли ?

Карлъ. Ха ! ха ! ха ! вы шупите ,
бапюшка ! Кшо васъ въ шюрму посадить ?
Вы никому не должны , а у васъ денегъ
много.

Гартигъ. Я эшо знаю , чшо шеперь
никшо меня не посадить въ шюрму. Но
чшо , ешьли бы у меня не было сполько
денегъ , сколько я шрудами своими для
васъ

васѣ собралѣ , или есѣлибѣ воры при-
шли и украли мои деньги , либо я пору-
чился бы за кого нибудѣ , шакѣ же , какѣ
и Арнолдѣ —

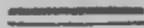
Карлѣ. О ! воры не прійдушѣ , да и
прійши имѣ не можно ; для этова вы и
сдѣлали большую желѣзную дверь , окош-
ки сѣ толстыми решетками и крѣпкіе
желѣзные сундуки ; — а поручишьсѣ ?
— вы еще ни за кого не ручались.

Гартигѣ. Какѣ глухо шы говоришь !
— Люди нашего сосноянїя должны ча-
сто раздавать деньги вѣ долгѣ ; не всѣ
должники бывающѣ чеспные люди : эшо я
давно уже испышалѣ . Чшо , есѣли бы
мои должники мнѣ не плашили , а я самѣ
былѣ бы кому нибудѣ долженѣ и шакже
бы не могѣ заплашитѣ — и мой займо-
давецѣ поступилѣ бы со мною шакѣ же ,
какѣ я сѣ Арнолдомѣ поступилѣ —
захотѣлѣ ли бы шы шогда ишци вѣ шюрму ?

Карлѣ. За чшо жѣ мнѣ ишши вѣ
шюрму ? не я былѣ бы долженѣ , а вы.

Гартигѣ. А сынѣ Арнолдовѣ развѣ
самѣ долженѣ ?

Карлѣ. Для шого-шо прозьба его и
смѣшна ; да и кшо будетѣ шакѣ простѣ ,
чшобы рабенка взяшь за большова чело-
вѣка ?

Гартигъ. Не о шомъ спрашивается, что я сдѣлаю, а о шомъ, что бы ты сдѣлалъ. Положимъ, что я соглашусь взять сына вмѣсто отца; или мой займодавецъ, еслили бѣ я также былъ долженъ, захошѣлъ взять тебя вмѣсто меня, согласился ли бы ты на это?

Карлъ. Ахъ батюшка! какіе странные вопросы вы мнѣ дѣлаете! — Конечно, мнѣ бы надобно было согласишься. Однако вамъ не было бы въ шомъ никакой пользы. Что бы сдѣлалъ вашъ займодавецъ со мною?

Гартигъ. То же, что и я сдѣлалъ бы съ Арнолдовымъ сыномъ; онъ освободилъ бы меня, а тебя держалъ бы въ шюрмѣ до тѣхъ поръ, пока бы я не заплашилъ долгу.

Карлъ. А если ли бы вы не могли и не захошѣли плашиться?

Гартигъ. Такъ ты оспался бы шамъ навсегда.

Карлъ. Слуга покорной!

Гартигъ. Карлъ! я вижу, что Г. Арнолдъ гораздо щасливѣе меня дѣтьми, хошя у него и не такъ много денегъ, какъ у меня.

Карлъ. А дѣти его были бы имъ щасливѣе, когда бы у него побольше денегъ было.

Гар-

— *Гартигъ.* Здѣсь ли маленькой Арнолдъ?

Карлъ. Здѣсь еще. Сперва не хотѣлъ я его и слушать, однако жь онъ не далъ мнѣ покою и принудилъ меня итти къ вамъ и просить васъ, чшобъ вы приказали отвести его въ шюрму вмѣсто отца. (смѣется.)

Гартигъ. Переспанъ смѣяться; мнѣ досадно, что ты этому смѣешься. — Послушай! я хочу поговорить съ нимъ; мнѣ очень это нравится, что онъ и сестра его просятъ за своего отца. Приведи его ко мнѣ.

Карлъ. Башюшка! я не совѣтую вамъ допускать его къ себѣ; онъ вамъ наскучитъ.

Гартигъ. Пойди и дѣлай шолько что тебѣ приказываютъ: я сбылъ уже съ рукъ отца его и сестру; не уже ли и онъ него не опдѣлаюсь?

(*Карлъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Гаршигъ. Луиза.

Луиза (вбѣгаетъ весьма скоро.) Ра-
дуйтесь, батюшка, радуйтесь!

Гаршигъ. Ты очень не кстапи при-
шла со своею радостью. Вы съ братомъ,
кажется, согласились сегодня миѣ шолько
досаждашь. — За чѣмъ ты пришла?

Луиза. Я пришла заплашить вамъ
долгъ Г. Арнолда.

Гаршигъ. Долгъ Г. Арнолда? —
что? ты пришла сюда шумить надъ
своимъ опцомъ?

Луиза. Нѣтъ, батюшка, я не шучу;
однако вы должны напередъ подарить ме-
ня алмазнымъ перстнемъ, либо другою
какою нибудь вещицею; а безъ того я
вамъ ничего не опдамъ.

Гаршигъ. Опойди опъ меня и ос-
тавь меня въ покоѣ; я не люблю швоихъ
шупокъ.

Луиза. Изрядно, я пойду, и вы ни-
чего не получите; но по крайей мѣрѣ
посмотрите, съ чѣмъ вы меня опсылае-
те. (*Она развертываетъ платокъ и выни-
маетъ ящичекъ.*)

Гаршигъ. Что? — что эшо шакое?
— Подай сюда! (*хочетъ взять у нее
ящичекъ.*)

Луиза.

Луиза. Нѣшѣ, я вамѣ его не опдамѣ; посмоіприте шолько. (*Она раскрываетъ ящичекѣ, въ которомѣ лежатъ алмазныя серьги, перстни и нѣкоторыя другія вещи. Гартигѣ смотритѣ на нихъ съ удивленіемѣ и съ жадностію.*)

Гартигѣ. Ба! что я вижу? Эшо Арполдовы вещи? (*вынимаетъ и разсматриваетъ ихъ одну послѣ другой.*) Онѣ опдаетъ ихѣ мнѣ за долгѣ? Онѣ стояшѣ дороже, нежели сколько онѣ мнѣ долженѣ. — Сшранной человѣкѣ! для чего онѣ прежде мнѣ ихѣ не опдалѣ? и самѣ бы избавился опѣ огорченія и меня бы опѣ досады избавилѣ. — Сей же часѣ будешѣ онѣ свободенѣ. Пусть другіе его займодавцы сами о себѣ спшраютъ; а я доволенѣ. Однакожѣ —

Луиза. Однакожѣ подарите меня чѣмѣ нибудѣ изѣ эшихѣ вещей; а иначе — иначе мнѣ жалко будешѣ, что я взяла ихѣ у бѣдной дѣвушки.

Гартигѣ. У бѣдной дѣвушки? у какой бѣдной дѣвушки?

Луиза. У дочери господина Арнолда.

Гартигѣ. Какѣ? она шибѣ опдала эшошѣ ящичекѣ? — дочь Г. Арнолда, кошорая недавно ко мнѣ приходила?

Луиза. Точно такъ. Она сказывала мнѣ, что эшѣ вещи достались ей въ наслѣдство, или ей кто нибудь ихъ подарилъ — не знаю вѣрно, какъ она ихъ получила — однимъ словомъ, она говоришь, что онѣ ей принадлежатъ, и что она съ радостію отдастъ ихъ вамъ, естли вы согласитесь освободить ея отца.

Гартигъ. Она это тебѣ говорила?

Луиза. Да, бапюшка, говорила. — Однако что жъ вы мнѣ подарите? Посмотрите, какой прекрасной персень! у меня на рукѣ былъ бы онѣ еще гораздо лучше.

Гартигъ. Но я потерпѣлъ бы убытокъ, когда бы тебѣ его отдалъ.

Луиза. Вотъ это мнѣ досадно!

Гартигъ. Тебѣ досадно? то, что отецъ твой убытку не потерпитъ?

Луиза. Нѣтъ, бапюшка, я не хочу, чтобы вы убытокъ терпѣли; а мнѣ только то досадно, что я не буду имѣть эшова персня.

Гартигъ. Тебѣ имѣть такой дорогой персень? Что бы люди подумали тогда о моемъ богатствѣ? — Ты и сама того не стоишь, чего эшотъ персень стоишь.

Луиза.

Луиза. О когда бы я напередъ это знала! — Бѣдная дѣвушка! какъ она мнѣ теперь жалка! Она говорила, что кромѣ эсихъ вещей у нее и у брата ея ничего не осталось, однакожь она захопѣла лучше сама остаться безъ всякой помощи, только бы не видѣть отца своего въ несчастіи. — Если бы я не надеялась получить что нибудь, то бы и вамъ ничего не досталось.

Гартигъ. Негодница! я вижу, что ты и не вспомнила бы о своемъ отцѣ, если бы онъ помился въ шюрмъ и въ оковахъ, а у тебя были такія вещи. Для тебя уборы, а для брата швоего праздность и роскошная жизнь дороже отца и матери. Неблагодарныя дѣши! на что я собираю богатство? для кого я шржусь, себя не жалѣя?

Луиза. На что и деньги имѣшь, если не покупать на нихъ хорошихъ уборовъ.

Гартигъ. Вошъ какія мысли! Не спроси у дочери господина Арнолда, какая бы польза ей была, если бы отецъ ея имѣлъ теперь деньги? Тогда не имѣла бы она нужды отдавать свои вещи.

Луиза. А у кого нѣтъ такихъ вещей, какая жь шому и отъ денегъ польза?

Гартигъ. Онѣ достаются развращеннымъ дѣшамъ, отъ которыхъ и благодар-

дарности за то не получишь. — Пойди, приведи ко мнѣ дочь Г. Арнолда : мнѣ надобно узнать, во что цѣнишь она свои вещи и что изъ нихъ мнѣ принадлежитъ ; я не хочу взять ни одной копейки ни лишней сверхъ того , сколько овецъ ей мнѣ долженъ : это былъ бы непростительной грабежъ.

Луиза. Но не позабудьте жъ и обо мнѣ ! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаршигъ. одинъ.

Не могу надивиться ! — какія дѣши ! — Сынъ хочетъ итти въ пюрму за своего отца — дочь приходитъ ко мнѣ и падаетъ предо мною на колѣни — отдаетъ послѣднее, что у нее оставалось. За какова жъ отца ? за такого , коимъ привелъ ихъ въ несчастіе , разорился , поручился за обманщика. — А мои дѣши живутъ въ изобиліи , ни о чемъ не забота ; однакожъ я не вижу отъ нихъ благодарности : сынъ вдается въ праздность и думаетъ только о шалостяхъ , а дочь и теперь уже занимается только вздорами.

(*Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ No.*)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Добрыя дѣти , драма. (Окончаніе .)

Я В Л Е Н І Е VII.

Гаршигъ. Шарлотта.

Шарлотта. Извините меня , господинъ Гаршигъ. —

Гартигъ. Въ чемъ извиняешься , когда ты заплашишь мнѣ хочешь ? для чего ты прежде эпова не сказала ? мнѣ бы эпо было пріятно , и отецъ швой шеперь былъ бы уже свободенъ.

Шарлотта. Свободенъ ! какое щастіе ! — но вы прежде не хотѣли меня выслушать. —

Гартигъ. Я выслушалъ бы тебя съ радостію , естли бъ ты пошчасъ сказала мнѣ , за чѣмъ ты пришла. Но мнѣ кажется , я не слышалъ отъ тебя сперва ничего , кромѣ пустыхъ жалобъ и прозбъ.

Шарлотта. Это правда ; сперва надѣялась я , что вы пронесешь нашимъ нещастіемъ и сжалишься надъ нами ; я

хотѣла сберечь послѣднее, что у насъ осмывалось на содержаніе меня, брата моего и нашей шепки.

Гартигъ. Однако жъ надобно признаться, что отецъ швой непростишительно поступалъ. Для чего онъ спрашивалъ деньги на такія дорогія бездѣлки? Развѣ онъ не зналъ, что деньги всегда должны быть въ оборотѣ и не лежать ни одной минутой безъ пользы? Деньги деньгами жъ наживаются.

Шарлотта. Вы ошибаетесь, государь мой! Эшѣ вещи достались мнѣ послѣ покойной моей мапущки, а она получила ихъ отъ своей шепки. До нынѣшняго дня я и не знала, что онъ у меня есть.

Гартигъ. Какъ это могло случиться?

Шарлотта. Сегодня только, прощаясь со мною, башюшка ихъ мнѣ отдалъ. Я просила его, чтобы онъ употребилъ ихъ на заплашу своего долгу, но —

Гартигъ. Онъ поступилъ бы очень безсовѣстно, если бы на то согласился.

Шарлотта. Но онъ отвѣчалъ мнѣ, что это было бы очень несправедливо, если бы онъ заплатилъ свой долгъ шѣмъ, что одной мнѣ принадлежишѣ; приказалъ продать ихъ, и шѣми деньгами, копорья получили бы мы за нихъ, содержась

ся мнѣ съ моимъ братомъ и съ нашею пепушкою, которая скоро сюда будетъ; она живетъ въ небольшомъ городкѣ не далеко отсюда, въ бѣдности.

Гартигъ. А ты отдаешь свои вещи мнѣ, чтобы я освободилъ твоего отца?

Шарлотта. Да, господинъ Гартигъ! и прошу васъ, сдѣлайте насъ щасливыми не теряя времени.

Гартигъ. Но чѣмъ же ты будешь содержаться? Чѣмъ будешь жить твоей отецъ, братъ твой?

Шарлотта. Намъ не много надобно. Я научена нѣкоторымъ руководльямъ; буду работать день и ночь и зарабатывать имъ и себѣ на пропитаніе.

Гартигъ. Признаюсь, что ты меня удивляешь. И все это дѣлаешь ты изъ любви къ своему отцу.

Шарлотта. Ахъ, господинъ Гартигъ! вы въ спыдъ меня приводите, либо копите меня испытывать. Можно ли сдѣлать меньше для отца, и для шакова отца, каковъ нашъ?

Гартигъ. Но вашъ отецъ дѣлаешь васъ несчастными.

Шарлотта. Мы не будемъ несчастны, когда вы его намъ возвратите. Онъ училъ насъ быть набожными и добродѣ-

шельными , довольствовашься малымъ , бышь лучше въ бѣдноти честными , нежели несправедливыми въ богатомъ состоянїи , предпочипашь скромность и умѣренность гордости и щеславію. Все-му этому училъ онъ насъ своимъ примѣромъ.

Гаршигъ. Однако жъ онъ мнѣ не заплашилъ. Честно ли это ?

Шарлотта. Ахъ, господинъ Гаршигъ! онъ заплашилъ бы вамъ охотно , естли бы могъ. Но онъ обманулъ. Доброе его сердце заставило его положитьсь на такую друга , которой можеть бышь по легкомыслию измѣнилъ ему.

Гаршигъ. Ты искусчо защищаешь своего опца. — (*Отходитъ отъ нее и говоритъ въ сторону.*) Я никогда еще не чувствовалъ того , что теперь чувствую — слезы выступаютъ у меня на глаза. — Кажеться , будто совѣсть запреща-етъ мнѣ принять дорогія вещи , которыя она мнѣ опдаетъ. —

Шарлотта. Мнѣ кажеться , что вы сомнѣваетесь , государь мой! Развѣ этихъ вещей для васъ не довольно ? Я опдала бы вамъ все , чего бы вы еще ни пошребовали ; но клянусь вамъ , что больше ничего у меня нѣтъ —

Гар-

Гартигъ (уходя.) Подожди здѣсь, дочь моя! я пошчасъ прійду.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Шарлотта, одна.

Миѣ кажется, что онѣ пронупѣ!
 — Онѣ говорилъ самѣ съ собою —
 назвалъ меня своею дочерью. — О Боже!
 еспьлибѣ онѣ возврашилъ намѣ башюш-
 ку! мнѣ ничто не дорого —

ЯВЛЕНІЕ IX.

Шарлотта. Гартигъ. Гейнрихъ.

Гейнрихъ (держитъ за руку *Г. Гартига*, и вошедши падаетъ къ его ногамъ.)
 Сжалъсь — сжалъсь надѣ нами и
 возвратите намѣ башюшку! (увидѣвши
Шарлотту, встаетъ и бѣжитъ къ ней.)
 Ты здѣсь, Шарлотта? — Помоги мнѣ
 просить господина *Гартига*, чтобѣ онѣ
 взялъ меня вмѣсто башюшки. Башюшка
 можешѣ шрудиться; — когда онѣ будетѣ
 свободенѣ, то можешѣ найши средство
 удовольствоватъ своихъ займодавцовѣ; а
 я ничего не могу сдѣлать.

Шарлотта (также беретъ за руку *Г. Гартига* и омокаетъ ее слезами.) Да, братецъ! я надѣюсь, что башюшка скоро будешь свободенъ. — Не правда ли, господинъ *Гартигъ*? Вы довольны моею плашою? — (*Гартигъ* смотритъ на свою руку; она примѣчаетъ то.) Просните мнѣ — это слезы радости — я не могла ихъ удержашь — надежда, что вы склонитесь на прозьбу нашу —

Гартигъ, Шарлотта! — ахъ, естлибъ ты была моя дочь!

Шарлотта. О! когда бы я была дочь ваша, не былъ бы отецъ мой шеперь въ шюрмѣ. Я спала бы просить васъ не ошсупно —

Гартигъ. Но спала ли бы ты и за меня просить, естлибъ я долженъ былъ вашему ошцу и онъ бы хощѣлъ заключить меня въ шюрму?

Шарлотта. Конечно; и за васъ спали бы мы просить нашего башюшку. Ваши дѣпи, такъ же, какъ и мы, не могли бы жить безъ васъ. Вѣрно и онъ просили за насъ —

Гартигъ. Жаль, что ты ошибаешься; — не онъ и нешакія добрыя дѣпи, какъ вы.

Шарлотта. Онъ спюлько чувствуюшъ свое щасиѣ и любяшъ васъ такъ нѣжно,

но, что и представишь себѣ не можешь, какъ можно разсѣяться съ опцомъ.

Гартигъ (какая голову.) Сомнѣваюсь — Однако жь, мальчикъ! въ самомъ ли дѣлѣ ты хочешь, чтобы я велѣлъ поведишь тебя въ шюрму, вмѣсто своего опця? — Знаешь ли ты, какъ страшно быть въ шюрмѣ? —

Гейнрихъ. Клянусь вамъ, что я желаю этова опѣ всего сердца.

Шарлотта. Это уже не нужно, братецъ. Господинъ *Гартигъ* соглашается принять мои вещи за башюшкинъ долгъ.

(*Входитъ Карлъ и шепчетъ нѣчто отцу своему на ухо. Гартигъ хочетъ выйти.*)

Шарлотта. Не уходите опсюда, не обнадеживши насъ, что мы скоро увидимъ нашего башюшку.

Гейнрихъ. Да, я опѣ васъ не опешану, пока вы не дадите мнѣ слова, что соглашаешься на мою прозьбу.

Гартигъ. Потерпите немного; я нюпчасъ эляшь здѣсь буду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Шарлотта. Гейнрихъ. Карлъ.

Карлъ. Что-то съ вами будетъ ,
господинъ Арнолдъ ! уже пришли за вами,
чтобы отвести васъ въ шюрму.

Гейнрихъ. Я пойду охотно , естли
башюшку вынустяпѣ опшуда.

Карлъ (Шарлоттѣ) Не хошите ли
и вы ишти съ вашимъ брашцомъ ? Я
охотно попросилъ бы башюшку и обѣ
васъ.

Шарлотта. Это не нужно. Я за-
плашила долгъ вашему башюшкѣ , и онѣ
доволенѣ.

Карлъ. А ! такъ вы богаты ! Видно,
что вашѣ башюшка очень добръ. Онѣ
самѣ разорился ; а вамѣ давалъ столько
денегъ , что вы за него долги плашите
можете. Теперь уже я и не дявлюсь —

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе. Луиза.

Луиза. Что ? уговорили ли вы ба-
шюшку ?

Шарлотта. Миѣ казался , и не нуж-
но было уговаривать его. Нашѣ башюш-
ка былѣ ему долженѣ ; я эшотѣ долгѣ
заплашила — въ чемѣ же шумѣ угова-
ривать ? — *Карлъ.*

Карль. Развѣ ты не слышишь, что она заплашила за своего башюшку?

Луиза. Однакожь не деньгами, и еспѣли бы не я —

Шарлотта. Я думаю, вамъ можно бы уже знашь, что деньги и шакія вещи, которыя дорого спойащѣ, все равно —

Я В Л Е Н І Е XII.

Прежніе. Гаршигъ. Арнолдъ.
(*Шарлотта и Гейнрихъ бросаются въ объятія къ своему отцу.*)

Шарлотта. О Боже! — башюшка!

Гейнрихъ. Башюшка!

Арнолдъ. Дѣши мои! (обнимаетъ ихъ.)

Шарлотта (беретъ свой ящичекъ, которой лежалъ на столѣ, и подаетъ его *Гартигу.*) Возмите, возьмите его, господинъ *Гаршигъ!* — пріймите и благодарность мою —

Гейнрихъ. Пріймите нашу общую благодарность за то, что вы башюшку намъ возвращаете!

Арнолдъ. Что я вижу? Что ты сдѣлала, дочь моя?

Шарлотта. Я сдѣлала то, чего долж-
ность, чего нѣжная къ вамъ любовь ошѣ

меня требовали. Могла ли я оставить васъ въ шюрмѣ, будучи въ состояніи дославить вамъ свободу? — Нѣтъ, бабушка! я не пощадила бы и послѣдней капли моей крови —

Арнольдъ Любезная дочь! я знаю швое сердце; но въ этомъ случаѣ поступила ты не благоразумно — неоспорочно.

Шарлотта. Однако жъ справедливо. Просните меня; я послѣдовала вашему примѣру. Вы жертвовали для насъ собою; какъ же и намъ того жъ для васъ не сдѣлать?

Арнольдъ. Господинъ Гаршигъ! вы видите, сколько дѣши чувствительны. Не уже ли и ваше сердце къ чувствительности не способно? — Позвольте разсказать вамъ. —

Гаршигъ. Я уже знаю, все знаю.

Арнольдъ. Такъ жальшесть же надѣ моими дѣльми, и прикажите опвесити меня опять въ шюрму, пока я прійду въ состояніе —

Гейнрихъ. Нѣтъ, бабушка! господинъ Гаршигъ соглашается взять меня вмѣсто васъ; я пойду шуда.

Арнольдъ. Сынъ мой! я принимаю добросердечное швое желаніе за самое

дѣло ; но ты пойдѣ шеперь и учишь при-
лѣжно, чшобы въ свое время подазашь мнѣ
помощь и ушѣшеніе.

Гартигъ. Перестаньше ! — сердце
мое шакѣ шпрунушо — слезы камятся
у меня изѣ глазѣ. — Господинѣ Ар-
нолдѣ ! вы щаспливы несказанно. — Шар-
лопша ! добродѣшельная дочь ! возми об-
рашно свои вещи ! — ты сама дороже
всѣхѣ драгоцѣнноостей въ свѣшѣ.

Шарлотта. (*не принимаетъ.*) Но ба-
шюшка нашѣ — нѣпшѣ ! господинѣ Гар-
шигѣ , вы уже согласились —

Гартигъ. Возми , дочь моя ! ты
обижаешь меня своею недовѣрчивостію.
— Не опасайся и возми , ешшли не хо-
чешь меня разсердишь !

(*Луиза старается знаками удержать
своего отца; онъ смотритъ на нее съ
гнѣвомъ.*)

Шарлотта. Я принимаю и благо-
дарю васѣ — однакожь съ уговоромѣ —

Арнолдѣ. Государь мой ! я въ вашей
власти.

Гартигъ. Господинѣ Арнолдѣ ! для
добрыхѣ вашихѣ дѣшей даю вамѣ сполько
сроку ,

сроку, сколько вамъ надобно, пока обстоятельство ваши поправятся.

(Гейрихъ и Шарлотта обнимаютъ Г. Гартнегъ и ласкаются къ нему.)

Шарлотта. Благодаренье наше! вы жизнь намъ возвращаете —

Гейрихъ. Вы возвращаете намъ счастье, утѣшеніе — возвращаете намъ все. — Чѣмъ можемъ мы оказать вамъ нашу благодарность?

Арнольдъ (беретъ его за руку.) Вы одолжаете не неблагодарнаго. Первое мое свиданіе будетъ заплашишь вамъ, какъ скоро Богъ мнѣ поможетъ.

(Гартнегъ вынимаетъ платокъ итираетъ слезы. Между тѣмъ Карлъ и Луиза подходятъ къ Шарлоттѣ.)

Луиза. Позвольте мнѣ еще посмотреть прекрасныя ваши вещи.

(Шарлотта раскрываетъ свой ящикъ, и между тѣмъ какъ Луиза рассматриваетъ съ удивленіемъ, она вынимаетъ изъ него перстень и отдаетъ ей.)

Шарлотта. Пріймите этотъ перстень въ знакъ нашей благодарности къ вашему батюшкѣ.

Гартнегъ. Какъ? что? — нѣтъ! я не хочу, чтобы мнѣ плашили за добро, которое я дѣлаю.

Луиза.

Луиза. Перстень эпопѣ мнѣ подаренъ. Для чего мнѣ не принять чшо мнѣ даришъ?

Гартигъ. А когда отецъ приказываетъ, чшобъ ты не брала? — не бери, говорю я тебѣ! — подай его мнѣ!

Луиза. Нѣтъ, башюшка! — перстень мой; онъ у меня и останется. (*Уходитъ, а отецъ бѣжитъ за нею.*)

Карлъ. И я надѣялся чшо нибудь получишь; а теперь вижу, чшо мнѣ ничего не достанется. Не знаю, чшо съ башюшкою сдѣлалось; онъ никогда еще такъ щедръ не бывалъ. (*уходитъ.*)

Гартигъ (*возвращаясь и встрѣтившись съ Карломъ.*) Скажи своей сестрѣ, чшобъ она сей же часъ отдала перстень, — а не то, дурно будетъ. — Ахъ! какъ я разсердился! — скажите, господинъ Арнолдъ, гдѣ вы берете добрыхъ дѣшей? для чего мои дѣши такъ меня мучашъ? — но я знаю — знаю, чѣмъ ихъ наказашъ! (*Онъ подходитъ къ письменному столу и ищетъ въ немъ нѣкоторыхъ бумагъ.*)

Арнолдъ. Смѣю ли я говоришь опкровенно?

Гартигъ. Опкровенно? — да, говорише опкровенно; я люблю опкровенность,

Арнолдъ.

Арнольдъ. Я опасаюсь, не сами ли вы въ помѣ виноваты.

Гартигъ. Какъ! самъ я виноватъ въ помѣ, что дѣши мои меня не слушаются и мнѣ досаждаютъ? — Не получаюшъ ли онѣ ошъ меня всего, что шолько имѣ надобно? не пекусь ли я о помѣ, чтобы онѣ и шеперь и по смерти моей не шепѣли недоспашка? не шружусь ли я для шого день и ночь?

Арнольдъ. Вы не имѣете причины сердиться на меня за шо, что я сказалъ. — Многие богатые люди поступаютъ шакъ же, какъ вы. Они весьма рано вперяютъ въ дѣшей своихъ неограниченное почшеніе къ богатству, и слишкомъ возвышаютъ его цѣну, унижая при помѣ шакія вещи, копорыя гораздо важнѣе богатства.

Гартигъ. А чтожь? это и справедливо. Развѣ не можно съ богатствомъ доспашъ все шо, что шобѣ угодно?

Арнольдъ. Не все. Оно не доспавляетъ намъ ни одной изъ шѣхъ добродѣтелей, копорыя дѣлаютъ насъ любви достойными предъ Богомъ и предъ людьми, ешь ли мы не упошребляемъ его съ добрыми и благородными намѣреніями. — Когда всѣ склонности, желанія и спаранія дѣшей

пей устремлены будутъ къ богатству ; когда вся душа ихъ занята будетъ шюю мыслию , что богатство все имъ доспавишь можешъ — оспанешся ли тогда мѣсто для любви къ Богу , къ родителамъ , къ должностямъ , къ добродѣтели и ко всему великому и благородному ?

Гартигъ. Такъ ; и мнѣ кажется , что вы правду говорите .

Арнольдъ. Онѣ не будутъ родителей своихъ слушаться , будутъ нечувствительны при благополучии и несчастіи другихъ людей , и какъ спраши ихъ опѣ времени до времени усиливаются , по наконецъ будутъ онѣ желать смерти своимъ родителямъ , для шюго , чтобы получить способъ удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ .

Гартигъ. О Боже ! это правда : мои дѣши совсѣмъ меня не любяшъ ; дочь моя занимается шюлько суешностію , а сынъ думаетъ шюлько о деньгахъ , чтобы ихъ шрашить .

Арнольдъ. Молодые люди рѣдко любяшъ деньги для самыхъ денегъ , но обыкновенно для какихъ нибудь иныхъ пристрастій ; а по шюму , какъ скоро получаютъ волю и средства удовлетворять своимъ пристрастіямъ , дѣлаются мота-

ми и распочаюшѣ имѣніе, которое опцы ихѣ съ шрудами и забошаніи собирали.

Гартигъ. Правда, господинѣ Арнолдѣ! правда! — я шеперь вижу, какѣ сынѣ мой и дочѣ моя распочаюшѣ послѣ меня мои деньги! — Вы опкрыли мнѣ глаза: я хочу — да, я хочу непременно — ахѣ! я самѣ не знаю, чего хочу; я не знаю, какѣ сдѣлать дѣшеи моихѣ шакими жѣ, каковы ваши. Скажите мнѣ, что мнѣ для эпова надобно дѣлать, или что вы дѣлали?

Шарлотта. Господинѣ Гартигѣ, вы думаете о насѣ слишкомѣ хорошо.

Гейрихъ. И мы имѣемѣ свои пороки.

Гартигъ. А мои дѣши и эпова никогда о себѣ не говоряшѣ.

Арнолдъ. Я старался всегда впечатлѣвать въ нихѣ любовь и почтеніе къ Богу и добродѣтели; училѣ ихѣ, что одна только добродѣтель можетѣ ихѣ сдѣлать щасливыми и въ нынѣшней жизни и въ будущей; увѣрялѣ ихѣ, что богатство и знанность тогда только заслуживаютѣ почтеніе, когда на добро употребляются; старался заблаговременно предохранять ихѣ отѣ праздноши, заспаляялѣ ихѣ учиться всему шому, что можетѣ принести имѣ пользу или

невин-

невинное удовольствіе, и что лично ихъ состоянію; наконецъ старался я учить ихъ всему доброму собственнымъ моимъ примѣромъ, сколько по слабости моя позволяла. При всякомъ случаѣ показывалъ я имъ опыты моей любви, и онѣ плашили мнѣ за то взаимною любовью.

Гартигъ. А я почти ничего эпова для своихъ дѣшей не дѣлалъ. Я старался только, чтобъ онѣ не терпѣли недостатка, а больше почти ни о чемъ не забесился. — Однако жъ, господинъ Арнолдъ, хорошъ ли эпощъ примѣръ, которой вы показали своимъ поручительствомъ?

Арнолдъ. Можешъ бышь поступилъ я не довольно оспорожно; а впрочемъ я и теперь еще объ эпощъ не раскаиваюсь.

Гартигъ. Не раскаиваетесь? — Странно! — Но что, ешьлибъ я не перемѣнилъ моего намѣренія? или ешьлибъ дѣши ваши — о! другихъ шакихъ дѣшей не скоро найдешь! —

Арнолдъ. Поручившись за моего друга, исполнилъ я то, къ чему дружба меня обязывала. Другъ мой, или шощъ, кого я почиталъ другомъ, не сдержалъ сво-

его слова, или не могъ его сдержать; и такъ онъ осмѣется виноватымъ, а не я.

Гартигъ. Однако не онъ, а вы шерпѣли за то наказаніе; вы шерпѣли нещастіе.

Арнолдъ. Я почти и не могу назвать нещастіемъ это приключеніе. Оно научило дѣшей моихъ не полагаться на людей и на деньги, по тому, что одно небольшое обспояшельство можетъ разрушить всѣ наши надежды, все наше щастіе. Онъ имѣли случай увѣриться, сколь полезно собирать сокровище въ самомъ себѣ; онъ были сполно щастливы, что добросердечіемъ своимъ и любовію ко мнѣ возбудили ваше великодушіе и заслужили отъ васъ себѣ любовь; а срокъ, которой вы мнѣ дали, послужитъ вамъ, какъ я надѣюсь, доказательствомъ въ томъ, что я честной человекъ.

Гартигъ (оттираетъ слезы, подходитъ опять къ своему столику, вынимаетъ бумагу и разодравши ее, отдаетъ Г. Арнолду.) Я увѣренъ въ вашей честности. — Вашъ ваше обязательство. Вы ничѣмъ уже мнѣ не должны. Простите меня въ томъ, что я нанесъ огорченіе вамъ и добрымъ вашимъ дѣшамъ.

Арнольдъ (обнимая его.) Нѣтъ, я остаюсь вашимъ должникомъ. Вы теперь пронуты; а послѣ можете бытъ спали бы жалѣшь о томъ, что вы теперь сдѣлали. — Но слово мое сполноко же надежно, какъ и письменное обязательство.

(Входитъ слуга и подаетъ Г. Гартигу письмо)

Слуга. Вашъ письмо къ вамъ! Господинъ мой получилъ его въ своемъ письмѣ. Еще приказалъ онъ сказать вамъ, что вы можете прислать за деньгами, когда вамъ угодно.

Гартигъ. За деньгами? — изрядно!

(Слуга уходитъ.)

Гартигъ (разматывая надпись.) Что я вижу? рука Гулливерова! *(распечатываетъ письмо.)*

Арнольдъ. Гулливерова?

Гартигъ (читаетъ.) „Государь мой! „удаленіе отъ моего опечества и особное несчастное приключеніе, о которомъ обстоятельно увѣдомию Г. Арнольда, привели меня въ несостояніе заплатить вамъ мой долгъ, даже не позволяли мнѣ и писать къ вамъ до сего времени. Теперь же посылаю къ вамъ

„ ассигнацію, по которой можете вы полу-
 „ чить плашу со всѣми надлежащими
 „ процентами отъ моего пріятеля, чрезъ
 „ котораго письмо сіе получите, и проч. „
 — (смотря пристально на Арнолда.)
 Господинъ Арнолдъ!

Арнолдъ. Какая радость! и другъ
 мой честной человекъ!

Шарлотта. Какъ я рада, что Богъ
 великодушіе ваше награждаетъ!

Гейнрихъ. Башюшка! — слава Богу!
 теперь не о чемъ уже вамъ забоишься.

Гартигъ (бывши нѣсколько времени
 въ великомъ удивленіи, приходитъ въ себя)
 Дѣти! — вотъ она! (отдаетъ имъ
 ассигнацію.) она ваша. — Въ первой
 разъ въ жизни моей чувствую, какос
 удовольствіе дѣлать добро добрымъ лю-
 дямъ, и вы этому меня научили. (Дѣти
 не хотятъ принять и смотрятъ на свое-
 го отца.) Не мстите мнѣ за мою суро-
 вость, и не отказывайтесь принять
 эшотъ небольшой подарокъ! — Госпо-
 динъ Арнолдъ! вы несравненно меня бога-
 тѣе своими дѣшми. Теперь я вижу,
 что опеческое благословеніе сокровища
 дѣшамъ приноситъ. Будьте всегда моимъ
 другомъ!

Арнолдъ. Могу ли я позабыть ваше
 великодушіе!

Шар-

Шарлотта. И мы никогда не позабудемъ нашего благодѣшеля.

VII.

О нѣкоторомъ ядовитомъ деревѣ, находящемся на островѣ Явѣ, въ Ост-Индіи.

Слѣдующее повѣспованіе споль удивительно, что и самой легковѣрной чело-вѣкѣ можешъ о немъ усомнишься. Однако жъ въ самомъ дѣлѣ оно досповѣрно и заслуживаетъ вниманіе. Многіе путешественники писали о семъ достопамят-номъ деревѣ, и между прочими одинъ Голландской медикъ, по имени Фершъ, сообщилъ о немъ довольно обстоятельное извѣстіе. Жители того острова, гдѣ оно находится, называющъ его на своемъ языкѣ *Богон Упасъ*. „Сперва не могъ я повѣрить, говоритъ Г. Фершъ, чтобъ было такое дерево, которое имѣло бы такія страшныя дѣйствія. Однако жъ многіе слухи и повѣсти на-концѣ такъ возбудили мое любопытство, что я вознамѣрился самъ развѣдать о томъ обстоятельно. И такъ отправился я изъ Батавіи, главнаго города на островѣ Явѣ, далѣе въ тѣ земли, гдѣ жи-вущъ еще язычники. Одинъ старой священ-

щенникъ далъ мнѣ письмо къ другому священнику, которой живешъ часовъ за 7 ѣзды отъ ядовишаго дерева. Ему поручено отъ Государя сего острова готовить къ смерти пресупниковъ, которыхъ посылаютъ къ дереву доставать ядъ. Я отдалъ сему священнику письмо, и узналъ отъ него все то, что шеперь сообщую.

Безон - Упасъ находишся за 27 часовъ ѣзды расшоянѣемъ отъ Батаваніи. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ пустыми холмами и горами. Окрестная земля на 4 или на 5 часовъ около сего дерева, суха и не производитъ никакихъ плодовъ. Не видно тамъ никакова дерева, никакова кустарника и даже никакой травы. Я объѣзжалъ вокругъ сего опаснаго мѣста и вездѣ находилъ только сухую и пустую землю. Все сіе происходитъ отъ ужасно сильнаго яду, находящагося въ одномъ только деревѣ, котораго испаренія далеко распространяются.

Жилище священника, какъ я уже сказалъ, находишся за 7 часовъ отъ сего дерева, и отсюда пресупники отправляются доставать ядовитую сѣру, выпекающую изъ коры онаго. Сямъ ядомъ намазываютъ оружіе, и по тому Государь получаетъ

часть отъ него значной доходъ. Доставать ядъ посылаются одни шолько пресупники, осужденные уже на смерть, и копорымъ остается одно сіе средство ко спасенію жизни. Когда приговоръ объ нихъ бываетъ утвержденъ, то спрашиваютъ ихъ предъ судомъ, хотяшъ ли они быть казнены, или лучше хотяшъ ийти къ дереву Упасъ за ядомъ? Обыкновенно выбираютъ они послѣднее, для того, что имъ не шолько остается еще при томъ нѣкоторая возможность сохранить жизнь, но и опредѣляется отъ Государя по смерти ихъ содержаніе, естли имъ удастся дойти до дерева и возвратиться. Также позволяется имъ просить у Государя какой нибудь небольшой милости, и обыкновенно прозьба ихъ исполняется. По томъ даюшъ имъ серебряную или черепаховую коробочку, въ которую должны они собирать ядовитую сѣру. Также получаюшъ они наставленіе, какъ имъ должно поступать на семъ опасномъ путешествіи. Совѣтуюшъ имъ наблюдать рачительно, съ которой стороны въпрѣвь ешъ, и ийти такъ, чтобъ въпрямъ всегда относило отъ нихъ испаренія дерева. Еще совѣтуюшъ имъ спѣшить изо всѣхъ силъ, для того, что это служитъ един-

ственнымъ способомъ къ сохраненію жизни. По томъ посылаютъ ихъ ко пресстарелому священнику. Обыкновенно провожатъ ихъ шуда родственники ихъ и пріятели. Тамъ живутъ они иногда по нѣскольку дней, ожидая удобнаго вѣспру, и въ сіе время священникъ приготавливаетъ ихъ къ смерти молишвами и увѣщаніями.

Когда имъ надобно будетъ итти, то священникъ надѣваетъ имъ на головы длинныя кожаныя покрыва, копорыя доспаютъ до груди, и въ копорыхъ предъ глазами вдѣланы бывають стекла. Также даетъ онъ имъ по парѣ кожаныхъ перчатокъ. По томъ отправляюся они въ путь. Священникъ съ родственниками ихъ и пріятели провожатъ ихъ еще за полчаса ѣзды. Священникъ повторяетъ свои наставленія и сказываетъ, гдѣ имъ искать дерева. Онъ указываетъ имъ пригорокъ, на копорой взошедши увидятъ они ручай и прямо по берегу сего ручья дойдутъ къ ядовитому дереву. По томъ осужденные прощаются со своими провожатыми и уходятъ.

Пресстарелой священникъ увѣрялъ меня, что онъ уже прищипать лѣтъ живетъ на семъ мѣстѣ, и во все то вре-

мя отправлялъ больше 700 преступниковъ за ядомъ, изъ которыхъ едва ли 70 возвратились назадъ, прочіе жъ всѣ умерли на дорогѣ. Онъ показывалъ мнѣ реэстръ всѣхъ сихъ несчастныхъ, въ которомъ означено было, въ какой день они отправлены и за какое преступленіе были посланы.

Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ сея печальной церемоніи и просилъ нѣкоторыхъ изъ отправляющихся преступниковъ, чѣмъ они принесли мнѣ хотя маленькую вѣпочку ядовитаго дерева, или нѣсколько листьевъ. Также давалъ я имъ шелковые шнуры, чѣмъ они смѣряли его толстошну. Однако не могъ я ничего получить, кромѣ двухъ изсохшихъ листьевъ, которыя одинъ изъ возвратившихся поднялъ на дорогѣ. Онъ не могъ мнѣ ничего больше рассказать о семъ деревѣ, какъ то, что оно стоитъ на берегу ручья; что оно посредственной величины; близко подлѣ его находится еще пять или шесть деревъ того же роду, а кромѣ того вблизи не видно никакаго растенія; земля состоитъ изъ темновашаго песку, смѣшаннаго со множествомъ мелкихъ камней; дорога къ нему кочши непроходима и покрыта мертвы-

ми шблами. Жители острова Явы почитаютъ Богон-Упасъ священнымъ орудіемъ пророка своего Магомеша, служащимъ для наказанія беззаконниковъ. Умереть отъ яду сего дерева почитается у нихъ за честную смерть; и по тому примѣнилъ я, что преступники опираваясь въ свой путь, обыкновенно одѣваются въ самое лучшее свое платье.

Хотя и не вѣроятно кажется, но заподлинно извѣстно, что за 6 часовъ ѣзды вокругъ сего ядовитого дерева не только люди жить не могутъ, но и никакова животнога шамъ не видали. Честные и досовѣрные люди сказывали мнѣ, что даже и въ ручьѣ нѣтъ никакой рыбы; что во всей шамошней споронѣ не видали ни одной мыши, никакова червяка или комара; когдажъ какая нибудь пшлица подлешитъ къ дереву такъ близко, что его испаренія могутъ до нее дойти, шо падаетъ на землю и умираетъ. Нѣкоторые преступники, возвращаясь отпуда, видали шакихъ пшлицъ падающихъ сверху и приносили ихъ къ священнику.

Я расскажу еще одно произшествіе, служащее доказательствомъ смертельныхъ свойствъ сего дерева, и случившееся во время моего пребыванія въ Явѣ. Въ 1755

году взбунтовались подданные одного
шамошняго владѣльца, и не хотѣли пла-
тишь наложенной на нихъ подаши. Вла-
дѣлецъ послалъ вооруженныхъ людей,
чтобы наказати сихъ бунтовщиковъ и
выгнати изъ своей области. И такъ
1600 человекъ принуждены были осма-
вити свое отечество. Никто изъ дру-
гихъ владѣльцовъ не хотѣлъ принять
ихъ подъ свое покровительство. Въ та-
кой нуждѣ не оставалось имъ ничего
иного, какъ поселиться на пустой зем-
лѣ около ядовитаго дерева. Они про-
сили на то позволенія у государя, и сіе
позволеніе было имъ дано, только съ
условіемъ, чтобы они селились не далѣе,
какъ за пять или за шесть часовъ ѣзды
отъ дерева, дабы не пришлись другимъ
поселянъ живущихъ въ сосѣдствѣ. Они долж-
ны были на то согласиться. Но мѣняе, не-
жели въ два мѣсяца, умерло изъ нихъ
болѣе 300 человекъ. Спаршины осма-
вшихся несчастныхъ возвратились къ преж-
нему своему владѣльцу, донесли ему о сво-
емъ уронѣ и просили прощенія. Владѣ-
лецъ сожалелъ надъ ними и принялъ ихъ
опять въ подданство, почитая ихъ уже
довольно наказанными. Я видѣлъ нѣко-
ше-

порыхъ изъ сихъ несчастныхъ по возвращеніи ихъ, и говорилъ съ ними. Всѣ они казались одержимыми какою нибудь заразительною болѣзнію; они были блѣдны и сухи; а изъ того, что они рассказывали мнѣ о смерти своихъ поварихъ, увѣрился я, что они лишились жизни отъ яду.

Споль сильное дѣйствіе яду въ шакомъ дальнемъ распояніи отъ дерева въ самомъ дѣлѣ весьма удивительно, особливо жъ по тому, что инымъ удается подходить къ нему весьма близко, однако жъ они остаются живы. По большей части зависитъ сіе отъ вѣтру. Если вѣтръ во все то время, какъ преступники идутъ къ дереву, дуешь такъ, что не наноситъ имъ ядовитыхъ испареній въ лицо, то они могутъ живы остаться. При томъ всего опаснѣе, что въ сихъ мѣстахъ не можно долго полагаться на вѣтръ, ибо онъ весьма переменчивъ и не долго дуешь съ одной стороны.

Я хотѣлъ сдѣлать опытъ, можешь ли ядовитая сѣра вредитъ и другимъ животнымъ. Имѣя двухъ молодыхъ собакъ, досталъ я съ великимъ трудомъ небольшое количество сея сѣры, намазалъ

залъ ею острой ножичекъ и прокололъ имъ немного кожу обѣимъ собакамъ. Черезъ три минуты послѣ того, начали онѣ выть и мешаться во всѣ стороны, и наконецъ издохли.

Можешь бышь спросяшъ: для чего не спараются испребишь сего вреднаго дерева, котораго дѣйствию спрашиѣе моровой язвы? — Причину того легко опгадать можно. Никто не осмѣлился пробышь подлѣ него споль долго, сколько надобно, дабы срубить дерево такой толщины. Сожечь его также не можно, ибо съ огнемъ подходишь къ нему опасно. Сверхъ того Государь ежегодно получаешъ значной доходъ отъ сѣры выпекающей изъ *Богон-Упаса*, которою военные люди намазываютъ свое оружіе. „ —

Вотъ что рассказываетъ Г. Фершъ! Повѣствованіе его не можно почестъ за выдумку, по тому, что и въ другигъ мѣстахъ, а особливо въ Америкѣ находяшся подобныя ядовитыя деревья. Но нигдѣ еще не найдено такава дерева, котораго дѣйствию имѣлибы споль же ужасную силу. — Безъ сомнѣнія и сіе смерпоносное растеніе имѣетъ великую пользу, для которой оно создано отъ Бога, хотя мы и не знаемъ сея пользы.

VIII.

Анекдотъ.

Иосифъ II, нынѣшній Римской Императоръ, прогуливаясь нѣкогда въ вечеру, по своему обыкновенію, увидѣлъ дѣвушку, копорая заливалась слезами, спросилъ у нее, о чемъ она плачетъ, и узналъ, что она дочь одного капишана, копорой убишъ на войнѣ, и что она осшалась безъ пропитанія со своею матерью, копорая при томъ давно уже лежитъ больна.

„Для чего вы не просите помощи у Императора?“, спросилъ онъ.

Дѣвушка отвѣчала, что онъ не имѣющъ покровителя, копорой бы представилъ Государю о ихъ бѣдности. —

„Я служу при Дворѣ, сказалъ Монархъ, и могу эшо для васъ сдѣлать. Прийдите только завпра во дворецъ, и спросите шамъ поручика Б**.“

Въ назначенное время бѣдная дѣвушка пришла во дворецъ. Какъ скоро выговорила она имя Б**, шо отвели ее въ комнату, гдѣ она увидѣла того офицера копорой вчера говорилъ съ нею, и узнала въ немъ своего Государя. Она пришла къ себѣ отъ удивленія и страха. Но Импе-

Императоръ, взявши ее за руку, сказалъ ей весьма ласково: „вопѣ шрисна червонныхъ для швоей матери, и еще пять согѣ за швою кѣ ней нѣжность и за довѣренность ко мнѣ. Сверхъ того опредѣляю я вамъ по 500 шалеровъ ежегодной пенсіи. „

IX.

Двѣ Басни.

I.

„Посмотрите на човаго нашего сосѣда! „ говорили нѣкоторые плодовишыя дерева, когда садовникъ посадилъ подлѣ нихъ виноградъ: „онѣ не можешъ самъ собою держашся; не можешъ никому служить защитою отъ солнечнаго жару; даже не можешъ сдержашъ и самаго малаго ппичьяго гнѣзда. За чѣмъ его здѣсь посадили? Какихъ плодовъ можно отъ него ожидать? „

„Онѣ принесетъ такіе плоды, противъ которыхъ ваши ничего не стояшъ. Подождите только осени: тогда всѣ вы будете завидовать вашему сосѣду, котораго шеперь презираете — „ сказалъ садовникъ несправедливымъ деревьямъ, и что онѣ сказалъ, то въ самомъ дѣлѣ сбылось.

Подобно сему часто смѣются надъ достойнымъ человѣкомъ, котораго наружность мало обѣщаетъ; но вскорѣ заслуги его присыжаютъ несправедливыхъ насмѣшниковъ.

2.

Наступила осень, и виноградъ началъ гордиться прекрасными своими плодами. Онъ не довольствовался тѣмъ, что всякой день сколько могъ оскорбительнѣе насмѣхался надъ присыженными деревьями, и напоминалъ имъ прежнюю ихъ несправедливосшь, но еще и требовалъ, чтобъ садовникъ истребилъ всѣ сіи деревья, и вмѣсто ихъ насадилъ одного только винограду.

„Знай, сказалъ ему садовникъ, что твоя доброта не отнимаетъ у другихъ собственности ихъ доброты. Помни, что твоя плодъ доставляетъ пріятное пище, которое по большей части служишь только для удовольствія; а плоды этихъ деревьевъ служатъ здоровою пищею.“

Остроша разума есть превосходное дарованіе; но остроумной человѣкъ не долженъ гордиться и пренебрегать другихъ: и другія дарованія приносящъ равную пользу.

Д В Т С К О Е Ч Т Е Н И Е .

Х.

О огнедышущей горѣ Везувіи. (Изъ письма одного путешествовавшего Англичанина.)

Для чего не были вы, любезной другъ, на сихъ дняхъ здѣсь, дабы видѣть одно изъ самыхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, которыми Нашура приводитъ смертныхъ въ изумленіе? — Третьяго дни вспалъ я задолго до восхожденія солнца, и по обыкновенію моему посмотрѣвши на Везувій, кошорой видѣлъ изъ моего окошка, съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ я двѣ рѣки лавы, ліющіяся съ самой вершины горы внизъ. Между шѣмъ изъ отвѣрстія горы поднимался густой дымъ, кошорой иногда снизу освѣщаемъ былъ вырывающимся огнемъ. — Дымъ поднимался часъ отъ часу выше и подобными волнамъ облаками распирялся по обѣимъ сторонамъ. Пламянная рѣка лавы шекла въ прекрасныя долины вокругъ горы лежащія. Свѣшная утренняя

звѣзда попустила и скрылась. Вѣя натура, какъ бы отъ страха пребывала въ шумной тишинѣ. Не слышно было никакова звуку, кромѣ глухого грома, кошорой раздавался во внутренности горы. Дымъ поднимаясь часъ отъ часу выше и начиная раздѣляться, покрылъ все небо. Жители Неапольскіе начали пробужаться къ сему страшному зрѣлищу. Взошло солнце, но не такъ, какъ въ другое время во всей своей красотѣ — тогда было оно блѣдно и медлительно выходило изъ-за ужаснаго позорища. Хотя въ его присутствіи огонь и лишился своего сіянія, однако жъ опверзстіе Везувія окружено было такимъ мракомъ, что и въ ясный день выпскающее пламя было видно.

Какъ смирился тогда гордой Неаполь! По улицамъ, во кошорымъ въ другое время безпрестанно разѣвжающъ ряды великолѣпныхъ каретъ, бѣгалъ народъ въ ужасѣ и уныніи, рыдая и ломая руки, съ обнаженными ногами и распущенными волосами. Нѣкошорые шѣснились въ церкви, другіе жъ опшуда выбѣгали. Тысячи стояли на кровляхъ домовъ и неподвижно смотрѣли на неумолимой предметъ своего ужаса. Жители сосѣдственныхъ деревень шолцами бѣжали въ городъ, держа на

рукахъ младенцовъ и гоня скопъ свой предъ собою; они не знали, возвращаются ли уже когда нибудь въ оставленныя свои жилища. Во весь день представлялась безпрестанно переменяющаяся картина ужаса. Но сіе ничего еще не значило въ сравненіи съ самымъ страшнѣйшимъ зрѣлищемъ, открывшимся при наступленіи ночи. Послѣ внезапнаго громоваго звуку вырвалось пламя въ видѣ огненнаго столпа, и поднявшись вдвое выше горы, вверху раздробилось на многія тысячи молній и огненныхъ камней, которые отчасти носились въ облакахъ, отчасти жь падали опяшь на гору и по обѣимъ ея сторонамъ капились внизъ, подобно огненнымъ колесамъ; нѣкоторыя изъ сихъ камней ошлещали весьма далеко и упадали за нѣсколько миль отъ горы. Сколь далеко зрѣніе могло простираеться, вездѣ видны были лучи ужаснаго огненнаго столпа; вся верхняя часть Везувія покрыта была огнемъ — горѣлъ лѣсъ, покрывавшій одну ближнюю гору, — море освѣчивая, также казалось горящимъ — все было освѣщено. — Представьте себѣ пошъ ужасъ, которой произведенъ былъ симъ страшнымъ зрѣлищемъ, и котораго я описать не могу. Вездѣ, въ церквахъ

и по улицамъ, народъ сползалъ на коленахъ и повергался на землю.

Посреди сего явленія возшла спокойная луна и безпрепятственно продолжала не пышное, но безопасное свое печеніе, подобно, какъ скомной мудрецъ, не будучи никѣмъ примечемъ, немучимъ никакимъ страхомъ, необманиваемъ никакою надеждою, проводилъ тихую жизнь между сильнѣйшими еще возгорѣніями чловѣческихъ спраспей.

XI.

*Достопамятная повѣсть о нѣкоторомъ
Шотландцѣ, жившемъ нѣсколько
лѣтъ на пустомъ островѣ.*

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда славной Дампьеръ предпринималъ путешествіе свое въ Южное море, находился на одномъ изъ его кораблей между корабельными служителями нѣкто, по имени Александръ Зелькиркъ, уроженецъ Шотландской. Сему кораблю на пути случилось пристать къ ненаселенному острову, называемому Жуан-Фернандецъ. Зелькиркъ поссорившись не задолго предъ пѣмъ со своимъ капитаномъ, не захотѣвъ быть болѣе на корабль и рѣшился остаться на островѣ.

Капи-

Капитанъ на то согласился и высадилъ его на островъ, отдавши ему плащье его и бѣлье; также далъ онъ ему ружье, нѣсколько пороку, пуль и табаку, нѣсколько книгъ и нѣкоторыя математическія инструменшы.

Прежде еще режели корабль отошелъ отъ острова, Зелькиркъ раскаялся въ своемъ намѣреніи и желалъ, чтобъ его опять на корабль приняли. Но капитанъ досадуя на него, отказалъ ему въ томъ, и оставилъ его одного на необитаемомъ островѣ.

Первые восемь мѣсяцовъ провелъ онъ въ весьма худомъ состояніи. Пребываніе въ такомъ пустомъ мѣстѣ причиняло ему тоску и страхъ, такъ, что онъ не прежде могъ ѣсть и спать, какъ принужденъ будучи къ тому голодомъ и чрезмѣрною усшалостію.

Пища его состояла изъ рыбы и раковъ, которыхъ онъ ловилъ, и изъ дикихъ козъ, которыхъ сѣрблялъ онъ изъ своего ружья. Однако не можно ему было долго употреблять рыбу, по тому, что у него не было соли, а несоленая рыба причиняла ему вредъ. Раковъ могъ онъ ѣсть безъ соли, также и козье мясо, которое онъ жарилъ на рѣшенкѣ. Кромѣ

того имѣлъ онѣ хорошую рѣпу, которую прежде Капитанѣ Дампьерѣ приказалѣ посѣять на семѣ островѣ, и которой расплодилось шамѣ довольно много. Плодѣ нѣкошораго дерева, похожій на перецѣ, служилѣ ему приправою для пищи и кѣ укрѣпленію желудка. Между шѣмѣ козьѣ мясо всегда было главною его пищею

Но какѣ онѣ взялѣ сѣ корабля одинѣ только фунтѣ пороху, то скоро издержалѣ его опчассти на стрельбу, опчассти же употребляя его на разведеніе огня. И такѣ не могли болѣе стрелять козѣ, вздумалѣ онѣ гоняшься за ними и ловить ихѣ руками. Тѣло его онѣ умѣренной жизни сдѣлалось споль легко и крѣпко, что онѣ могѣ бѣгать весьма быстро и ему удавалось ловить сполько козѣ, сколько ему было надобно.

Нѣкогда случилось сѣ нимѣ несчастіе; гонясь за козою по горамѣ и крутизнамѣ, упалѣ онѣ сѣ немалой вышины, лишился онѣ того чувствѣ, и долго лежалѣ вѣ такомѣ состояніи. Но сіе приключеніе не имѣло болѣе никакихѣ дурныхѣ слѣдствій; пришедши вѣ себя, могѣ онѣ встать и не пошерпѣлъ никакова большаго вреда.

Онъ сдѣлалъ себѣ изъ древесныхъ вѣтвей два шалаша покрылъ ихъ сверху правую, а внутри обилъ козьими кожами. Одинъ изъ сихъ шалашей былъ поменѣе, а другой поболѣе: въ первомъ готовилъ онъ свою пищу, а въ другомъ спалъ. — Когда не имѣлъ онъ нужной работы, то занимался чтеніемъ и пѣлъ псалмы.

Пока былъ еще у него порохъ, то онъ употреблялъ его на разведеніе огня, когда ему надобно было чтонибудь сварить или изжарить; но какъ скудной его пороховой запасъ совсѣмъ истощился, то онъ доставалъ огонь посредствомъ шпиренія двухъ кусковъ дерева.

Для прогнанія скуки часомъ вырѣзывалъ онъ на деревьяхъ свое имя, либо дѣлалъ новые приборы для своихъ шалашей; иногда жь въ ясные вечера щипалъ звѣзды. Также держалъ онъ молодыхъ козъ и училъ ихъ плясать по своему напѣву.

Отъ многого бѣганья въ лѣсахъ и по камнямъ все его платье и всѣ башмаки скоро изорвались. Онъ принужденъ былъ ходить безъ башмаковъ, и ноги его скоро такъ ошвердѣли, что ему не трудно было бѣгать босому. Изъ кожъ дикихъ козъ, кошорыхъ онъ ловилъ, сшилъ онъ себѣ тоненькими ремешками кафтанъ и

шапку. Въмѣсто иглы употреблялъ онъ при шомѣ маленькіе гвозди.

Когда ножикъ его сдѣлался созрѣмъ негоденъ для употребленія, то онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ ножей изъ желѣзныхъ опломковъ, копорые оставались на островскомъ берегу послѣ починки кораблей. Онъ выколачивалъ сіи опломки до шѣхъ поръ, пока они спяновились довольно тонки, а по шомѣ шочилъ ихъ на камнѣ.

Имѣя нѣсколько полотна, шилъ онъ себѣ гвоздами рубашки. Въ нишкахъ не имѣлъ онъ недостатка; онъ доспавалъ ихъ распуская старыя свои чулки.

Такимъ образомъ Зелькиркъ жилъ болѣе чепырехъ лѣтъ. Хотя имѣлъ онъ всѣ необходимыя потребности и привыкъ къ дикой своей жизни, однако жъ не шерпѣливо желалъ возвратиться въ свое отечество и жить попрежнему въ чело-вѣческомъ сообществѣ. — Въ одинъ день приспалъ къ острову корабль. Сколько сперва обрадовался Зелькиркъ увидѣвъ то, сколько и испугался, узнавши, что корабль сей былъ Испанской. Онъ думалъ, что Испанцы схвативши его отвезутъ въ неволю, и онъ долженъ будетъ во всю жизнь свою работашъ
въ

въ Перуанскихъ рудокопныхъ заводахъ. Неволя казалась ему гораздо спрашнѣе уединеннаго жипья на пущомъ оспровѣ. И такъ онъ убѣждалъ въ лѣсѣ, взлезъ на дерево и спрятался въ густыхъ вѣтвяхъ. Испанцы, увидѣвши его съ корабля, искали его по всему оспрову, и нѣсколько разъ подходили къ шому дереву, на которомъ онъ сидѣлъ. Легко можно представить себѣ, въ какомъ спрахѣ Зелькиркъ находился; но спрахъ его былъ напрасной: Испанцы не могли его найти, и должны были оставивши поиски осправиться въ свой пущь.

Наконецъ приспалъ къ оспрову корабль капитана Дампьера, и Зелькиркъ принятъ былъ своими единоземцами. Онъ оставилъ свое уединеніе въ 1709 году, въ началѣ Февраля мѣсяца, а по шомъ еще чрезъ два года возвратился въ Англію.

 XII.

Анекдотъ.

Одинъ стихотворецъ написалъ сапирю, или ругательные стихи, на знакомаго ему аббата и захопѣвши узнать, какъ онъ по приѣмѣ, взялъ сапирю свою съ собою и пришелъ къ нему. — „ Не ду, малъ я, чѣобы люди были шакъ злы, говорилъ онъ; „ ммѣ нечаянно попалась въ руки сапира, въ кошорой надѣ вами насмѣхаются; я не знаю, кпо ее сочинилъ. „ — По томѣ вынялъ онъ изъ кармана свое сочиненіе и началъ его читать. Аббатъ потчасѣ узналъ сочинителя, но слушалъ спокойно, хвалилъ нѣкопорые хорошіе стихи, замѣчалъ другіе, которые ему не нравились и просилъ стихотворца, чѣобѣ онъ позволилъ ему поправить ихъ. По томѣ взялъ онъ перо, поправилъ нѣсколько стиховъ, подписалъ имя сочинителя, и отдавая ему бумагу, сказалъ весьма хлад-окровно: „ Мнѣ кажется, другъ мой, чѣо вы можете теперь эшу сапирю напечатать. „ — Сей поступокъ шакъ пронулъ сапирика, чѣо онъ обнялъ Аббата, со слезами просилъ у него прощенія, и изорвалъ свою сапирю.

XIII.

*Жадность къ корысти и неблаго-
дарность. Восточная сказка.*

Въ Аравіи жилъ извозчикъ, по имени Аваримъ, которой на своихъ верблюдахъ ошвозилъ путешественниковъ приходящихъ издалека ко гробу Магомешову и перевозилъ купеческіе шовары. Сперва имѣлъ онъ только двухъ верблюдовъ, но вскорѣ нажился сполько, что могъ держать двѣнащать верблюдовъ и получалъ ошъ нихъ много прибытка. Нѣкогда возвращаясь домой съ путешесствія и проѣзжая чрезъ пространную Аравипскую степь, нашелъ онъ Дервиша, или Магомешанскаго монаха сидѣвшаго въ глубокой задумчивости съ раскрытою книгою въ рукахъ. Аваримъ поклонился ему; но Дервишъ въ задумчивости не примѣшилъ шого и не благодарилъ ему. Сіе показалось Авариму весьма странно, и онъ говорилъ ему: „Почтенной опецъ! вѣрно углубился ты въ весьма важныя размышленія, по шому, что ты не примѣчаешь, что тебѣ кланяются и не благодарить.“ Дервишъ какъ бы пробудившись ошъ сна, закрылъ свою книгу, положилъ се въ широкой свой рукавъ, и сказалъ: „Другъ мой! я размышлялъ шеперь о причинѣ,

для чего сокрыто въ землѣ великое множество сокровищъ, которыми никто не пользуется. „ Авариму невѣрояно показалося, чѣобы въ землѣ сокрыты были сокровища, которыхъ люди не знаютъ; онъ объявилъ Дервишу свое сомнѣнiе. „ Надобно это испытать, опивчалъ пошѣ: „ недалеко отсюда лежатъ такое сокровище Ты весьма кспати встрѣтился мнѣ со своими верблюдами. Я почию тебя честнымъ человекомъ и хочу обогатить тебя, естли ты захочешь честно раздѣлять со мною то, что мы найдемъ. Навьютъ шестерыхъ изъ своихъ верблюдовъ тѣми сокровищами, которыя ты увидишь, а прочихъ уступи мнѣ. „ Аваримъ въ радости бросился обнимать Дервища, цѣловалъ его и говорилъ ему: „ Да, отецъ мой! я раздѣлю съ тобою честно моихъ верблюдовъ, и еще во всю жизнь мою буду тебя благодарить. „

Дервишъ вспалъ и приказалъ Авариму вести за нимъ верблюдовъ. Онъ привелъ его ко крушой горѣ, прочишалъ нѣсколько строкъ изъ своея книги, ударилъ по горѣ своимъ жезломъ, и гора въ срединѣ расступилась. Отверзствiе было такъ велико, что Дервишъ и Аваримъ съ двѣнадцатью верблюдами удобно мог-

ли шуда войши. Они нашли шамъ шакое
множество золоша и серебра, лежащаго
кучами, — что могли бы навьючить не
только двѣнащцать, но и сто верблюдовъ.

„Теперь, — сказалъ Дервишъ Авариму,
навьючивай своихъ шестерыхъ верблюдовъ;
а другихъ шестерыхъ оставь мнѣ: я на-
вьючу ихъ для себя. „ — Между шѣмъ
Аваримъ примѣшилъ, что Дервишъ ото-
шедши въ сторону, спряталъ въ карманъ
золошую коробочку, которая лежала въ
углу. Онъ весьма желалъ узнать, что
было въ этой коробочкѣ, но не осмѣлился
о томъ спросить.

Набравши столько золоша и серебра,
сколько верблюды снести могли, вышли
они изъ пещеры. Дервишъ въ другой разъ
ударилъ по горѣ своимъ жезломъ, и она
зашворилась шакъ, что не можно было
примѣнить на ней ни малой скважины. „
Теперь пойдн съ миромъ, — сказалъ онъ
Авариму, и употребляй свое богатство
какъ должно „

Аваримъ отшедши нѣсколько, на-
чалъ беспокоиться о томъ, что лишился
шести верблюдовъ. Ему и на умѣ уже
не приходило, что онъ получилъ за то
безчисленное сокровище, которое стоило
дороже всѣхъ верблюдовъ въ свѣтѣ.

Также

Также казалось ему, что Дервишъ взялъ себѣ гораздо больше, нежели онѣ. И такъ онѣ оставилъ своихъ верблюдовъ, побѣжалъ назадъ въ слѣдъ за Дервишемъ, и кричалъ ему: „почтенной опецѣ! мнѣ теперь вздумалось, что ты не привыкъ гонять верблюдовъ и не можешь управиться съ шестью. Оставь себѣ только трехъ, а прочихъ отдай мнѣ. „ Дервишъ отвѣчалъ: „это правда; въ самомъ дѣлѣ мнѣ прудно гнать шестерыхъ верблюдовъ; возьми себѣ трехъ, и пойдѣ съ миромъ. „ — Аваримъ отошелъ нѣсколь- ко, но возвратился въ другой разъ и уговорилъ Дервиша, чтобъ онѣ уступилъ ему еще двухъ верблюдовъ; а наконецъ прибѣжалъ и въ третій разъ за послѣднимъ. „Я думалъ, сказалъ Дервишъ, что ты будешь доволенъ, ибо я изъ доброй воли далъ тебѣ такое богатство. Но дабы показать тебѣ, что мое сердце на привязано къ богатству, уступаю тебѣ и послѣдняго верблюда. Если мнѣ будетъ нужда въ золотѣ и серебрѣ, то я всегда могу сыскать его посредствомъ балсама, которой находишь въ этой коробочкѣ. Помазавши имъ глаза, могу я видѣть и досматривать всѣ сокровища въ землѣ богатства. „ — „А! а!, вскричалъ

чалъ Аваримъ: „ я такъ и думалъ , что ты самую лучшую драгоценность для себя оставилъ ! Отдай мнѣ добровольно коробочку , или я опшиму ее у тебя насильно. „ — „ Какъ ? Аваримъ ! эш ли благодарность за мое благодѣяніе ? „ — Однако Аваримъ не думалъ о благодарности ; онъ схватилъ Дервиша за бороду и кричалъ : „ Спарикъ ! отдай мнѣ коробочку , а не то , я убью тебя до смерти ! „ Дервишъ жалѣлъ о неблагодарности ненасытнаго Аварима , отдалъ ему коробочку и сказалъ : „ правосудное небо не оставитъ тебя безъ наказанія. „ — Потомъ заплакалъ и ушелъ отъ него .

Аваримъ не забоясь о старомъ Дервишѣ , съ радостію погналъ домой своихъ верблюдовъ , и разсмашивалъ коробочку и находящійся въ ней балсамъ , которой похожъ былъ на зеленую мазь и имѣлъ пріяшней запахъ . Сей балсамъ имѣлъ такую силу , что показывалъ сокровища богатства тому шолько , кто досталъ его позволеннымъ образомъ ; кто же доставалъ его несправедливостію , надъ нимъ производилъ онъ совсѣмъ прощальное дѣйствіе , какъ то скоро окажется . Аваримъ пошчасъ захошѣлъ имѣть еще больше сокровищъ , и для щого помазалъ се-

бѣ глаза бальзамомъ; но какъ онѣ испугался, почувствовавши вдругъ сильную боль въ глазахъ! Онѣ поспѣшалъ смышь вредную мазь; но сіе не помогло, и онѣ ослѣпъ. Тогда началъ онѣ плакать и жаловаться. „Какая мнѣ шеперь польза во всемъ моемъ богатствѣ?“, говорилъ онѣ: „я слѣпъ, не могу найти дороги и долженъ погибнуть въ этой степи. Проклятая жадность!“ — — —

Мы не думаемъ, что бы ктонибудь могъ привяшь сказку сію за правду; однако жь можно вывести изъ нее весьма справедливое нравоученіе. Богатство часто рождаетъ жадность къ корысти, а жадность ведетъ за собою неблагодарность и другіе пороки, которые ввергаютъ человѣка въ гибель.

XIV.

*Плачевныя слѣдствія пристрастія
къ игрѣ.*

Въ Камбриджскомъ универсищепѣ, въ Англіи, учился одинъ молодой человекъ, по имени Вилліамъ, сынъ весьма богатыхъ и знашныхъ родителей изъ Графства Суффолкскаго. Будучи разуменъ и пріяшенъ въ обхожденіи, сыскалъ онъ много знакомствъ, и какъ о немъ всѣ знали, что онъ богатъ и получаетъ отъ своихъ родителей много денегъ, то между прочими нѣкоторыя люди искали его знакомства съ тѣмъ только намѣреніемъ, чшобъ воспользоваться его имѣніемъ. Они не давали шого примѣшишь, но пришворялись испинными его друзьями, какъ то обыкновенно шакіе люди дѣлають. Сперва старались они заводишь его въ игру, мало по малу, и нарочно ему проигрывали. Сямъ способомъ довели они его до шого, что онъ сперва полюбилъ игру, и она вскорѣ сдѣлалась

его привычкою , а наконецъ и спрасшию , шакъ , что онѣ почти ни въ чемъ иномъ кромѣ игры не находилъ удовольствія. Тогда ложные его друзья начали пользоваться своимъ искусствомъ и въ короткое время оыиграли у него все то , что сперва нарочно ему проигрывали. Но Вилліамъ не сдѣлался отъ того осторожнѣе. Приспрасшившись къ игрѣ , не могъ уже онѣ ошсшать отъ нее , не смотря ни на какой проигрышъ. Онѣ проигрывалъ — продолжалъ играть въ надеждѣ возвратитъ свой проигрышъ , и проигрывалъ еще болѣе. Лишившись всѣхъ денегъ , копорыя получалъ онѣ отъ своихъ родителей , началъ онѣ продаватъ свои вещи , какъ то книги , часы , плашье и домашніе приборы. Многіе досшаточные люди зная о его богашствѣ вѣрили ему въ большихъ суммахъ ; онѣ пользовался сею довѣренностію , входилъ въ большіе долги , дабы имѣшь деньги для игры , и продолжалъ беспрешанно играть въ надеждѣ когда нибудь оыиграшься , но беспрешанно проигрывалъ.

Мать его , копорая прежде часто присылала ему деньги безъ вѣдома его ошца , умерла , и доходы Вилліамовы уменьшились ; напрошивъ того долги его

день

день ошѣ дня умножались. Наконецъ заимодавцы лишились шертѣнія и грозили ему либо принести на него жалобу въ судѣ, либо послашь щеты къ его ошцу.

Бѣдной Вилліамѣ не зналъ что начашь въ сихъ смушныхъ обшояшельствахъ. Онѣ мучился безпрестанными заботами, выпрашивалѣ у заимодавцовѣ своихъ срокѣ за срокомѣ, и не осшавляя еще надежды возврашшь убышки свои игрою, продолжалѣ играшь, и день ошѣ дня болѣе проигрывалѣ. — Наконецъ не осшалось ему никакова инаго способа, какѣ ошкрышь все своему ошцу и просишь у него прощенія. Рѣшившись на то, написалѣ онѣ къ прешарелому ошцу своему слѣдующее письмо:

„ Не возможно мнѣ въ нынѣшнихъ
 „ моихъ обшояшельствахъ самому къ
 „ вамѣ прѣхашь. Со сшядомѣ вспоминаю
 „ я, сколь много денегѣ я ошѣ васѣ по-
 „ лучилѣ, но принужденѣ еще осмѣлишь-
 „ ся просишь у васѣ помощи. Долго об-
 „ манывалѣ я васѣ и самаго себя. Вексе-
 „ ли, кошорые вы пошьѣ ко мнѣ пересы-
 „ лали, служили шолько къ умноженію
 „ моего кредиша и подавали мнѣ поводѣ
 „ входишь въ долги. По легкомыслію и
 „ неосшорожношти привелѣ я себя въ же-

„ спокое мое нынѣшнее состояніе , поза-
 „ бывши всѣ ваши увѣщанія и начавши
 „ играть. Вы удивилесь , когда прочи-
 „ шаете приложенной при эшомѣ письмѣ
 „ реэстрѣ моихъ долговъ. — Я призна-
 „ юсь , что прозьба моя безспыдна ; одна-
 „ ко жь отваживаюсь просить васъ , чшобѣ
 „ вы не допустили меня до крайняго без-
 „ честія. Я обѣщаю свяшо и клянусь ,
 „ что во всю жизнь мою никогда уже бо-
 „ лѣе играть не буду. Прошу васъ со
 „ всею покорностію , простише мнѣ преж-
 „ ній мой просшупокъ и не оставше меня
 „ погибнуть въ моемъ нещастіи. Естльи
 „ опеческое сердце ваше побудитъ васъ
 „ склониться на мои прозьбы , шо не мед-
 „ лише отвѣшомѣ : такая медленностъ
 „ приведетъ меня въ опчаяніе. Я не ос-
 „ мѣлюсь увидѣться съ вами , пока необ-
 „ манчивыми опышами не докажу , что я
 „ исправился. „ — —

По нещастію , письмо дошло въ та-
 кое время , когда отецъ былъ въ дальней
 оплучкѣ , и по шому Виллиамѣ не могъ
 получить отвѣта такъ скоро , какъ об-
 ешшяшельства его требовали. Займодав-
 цы не давали ему покоя , неперыблivosть
 овладѣла имъ , и наконецъ опчаялся онъ
 получить помощь отъ своего опца. Все-

го несноси́те ему было то, что никто уже не хошѣлъ съ нимъ играть. Чѣмъ болѣе опчаивался онъ получить отъ отца своего деньги, тѣмъ болѣе спановлялась въ немъ охота нарушить свое обѣщаніе и начать попрежнему играть. Но онъ не имѣлъ уже къ тому случая; никто уже больше ему не вѣрилъ, а ложные друзья его, примѣшивши, что не могутъ получать отъ него больше пользы, всѣ его оставили.

Нѣкогда пошелъ онъ, для облегченія своей горести, въ деревню за нѣскольکو верстъ отъ Камбриджа, и тамъ зашелъ въ шракширѣ, въ которомъ проѣзжіе останавливались. Вскорѣ за нимъ пріѣхалъ проѣзжій, копорой остановившись тамъ спрашивалъ у хозяина, безопасна ли дорога чрезъ лѣсъ? Хозяинъ увѣрилъ его, что дорога безопасна.

Вилліамъ не имѣя причины долго бытъ въ шракширѣ, вышелъ опшуда съ опчаянными мыслями, и опошедши нѣскольکو по той дорогѣ, о копорой проѣзжій разспрашивалъ, спряпался въ кустарникъ подлѣ самой дороги. Изъ вопроса проѣзжаго заключилъ онъ, что шонъ имѣетъ съ собою много денегъ, размышлялъ о несчастныхъ своихъ обстоя-

шельствахъ, и принялъ ужасное намѣреніе (ограбить его. Скоро увидѣлъ онъ проѣзжаго, которой ѣхалъ верхомъ; выскочилъ изъ-за кустарника, остановилъ его лошадь, и приславивши ему ко груди пистолетъ, требовалъ у него денегъ. Проѣзжій хотѣлъ обороняться и схватился за свой пистолетъ: но Вилліамъ, не давши ему времени, застрѣлилъ его. Сіе злодѣйство и для самого его было ужасно. Прежде никогда еще не обижалъ онъ никого съ намѣреніемъ, а тогда лишилъ жизни невиннаго человѣка! — Онъ сѣлъ на лошадь убишаго проѣзжаго и окольными дорогами возвратился въ Камбриджъ уже ночью. Ему казалось, что всякой могъ чинить на лицѣ его ужасное его преступленіе. — Начавши разсматривать свою добычу, нашелъ онъ при деньгахъ письмо. Какимъ ужасомъ былъ онъ пораженъ, прочитавъ надпись и узнавши, что письмо то отъ отца его къ нему! Оно было слѣдующаго содержанія:

„Сынъ мой!

„До чего я дожилъ? — Я лишился
 „нынѣшнимъ годомъ жены моей. Остался
 „у меня одинъ сынъ, отъ котораго на-
 „дѣялся я утѣшенія въ моей старости;
 „но онъ только горестъ мнѣ наноситъ.

„Одна-

„ Однакожь я хочу еще бытъ опцомъ , и
 „ посылаю къ тебѣ деньги , которыхъ ты
 „ требовалъ. Заплаши свои долги , и
 „ прѣзжай ко мнѣ , какъ можно скорѣе.
 „ Я не надѣюсь , чшобъ ты могъ совсѣмъ
 „ преодолѣть себя и опспать отъ игры.
 „ Честной Джонъ , отъ котораго полу-
 „ чишь ты мое письмо , сдѣлаешъ всѣ ну-
 „ жныя распоряженія къ своему отъѣзду.
 „ Положись во всемъ на него ; онъ мнѣ
 „ вѣренъ , и такъ же , какъ и я , добра
 „ тебѣ желаетъ. Если я не скоро тебя
 „ увижу , то печаль моя безвременно во
 „ гробъ меня вгонишь. Слава Богу , что
 „ мать швоя не дожила до сего случая ! —
 „ можетъ бытъ и я скоро за нею послѣ-
 „ дую : въ сей жизни не имѣю уже я ни-
 „ какова удовольствія. „

„ Бѣдной Джонъ ! — несчастной
 опецъ ! — что я сдѣлалъ ! „ — сіи
 были первыя вразумительныя слова , ко-
 торыя Вилліамъ могъ выговорить. По-
 помъ въ отчаяніи побѣжалъ онъ по всѣмъ
 комнашамъ , и всякому , съ кѣмъ встрѣ-
 чался , рассказывалъ , что онъ убилъ
 того человѣка , которой посланъ былъ къ
 нему отъ отца его съ письмомъ и день-
 гами. — Слухъ о семъ произшествіи
 скоро распростиранился по всему городу.

Вилліамъ взявъ былъ подѣ спражу и пріатели его со слезами проводили его въ темницу. Онъ осужденъ былъ на смерть, какъ разбойникъ и убійца. Многіе старались выпросить ему прощеніе; но какъ преступленіе его было столь велико и всѣмъ уже извѣстно, то сіи просьбы остались щепными.

Въ назначенной день повели его на мѣсто казни; онъ шелъ на смерть съ твердостью. Великое множество народа собралось на сіе печальное зрѣлище. Вдругъ услышали жалосной крикъ и увидѣли почтеннаго старика, который старался пройти сквозь толпу народа, рвалъ сѣдые свои волосы и кричалъ: „Пустите, пустите меня! это сынъ мой! сынъ мой Вилліамъ! — пустите меня увидѣть его въ послѣдній разъ, обнять его въ послѣдній разъ! „ — Всѣ пронуты были сожалѣніемъ вида сего несчастнаго отца. — Вилліамъ также увидѣлъ его. „Не шѣнь ли его я вижу? „ вскричалъ онъ содрогнувшись: „нѣтъ, это онъ самъ! родитель мой! „ — Отецъ хотѣлъ броситься въ его объятія, но упалъ въ обморокъ. Между тѣмъ какъ онъ лежалъ безчувственъ, отвели Вилліама, и казнь была совершена. Чрезъ часъ пришедши

шедши въ себя, несчастной старикъ искалъ своего сына, но уже не нашелъ его. Вскорѣ послѣ того горестъ прекратила жизнь его.

Вошъ плачевныя слѣдствія пагубнаго пристрастія къ игрѣ! Оно можетъ самыхъ лучшихъ людей доводить мало по малу до величайшихъ злодѣяній и разрушать благополучіе цѣлыхъ фамилій.

XV.

Добродѣтельной сынъ.

Въ предъидущей повѣсти представленъ былъ примѣръ, какъ молодой человекъ безпутнымъ своимъ поведеніемъ и себя самого погубилъ, и былъ причиною безвременной смерти своего отца: теперь сообщимъ повѣсть объ одномъ молодомъ Ирландцѣ, который трудолюбіемъ и честностію снискалъ себѣ щастіе и родителей своихъ привелъ въ благополучное состояніе.

Едмундъ на шестнадцатомъ году отъ роду оставилъ свое отечество. Отецъ его былъ бѣдной плотникъ, коптой съ великимъ трудомъ могъ зарабатывать скудное пропитаніе для 9 своихъ

дѣшей. Едмундъ былъ старшій изъ дѣшей его. Онъ съ прискорбіемъ смотрѣлъ на бѣдность своихъ родителей и часто думалъ, какъ бы помочь имъ, но не находилъ къ тому никакова способа. Наконецъ рѣшился онъ не щадить ничего, даже и самой жизни своей, чшобы привести своихъ родителей въ лучшія обстоятельства. — Нѣкогда отецъ его рассказывалъ ему, что они имѣютъ довольно богатаго родственника, кошорой называется Францискъ Едмундъ и живетъ въ Лондонѣ. — Молодой Едмундъ весьма обрадовался узнавши то, и тотчасъ принялъ намѣреніе отправиться къ сему родственнику и просить у него помощи. Хотя безъ денегъ и не зная дороги, находилъ онъ почти непреодолимыя препятствія произвести намѣреніе свое въ дѣйство; однако жъ ушвердился въ немъ и приготоовился къ дальнему пути, не сказывая о томъ никому. Въ послѣдній вечеръ передъ тѣмъ, когда онъ рѣшился отправиться изъ своего жилища, едва не ошкрылъ онъ прошивъ воли своего предприятия. Во весь тотъ вечеръ былъ онъ задумчивъ, говорилъ прошивъ обыкновенія своего весьма мало, и прощаясь съ отцомъ и матерью не могъ удержаться онъ

отъ слезъ; разлука съ любезными родителями на долгое время прогнала его. Но размысливши, что онъ сею разлукою можетъ бысть поправитъ ихъ состояніе, утѣшился онъ и заснулъ спокойно.

На другой день вснавши еще на разсвѣтѣ, одѣлся онъ въ праздничное свое платье и спѣшилъ выйти изъ своей деревни. Онъ шелъ нѣсколько времени по дорогѣ и взошедши на гору, остановился шамъ и оглянулся назадъ. Деревня, въ кошорой онъ жилъ, и ошеческой домъ были еще въ виду; онъ вспомнилъ объ удовольствіи, какимъ наслаждался шамъ въ дѣтскихъ лѣтахъ; слезы полились у него изъ глазъ; долго стоялъ онъ и смотрѣлъ на любезныя мѣста, кошорыя онъ оставилъ. Но наконецъ восхождение солнца напомнило ему, что уже пора ему продолжашъ свой путь; и такъ пошелъ онъ далѣе.

Голодъ напомнилъ ему, что уже полдень, и заставилъ его думать о обѣдѣ. Онъ увидѣлъ недалеко отъ дороги изрядной домикъ, вошелъ туда и просилъ, чтобъ его накормили. Хозяйка эшова домика, добрая и ласковая женщина, спрашивала у него, ошкуда онъ идетъ и куда? Едмундъ не сказалъ ей, ошкуда онъ,

онѣ, а отвѣчалъ только, что онѣ идетъ въ Лондонѣ. „За чѣмъ ты идешь въ Лондонѣ?“, спросила она. „Я хочу отца моего обогатить“, отвѣчалъ Едмундъ. — Честность и чистосердечіе, которыя были у него, такъ сказать, написаны на лицѣ, понравились хозяйкѣ; она спрашивала объ его имени и о другихъ обстоятельствахъ, однако Едмундъ отвѣчалъ ей такъ осторожно, что она ничего не узнала. Вскорѣ по томъ мужъ ея пришелъ домой. Онѣ также разпрашивалъ Едмунда, но узналъ отъ него столь же мало, какъ и жена его. Едмундъ скрывалъ свое предпріятіе, какъ тайну великой важности. Въ самомъ дѣлѣ ему нужно было скрывать то; ибо если бы сіи люди узнали, откуда онѣ, то послали бы его обратно къ его отцу. Онѣ просилъ только, чтобъ рассказали ему обстоятельно о дорогѣ въ Лондонѣ. Хозяинъ сказалъ ему, что чрезъ два дни отправится туда корабль, на которомъ можетъ онѣ доѣхать безъ плащы, а между тѣмъ позволилъ ему жить у себя. Едмундъ весьма тому обрадовался и остался на два дни въ домѣ добраго своего хозяина. — Онѣ не могъ долго быть въ праздности и спрашивалъ, нѣтъ ли

для него какойнибудь работы. Тогда была переселенка въ домъ, и Едмундъ работалъ при томъ споль прилжно и проворно, что всъ его хвалили. „Продолжай сполько, другъ мой, говорилъ ему хозяинъ, всегда бышь спрудолюбивымъ и прилжнымъ; ты будешь всегда здоровъ и веселъ.“

Наступилъ томъ день, въ кошорой жораблю надлежало отправишься въ Лондонъ. Добрая хозяйка снабдила Едмунда нужною пищею на дорогу, также дала ему нсколько денегъ, и томъ избавила его тошо всхъ его заботъ. Свщи на корабль, сперва боялся онъ того, какъ корабль на водъ колебался; ему казалось, что вся земля вершится; ясное небо казалось ему пасмурнымъ. Но скоро привыкъ онъ къ тому, и желалъ еще, чтобы путешествованіе по морю долбе продолжилось. Онъ старался обстоятельно развдывать обо всемъ, чего онъ не зналъ, и научился многому, о чемъ прежде и понятия не имлъ. Скоро познакомился онъ съ пожилымъ корабельщикомъ Сей спарикъ полюбилъ его и охотно съ нимъ разговаривалъ; училъ его, какъ называющся, всъ вещи на корабль и къ чему онъ употребляется; рассказывалъ ему о пу-

ше-

шешествіяхъ своихъ въ Америку и въ Осиѣ - Индію. Едмундъ слушалъ все сіе внимашельно и не переспавалъ разспрашивать и навѣдывашься.

Наконецъ прибыли они благополучно къ Лондону. Едмундъ сошедши съ корабля, побѣжалъ въ городъ искашь своего родственника; но къ великому его удивленію, никшо не могъ ему сказашь, гдѣ онъ живешъ. Бѣдной Едмундъ думалъ, что и въ Лондонѣ, шакъ же, какъ въ его деревнѣ, всякой знаешъ всѣхъ жиселей по имени и прозванію; но весьма въ томъ обманулся. Онъ обѣгалъ много улицъ, и спрашивалъ у всякаго съ кѣмъ ни встрѣчался, гдѣ живешъ Францискъ Едмундъ? — но тщешно. День прошелъ и уже шемно спановилось; какъ онъ встрѣшился съ человѣкомъ изрядно одѣтымъ и спросилъ у него, не знаешъ ли онъ Франциска Едмунда? „Эшо я самъ, опвѣчалъ томъ.

„Слава Богу, что я васъ нашелъ!“, вскричалъ Едмундъ: „Я искалъ васъ цѣлой день, и никшо не могъ мнѣ сказашь, гдѣ вы живеше.

„Что шебѣ надобно?“, спросилъ его родственникъ.

„ Я вашъ родственникъ изъ Ирландіи, отвѣчалъ Едмундъ.

„ Ты плушъ, а не родственникъ мой; поди ошъ меня прочь! „ сказалъ пошъ и ушелъ ошъ него.

Въ какое смущеніе приведенъ былъ бѣдной Едмундъ симъ отвѣпомъ! вся его надежда вдругъ разрушилась. Онъ не могъ понять, какъ можно невиннаго чело-вѣка назвашъ плушомъ. „ Боже мой! что шеперь со мною будетъ! „ вскричалъ онъ, и заплакавши пошелъ, самъ не зная куда. По щастію встрѣпился онъ съ однимъ корабельщикомъ и рассказалъ ему о своемъ несчастіи съ шюю опкровенностію, которая была ему свойственна. Доброй корабельщикъ сжалился надъ нимъ и принялъ его въ свой домъ. Скоро примѣшилъ онъ въ молодомъ Едмундѣ опмѣнной разумъ и чесиношъ, и послалъ его въ Данію на корабль, на которомъ долженъ онъ былъ работашъ по своимъ силамъ, особливо жъ надсматривашъ когда корабль вы-тружали и ошъ нагужали. Едмундъ исполнялъ свою должность вѣрно и рачи-шельно, шакъ, что заслужилъ себѣ похва-лу ошо всѣхъ, которые съ нимъ на ко-раблѣ были.

Второе его путешествіе по морю было въ Америку съ однимъ купцомъ, которому онъ былъ рекомендованъ отъ корабельщика. Онъ и тогда исполнялъ свою должность столь же ревностно, какъ и въ первой разѣ, и чрезъ то снискалъ благосклонность новаго своего покровителя. — На обратномъ пути изъ Америки должны они были выдержанъ жестокою бурю. Всѣ корабельные служители, даже и самые отважнѣйшіе, пришли въ ужасъ; одинъ только Едмундъ не пошепалъ своей твердости: онъ и самъ работалъ съ удивительнымъ проворствомъ, и другихъ ободрялъ своимъ примѣромъ. Господинъ корабля, не видя никакова инова способа къ спасенію, приказалъ бросить въ море всѣ излишнія шягости и между прочимъ большую часть сѣснанаго запаса. Сіе помогло и корабль остался цѣлъ; но послѣ произошелъ недостатокъ въ сѣснанныхъ припасахъ, что подало мащрозамъ поводъ къ негодованію и жалобамъ. Едмундъ и въ семъ случаѣ оказалъ важную услугу; онъ уговаривалъ своихъ спутниковъ сносить терпѣливо недостатокъ, пока наконецъ они возвратились въ Англію.

(Окончаніе сообщено будетъ впредь.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣд-
немъ листѣ.*

Едмундъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ у купца, и отъ времени до времени снискивалъ себѣ болѣе почтенія и любви. Онъ былъ весьма бережливъ и собралъ небольшой капиталъ, съ копорымъ намѣренъ былъ завести собственной торгъ; по томъ хотѣлъ онъ призвать къ себѣ своихъ родителей и братьевъ, и содержать ихъ. Часто размышлялъ онъ съ удовольствіемъ о семъ предпріятіи. Но вдругъ вся его надежда разрушена была нечаяннымъ приключеніемъ.

Въ одинъ вечеръ пропали у купца, которому Едмундъ служилъ, два важные векселя. Купецъ зналъ, куда положилъ сіи вексели — но ихъ шамъ уже не было. Никшо не входилъ въ ту комна-шу, гдѣ они лежали, кромѣ его самага и Едмунда. Долго искалъ онъ ихъ вездѣ, но тщешно, и наконецъ взялъ онъ подозрѣніе, что Едмундъ похишилъ сіи век-

сели. Онъ позвалъ къ себѣ Едмунда и объявилъ ему свое подозрѣніе. Благородномыслящій юноша принялъ сію обиду съ негодованіемъ и ошвѣчалъ купцу, что онъ ожидалъ отъ него не такой награды за свою вѣрность и ревностныя услуги. Однако жъ всѣ доказательства его невинности были бесполезны. Онъ посаженъ былъ въ шюрму, и долженъ былъ сидѣть тамъ и питаться хлѣбомъ и водою до тѣхъ поръ, пока признается въ похищеніи. Все его имѣніе было пересмотрѣно, и хотя не нашли у него векселей, однако подозрѣвали, что онъ въ прошлыя вечера, въ которой вексели торопали, ходилъ со двора и имѣлъ время скрыть ихъ. Сіе подозрѣніе подтверждалъ одинъ изъ его товарищей, который ненавидѣлъ Едмунда.

Цѣлую уже недѣлю Едмундъ сидѣлъ въ шюрмѣ, какъ привели туда и посадили вмѣстѣ съ нимъ другаго человека, который плакалъ и жаловался на свое несчастіе, такъ, что могъ бы пронуть и самое нечувствительное сердце. Едмундъ, будучи равнодушенъ въ щастіи и несчастіи, спросилъ у тюремщика, кто сей человекъ, и тюремщикъ сказалъ ему, что то былъ купецъ, по имени Францискъ Едмундъ, который велъ распусшную

ную жизнь, вошелъ въ большіе долги, и за шо посаженъ въ шюрму, откуда освободишься чайтельно по смерть свою не будешъ въ состояніи.

Дважды допрашивали Едмунда; но онъ будучи невиненъ, ни въ чемъ не признался. — Нѣкогда поушру пришелъ къ нему хозяинъ, кошорой подозрѣвалъ его въ похищеніи, со слезами просилъ у него прощенія и обѣщалъ ему сдѣлать все, чего онъ ни пошребуешъ, въ удовлетвореніе за свою несправедливостъ; ибо вексели были найдены и невинностъ Едмундова опкрылась. — Великодушной Едмундъ, выходя изъ шюрмы, вспомнилъ о своемъ родственникѣ и просилъ купца, чшобъ онъ постарался и его освободить. Тюремщикъ проводилъ ихъ къ сему несчастному, у кошорого на лицѣ изображалось опчаяніе. Купецъ освѣдомился о причинѣ, за чшо онъ находится въ шюрмѣ, и узналъ, что онъ долженъ 200 фуншовъ стерлинговъ и не въ состояніи заплашить сей долгъ. — Едмундъ спросилъ у него, не можешъ ли онъ вспомнить о молодомъ человекѣ, кошорой за пять лѣшъ передъ тѣмъ нѣкогда встрѣшился съ нимъ на улицѣ и сказывалъ о себѣ, чшо онъ его родственникъ изъ Ирландіи?

— Францискъ вспомнилъ о семъ случаѣ. Едмундъ далъ ему знать, что онъ самъ былъ помѣ молодой человѣкъ. Францискъ вскочилъ съ деревянной своей скамьи, бросился въ его объятія и просилъ его со слезами позабыть прошедшее. — Вскорѣ по помѣ Едмундъ имѣлъ удовольствіе видѣть его освобожденнаго изъ пюрмы. Слухъ о семъ великодушномъ дѣлѣ разнесся по всему городу, и Едмундъ приобрѣлъ отъ всѣхъ почтеніе.

Купецъ будучи уже старъ и не имѣя наслѣдниковъ мужскаго полу, выдалъ дочь свою за Едмунда и сдѣлалъ его участникомъ въ своей торговлѣ. Тогда Едмундъ увидѣлъ себя въ состояніи извлечь изъ бѣдности своихъ родителей, чего онъ давно желалъ. Онъ поѣхалъ въ Ирландію и нашелъ ихъ еще въ такомъ же скудномъ состояніи, въ какомъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ ихъ оставилъ. Свиданіе его съ ними было весьма прогашельно. Всѣ прежніе его знакомцы и сосѣди сбѣжались къ нему, какъ скоро узнали о его пріѣздѣ, и радовались, когда онъ рассказывалъ имъ о благополучной перемѣнѣ своихъ обстоятельствъ. — Онъ хотѣлъ родителей своихъ взять въ Лондонъ. Но сіи добрые люди на то не согласились, они
захо-

захопѣли лучше оспашься въ своей деревнѣ и шамѣ получаютъ ежегодно деньги на содержаніе. — Едмундѣ распорядивши все по ихѣ желанію, возвратился въ Лондонѣ; а спустя нѣсколько времени вызвалѣ шуда и брашьевѣ своихѣ и доставилѣ имѣ выгодныя мѣста. Онѣ всегда славился трудолюбіемѣ и честностію, пекся о благополучіи своихѣ ближнихѣ, шакѣ, какѣ о своемѣ собственномѣ, и распрошранялѣ вокругѣ себя радостѣ и удовольствіе.

XVI.

Разговорѣ.

Вѣ одинѣ прекрасной день во время жашвы пріятель Добросердовѣ поѣхалѣ съ дѣшми своими въ ближнюю деревню, дабы возбудить ихѣ вниманіе ко щедростѣ Божіей въ сіе время. Добросердѣ провожалѣ ихѣ. — Какое радостное зрѣлище шамѣ имѣ предшавались! Они видѣли просшранное поле, подобное золотому морю и окруженное зелеными пригорками, какѣ бы изумрудными рамами. Жнецы стояли рядами и блестящими серпами жали хлѣбѣ, приклоняющійся предѣ ними кѣ землѣ; другіе собирали сжашой уже хлѣбѣ,

хлѣбѣ, вязали снопы и складывали ихъ вмѣстѣ. На другой сторонѣ стоялъ возъ, на которомъ сидѣлъ человекъ и укладывалъ подаваемые ему на вилахъ снопы. Потѣ лился съ загорѣвшихъ лицъ сихъ добрыхъ работниковъ; но они услаждали труды свои шулками и веселыми разговорами; громкой смѣхъ, кошорой часто былъ слышанъ между ими, показывалъ, что и сердца ихъ чувствовали удовольствіе, какое видно было на ихъ лицахъ.

„Пріятно, говорилъ Добросердъ, весьма пріятно видѣшь земледѣльца при ѡпой работѣ: шеперь надежда его ошчаспи уже исполнилась. — Какое нещасіе! когда градъ, сильные дожди, или другіе шому подобные печальные случаи дѣлають щещными всѣ его шягосшныя труды, и онъ видитъ въ нѣскольکو минушъ погибшимъ шо, надѣ чемъ почши цѣлой годъ работалъ; зима наступаетъ; дѣши его кричатъ и просятъ хлѣба, а жишница его пуста; при шомъ же иногда жестокосердой помѣщикъ, живучи въ изобилии и въ роскоши, хочешъ жестокосшію вымучить у него шо, что градомъ побито, или ошъ сильныхъ дождей погибло. — „

„ Не уже ли есть такіе люди ? спросилъ Алексѣй : „ вѣшъ, я не думаю, чшо бы кшо нибудь могъ бытъ сполько жестокосердъ ! „

Отецъ. И я съ побою вѣ эшомъ согласенъ, по крайней мѣрѣ не хочу теперь думать объ эшомъ ; теперь хочу я заниматься пріятными мыслями и думаю о щасшіи, какое происходитъ отъ трудолюбія и прилѣжности — о томъ щасшіи, котораго плодами всѣ мы наслаждаемся, когда Богъ благословляетъ земледѣльца и награждаетъ шруды его изобильною жашвою.

Володинька. А какая намъ съ вами вѣ эшомъ нужда ? Вы не земледѣлецъ и эши люди не наци ; намъ не достанется отъ нихъ ничего.

Отецъ. Ты говоришь, какъ рабенокъ, другъ мой. Но скажи мнѣ, отъ чего ты живешь ?

Володинька. Отъ того, чшо я ѣмъ и пью.

Николай. А не знаешь, чшо ты ѣшь и пьешь ?

Володинька. Какъ не знаешь, чшо я ѣмъ ? Пожалуй не опасайся, я не спрошу у тебѣя объ эшомъ ; — я ѣмъ хлѣбъ, мясо —

Лизанька. Гдѣ жъ мы хлѣбъ беремъ?

Володинька. Покупаемъ у хлѣбника. „

— Другія дѣши продолжали разспрашивать его такимъ образомъ, и Володинька усмошрѣлъ наконецъ, что мельникъ не могъ бы дѣлать муки и хлѣбникъ печь хлѣба, ешьлибъ земледѣлецъ не сѣялъ и не пожиналъ ржи и пшеницы, и что тогда не можно бы было ни за что въ свѣшѣ доставать хлѣба.

Николай. Не уже ли ешь шакіе народы, копорые хлѣба не сѣюшъ? — мнѣ кажется эшо не возможно.

Алексѣй. Видно, что шы не очень знакомъ съ исторіею и географіею, когда не знаешь, что и нынѣ ешь еще довольно шакихъ народовъ, а прежде еще и больше было, копорые совсѣмъ не знали земледѣлія и пишались шолько звѣриною и рыбною ловлею.

Отецъ. Эшо правда; земледѣліе служить доказательствомъ, что шопшъ народъ, копорой знасть его, вышелъ уже изъ дикаго состоянія. Различныя орудія, копорыя пошребны на обрабошываніе земли и на пригошвление хлѣба шакъ, что бы можно было упошребляшь его въ пищу, шребуютъ много знанія и искусства. Перещишайте, чрезъ сколько рукъ переходить

ходишь хлѣбъ, пока доспанешся намъ и мы ѣсть его можемъ — сколько ремесленниковъ приготавливаютъ нужныя для того орудія.

Сіе доставило дѣтямъ пріятное упражненіе: онѣ начали перещипывать, сколько людей занимаютъ приготавливаніемъ хлѣба и сколько ремесленниковъ дѣлаютъ разныя орудія потребныя для сея работы, такъ, какъ Евфроній исчислялъ то, когда онѣ показывалъ Сакхариссъ, какъ разныя человѣческія состоянія взаимно одно ошъ другога зависяшъ (*). Перещипавши почти всѣ ремесла, изъ копорыхъ одно всегда вело ихъ къ другому, съ удивленіемъ признались онѣ, что шотъ весьма благополученъ, кшо родился въ такой землѣ, гдѣ шрудолюбіе и прилѣжность дѣлаютъ жизнь столь спокойною, удобною и пріятною.

Добросердѣ вынялъ изъ кармана книгу и сказалъ: „я долженъ шеперь прочиташъ вамъ мѣсто изъ одного любимаго моего стихотворца, безъ котораго я въ нынѣшнее время рѣдко выѣзжаю въ поле. „ — Всѣ хотѣли знать, кшо эшотъ стихотворецъ? и узнали, что то былъ

(*) Дѣтское Чтеніе. Ч. III. Стр. 52.

Англичанинъ Томсонъ. Въ поэмъ своей ,
копторая называется: *четыре времена года* ,
описавши гошовое къ жашвъ хлѣбное поле,
говоритъ онъ :

„ Се швол благословенія , о шрудо-
„ любіе ! сила суровая, работою, потомъ
„ и шрудомъ сопровождаемая , но изо-
„ бильной испочникъ всякаго пріятнаго
„ художества и всѣхъ нѣжныхъ искусствъ !
„ — Ты возвысило родъ челошечской !
„ Нашура повергла его , нагаго и безпо-
„ щнаго , въ лѣса и пустыни жестокииъ
„ спихіямъ. Хоши многія сѣмяна искусствъ
„ посажены были во глубинѣ души его
„ и вокругъ его разсѣяно безконечное мно-
„ жество разныхъ машеріаловъ ; но все
„ еще было шщепно. Еще не знаемы,
„ спали въ немъ сондивыя силы. Алчное
„ гніеніе поглощало еще все цо , цо
„ щедрая рука благоспи разсѣяла въ ди-
„ комъ родѣ. Печальной дикой заблуж-
„ дался еще бродя между хищными звѣ-
„ ряи , либо сражался съ люшымъ веп-
„ ремъ , спрашными клыками вооружен-
„ нымъ , за дубовыя желуди. Нецасшной
„ ужасался и не имѣлъ ушѣшенія , когда
„ хладной Сѣверъ , обремененной въпраи ,
„ выпускалъ бури , градъ , дождь , снѣгъ
„ и рѣзкой мразъ. Тогда убѣгалъ онъ
„ подѣ

„ полѣ кровлю хижины своя , и чрезѣ все
 „ суровое время года помился вѣ бездѣй-
 „ ствіи ; ибо не имѣлѣ дома . Домѣ естѣ
 „ жилище любви , радости , покоя и изо-
 „ билія , гдѣ друзья и любимые сродники
 „ помогая другѣ другѣ и взаимную полу-
 „ чая помощь , вкупѣ наслаждающіся благо-
 „ получіемѣ . Но суровой дикой никогда
 „ не чувствовалѣ благополучія : онѣ безу-
 „ плѣшенѣ былѣ и посредѣ толпы подоб-
 „ ныхѣ ему ; тяжкіе , мрачныя и безра-
 „ достныя дни его кашились по пустынь
 „ времени , пока иришло трудолюбіе , воз-
 „ будило его ошѣ несчастной лѣности ,
 „ развило его способности , указало ему,
 „ вѣ чемѣ щедрая натура потребуешѣ по-
 „ мощи ошѣ руки искусства ; наставило
 „ его , какѣ можешѣ онѣ умножашѣ сла-
 „ быя силы свои силами орудій , и ме-
 „ шаллы вырывать изѣ-подѣ земныхѣ
 „ сводовѣ ; кѣ чему можешѣ онѣ обращашѣ
 „ произительную силу огня , кѣ чему обра-
 „ щашѣ рѣки и вѣтрѣ ; предало сѣкирѣ
 „ его проспранную древнюю дубраву ; на-
 „ чило его обрубашѣ дерево и обрабошѣ-
 „ ваешѣ камень , и мало по малу роздви-
 „ гашѣ совершенныя зданія ; оно совлекло
 „ сѣшѣла его звѣриную кожу , обогренную
 „ кровію , и прикрыло его теплою шерспя-

„ною одеждою, или украсило его бле-
 „спящимъ шелкомъ и волнующимся по-
 „крываломъ; успавило сполъ его здо-
 „ровою пищею и разноситъ вокругъ со-
 „суды съ драгоценнымъ пишемъ, возбуж-
 „дающимъ въ умъ благоприспешную
 „оспрошу. Оно не оставило его при су-
 „хой необходимости; но опъ времени до
 „времени смѣлѣйшими шагами вело его
 „къ великолѣпію, забавъ, ко вкусу и
 „пріятности; вдохнуло въ душу его
 „благородное честолюбіе, представило
 „глазамъ его науку, мудрость и славу,
 „и повелѣло ему господствовать надъ
 „всеми симъ на землѣ. „ —

„Все, что жизнь возвышаетъ, укра-
 „шаетъ и творитъ прелестною, все
 „есть даръ прилѣжанія. Имъ въ безо-
 „пасность приведена, сидитъ задумчи-
 „вая зима подлѣ грѣющаго огня и спокой-
 „но слушаетъ, какъ буря щедро яриш-
 „ся въ твердаго зданія; оно оптвердѣв-
 „шими перстами своими одѣваетъ разно-
 „цвѣтную весну; безъ него лѣпо было
 „бы сухою степью, и осень не снабжала
 „бы насъ сими зрѣлыми безчисленными
 „сокровищами, копорыя зримъ мы на
 „сихъ поляхъ. „ —

„ Прекрасно ! прекрасно ! „, вскричали дѣши, когда Добросердѣ объяснилъ имъ нѣкопорыя стихошворческія выраженія, кошорыхъ онѣ вдругъ не могли понять. — „ Стихошворецъ говоритъ справедливо, сказалъ Алексѣй : „ мы не чувствуемъ, какъ велико наше благополучіе, для того, что безпрестанно имъ наслаждаемся ; а когда я воображаю себѣ, въ какомъ бѣдномъ состояніи жили дикіе люди, или читаю объ нихъ описаніе какова жибудь путешественника, какъ они съ великими трудами и опасностями достаютъ самыя необходимыя пошребности, тогда только чувствую я, сколько мы щасливы. „

Николай. О ештьли бы это поле было мое ! я сталъ бы самъ работашъ — и какъ бы я теперь радовался !

Отецъ. Желаніе швое мнѣ не нравится. Ты и теперь имѣешь причину радовашься. Мы столько же беремъ участія въ благословенной жашвѣ, какъ и шѣ добрые люди, кошорымъ это поле принадлежитъ ; они работашють столько же для насъ, сколько и для себя.

Добросердѣ. А мнѣ его желаніе кажется извинишельно. Земледѣліе было первое состояніе, кошорое натура дала человѣку : первые люди всѣ были земле-
дѣльцы,

дѣльцы, либо паспухи. — Вѣ пріятныя времена года мнѣ и самому иногда приходилъ желаніе веспи сельскую жизнь, чшобѣ всегда бытъ при источникѣ, при кошоромѣ бы могѣ я разсмашривашъ чудеса Божіи вѣ напурѣ. Однако жѣ размысливши, нахожу, чшо Богѣ опредѣлилѣ мнѣ лучшую учаспъ, по шому, чшо шогда могѣ бы я жишъ больше для себя, а нынѣ могу бытъ полезнѣе другимѣ.

„Вы правду говорите, сказалѣ Алексѣй, пожавши руку Добросерду: „ можешѣ бытъ шогда не были бы вы намѣ знакомы, и мы не имѣли бы шого удовольствія и шой пользы, какую нынѣ имѣемѣ отѣ вашего знакомспва. „

Отецъ. Вѣ самомѣ дѣлѣ сельская жизнь имѣешѣ вѣ себѣ много прелестей для душѣ неразвращенныхѣ; она всякаго другова образа жизни ближе кѣ мудрости. Презрѣніе кѣ ней всегда служилѣ доказательствомѣ испорченнаго роскошью вкуса. — Жалко, чшо наши земледѣльцы живущѣ вѣ такомѣ бѣдномѣ состояніи, чшо вѣ тяжкихѣ своихѣ шпудахѣ не могушѣ довольно наслаждашъя шѣмѣ добромѣ, кошорое они прилѣжаніемѣ своимѣ пріобрѣтающѣ, и не чувствуюшѣ шѣхѣ пріятностей, какія образѣ ихѣ жизни могѣ бы

имѣ

имѢ доставляшь. — Дѣшпи мои ! имѣйше всегда уваженіе кѢ симѢ людамѢ, сколько они заслуживающѢ. Есльи совремянемѢ БогѢ дасшѢ вамѢ владѢшь ими, по не упускайше случаевѢ помогашь имѢ; облегчайше ихѢ шруды и заботы; пекишесь о воспитаніи дѣшей ихѢ; спарайшесь, чшобѢ и знакомые ваши, кошорые имѢющѢ кѢ шому случай, шакже вамѢ подражали. Будьше увѣрены, чшо получите за шо неощѢнимую награду. — —

XVII.

Сова и другія пшшцы. Васня.

ВѢ одной пріятшшой рошѢ, наполненной веселыми пшшчками, находились развалины стариннаго замка, вѢ кошорыхѢ жила сова. Другія пшшчки желали сѢ нею познакомішсья, надѣясь можетѢ бышь услышашь ошѢ нее много пріятнаго, либо важнаго, какѢ ошѢ любимой пшшцы Богини мудрости, и позвали се кѢ себѢ, когда онѢ праздновали первое число Мая.

Сова прилешѢла. Любовь, согласіе, удовольствіе и радость царшшвовали между маленькими пшшчками. ВсѢ онѢ спарались увеселішь се своими пѣснями, и

же-

желали, чтобъ она взяла участіе въ ихъ радости. Но сова сидѣла съ угрюмымъ видомъ, посмапривала на нихъ косо, и зашкнула бы себѣ уши, есльи бѣ были у нее пальцы. — Пшички, примѣшивши, что ихъ музыка ей не нравится, хотѣли развеселишь ее разными играми: онѣ прыгали съ сучка на сучокъ, лешали около ея маленькими кружками, особливо жъ воробѣй дѣлаалъ множество забавныхъ шпукъ. Но все было пщешно: угрюмая сова сидѣла шакъ же, какъ бы она была одна въ мрачномъ своемъ гнѣздѣ.

Пшички видя, что всѣ ихъ спаранія бесполезны, разлетѣлись одна за другою и спрятались въ кустарникахъ. Угрюмая пшица оспалась одна и прижуждена была возвратиться зѣ уединенное свое жилище. Говорятъ, что съ того времени всѣ пшицы не хотятъ имѣть съ нею дѣла, увидѣвши ее издалека улешаютъ, либо насмѣхаются надъ нею, шакъ, что она днемъ показаться не смѣетъ.

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

XVIII.

*Путешествіе Васко де - Гамы
въ Ост - Индію.*

Вступленіе.

Въ пятомъ-надесять сполъшїи Венеціяне почти одни шолько торговали въ Индіи, и ошъ того чрезвычайно обогатились. Они проходили сперва по Средиземному морю къ Египетскому городу Александри, ошпуда добъзжали до Суеца, находящагося на узкомъ перешейкѣ земли, соединяющемъ Азію съ Африкою; ошпудажь по Чермному и Арабскому морю проходили въ Калекушъ, или въ какую нибудь другую гавань перваго Ост - Индійскаго полуострова. (*)

Часть VII. Но 35 К Дру-

(*) По справедливости предполагается, что читатели наши знаютъ уже столько Географіи, сколько потребно при чтеніи сего описанія. Также излишнымъ кажется напоминать, что для нихъ полезно будетъ приискивать на ландкартѣ мѣста, о коихъ здѣсь упоминается.

Другія Европейскія націи смотрѣли съ заристію на безчисленныя богатства, пріобрѣшаемыя Венеціанами отъ сея портовли. Онѣ желали имѣть участіе въ польѣ выгодной торговлѣ; но не было къ шому никакова инаго способа, какъ полько сыскашь новой пушѣ въ Индію по морю. Португальцы, въ то время предпріимчивой народѣ, первые вознамѣрились искашь сего новаго пуши вокругъ Африки по тому морю, по которому нынѣ обыкновенно корабли въ Ост - Индію проходяшѣ. Но еще сомнительно было, ешь ли возможность проходить симѣ пушемѣ.

Издавна носился слухѣ, что еще въ вѣсьма древнія времена нѣкопороу Египетской царѣ, по имени Нехо, обѣзжалѣ вокругъ всея Африки на Феникійскихѣ корабляхѣ; но заподлинно не извѣстно было, основателенѣ ли сей слухѣ. Многіе почитали шакое предпріяшїе совсѣмѣ невозможнымѣ, по такимѣ причинамѣ, которыя нынѣ дия опровергнушь можешѣ; а имянно, они думали, что Африка къ югу не имѣетѣ конца, но простираетѣся даже до самаго южнаго полюса, и по шому не возможно вокругъ ея обѣзхашѣ. При шомѣ думали они, равно несправедливо, что въ шой часши земнаго нашего шара,

шара, копорая называется жаркимъ поясомъ, всегда бываешъ споль чрезвычайной жаръ, что никакой человекъ вытерпѣшь его не можешъ. Даже опасались они, что въ шѣхъ спранахъ корабли ихъ и съ людьми сгоряшъ отъ жару.

Споль великое незнаніе, оказанное сими людьми, не заслуживаешъ посмѣянія. Тогда было споль еще мало свѣденій о свойствахъ земли нашей, что и мы не лучше бы разсуждали, есплибъ жили въ тѣ времена. Нынѣ, когда уже нѣсколько тысячъ путешественниковъ обѣздили почти всѣ земныя спраны, и когда уже выдано въ свѣшъ множесиво описаній обѣ оныхъ — не трудно усмотрѣшь, сколь неосновашельно Поршугальцы опасались; но тогда было совсѣмъ иначе.

Однако жъ не смотря на всѣ сіи опасенія, Поршугальцы отважились предпріяшь важное для нихъ открьіе. Хотя первыми своими спраніями и не дошли они до своей цѣли, но приобрѣли иныя выгоды, копорыми они довольно награждены были; а имянно, они открьіли въ разныя времена острова Санто - Порто и Мадеру, Азорскіе острова, Зеленой мысѣ, а наконецъ и мысѣ Доброй Надежды, самую крайнюю часть Африки къ

югу. Тотъ, кто совершилъ послѣднее сіе открытіе и обѣхалъ вокругъ помянушаго мыса, назывался Барполомей Діацъ.

Тогда казалось, что возможность проходитьъ въ Ост-Индію по морю вокругъ Африки, не подвержена уже сомнѣнію; но еще находились такіе люди, копорые не перестали въ томъ сомнѣваться и надежду произвести сіе предпріятіе въ дѣйство почитали пустою мечпою. Они не могли уже болѣе отрицать, что можно пройти подъ экваторомъ не сгорѣвши, и что Африка имѣетъ конецъ. Но по несчастію Діацъ выдержалъ при мысѣ Дорой Надежды жестокою бурю, и по тому назвалъ его *Торментозъ*, т. е. *бурливой*. Сіе подало малодушнымъ людямъ поводъ заключить, что въ тѣхъ странахъ всегда бывающъ жестокия бури, и что далѣе того мыса пройти не можно. Вотъ какія заключенія малодушіе и боязливость дѣлають заспаляющъ!

Однако Емануель, Король Португальской, не былъ изъ числа такихъ малодушныхъ и недовѣрчивыхъ людей. Вступивъ на престолъ, рачительно старался онъ произвести въ дѣйство предпріятіе своихъ предшественниковъ, открьть морской путь въ Ост-Индію. Онъ приказалъ

залъ немедленно вооружить флотъ , и предводителемъ сего флота выбралъ шакова человекъ , копорой въ высокой степени имѣлъ способность и отважность, потребныя для столь великаго предпріятія. Онъ назывался Васко де - Гама , и здѣсь сообщается описаніе достопамятнаго его путешествія.

I.

Путешествіе изъ Белема къ мысу Доброй Надежды , и оттуда къ Мозамбику , что при восточномъ берегу Африки.

Флотъ , которымъ Васко де - Гамъ надлежало предводительствоватьъ при семъ предпріятіи , состоялъ изъ трехъ посредственныхъ кораблей , и на нихъ вообще находилось не болѣе 160 человекъ. Сіи корабли назывались Санкт - Габріель , Санкт - Михаель и Берріо. На первомъ изъ нихъ находился самъ Васко , а двумя прочими командовали Павелъ де - Гама , братъ его , и Николасъ Нунецъ. Небольшая сія эскадра еще провожаема была запаснымъ кораблемъ , копорымъ управлялъ Гонзало Нунецъ.

Въ 1497 году , 8 Іюля , чрезъ пять лѣтъ послѣ того , какъ Колумбъ от-

крыль Америку, Васко де-Гама отпра-
вился въ море отъ мѣстечка Белема, ле-
жащаго недалеко отъ Лиссабона при рѣкѣ
Тайо. Какъ нѣсколько кораблей, отпра-
вляемыхъ куда нибудь вмѣстѣ, всегда
подвержены бывающъ опасности разлу-
читься во время бури, или какимъ либо
инымъ приключеніемъ, что весьма часто
случается; но предводители такихъ ко-
раблей обыкновенно назначаютъ извѣст-
ныя мѣста, гдѣ въ такихъ случаяхъ ко-
рабли должны дожидаться одинъ другаго,
дабы опять вмѣстѣ собраться. Де-Гама
при отъѣздѣ своемъ назначилъ первымъ
мѣстомъ собранія Зеленой мысъ при за-
падномъ берегѣ Африки.

Сія предосторожность была имъ весь-
ма полезна. Когда они приближались къ
Канарскимъ островамъ, случилась жесто-
кая буря, кошорсю Адмиральской корабль
далеко отбитъ былъ отъ другихъ кораб-
лей. Но какъ имъ извѣстно было, гдѣ
они могутъ найти другъ друга, то чрезъ
восемь дней всѣ корабли собрались въ на-
значенное мѣсто, и отсюда вмѣстѣ по-
шли къ острову С. Яго, одному изъ
острововъ Зеленаго мыса, для поправле-
нія вреда, какой они отъ бури потерпѣ-
ли,

ли, и для того, чтобъ запастись свѣжею водою и другими потребностями.

Островъ С. Яго, и нынѣ еще Португальцамъ принадлежащій, заслуживаетъ пріисканъ бытъ на ландкартѣ; ибо недавно два важныя произшествія сдѣлали его опмѣнно достойнымъ примѣчанія; а имянно, задесять лѣтъ предъ симъ былъ тамъ такой ужасной голодъ, что померло 16000 жителей; въ послѣднюю жь морскую войну происходило при семъ островѣ славное сраженіе между Англійскимъ и Французскимъ флотами, копорые оба шли въ Осп-Индію.

3 Августа путешественники подняли якоря и пошли далѣе къ югу вдоль подлѣ Африканскаго берега. Какъ тогда не имѣли еще надлежащихъ свѣдѣній о вѣтрахъ, какіе бывають въ тѣхъ спорахъ, по мореплаваніе тамъ соединено было со многими затрудненіями и неприяностями, копорыхъ нынѣшніе мореплаватели по большей части избѣгають умѣють. И такъ при мѣсяца боролись они съ прошивными вѣтрами и бурями, пока дошли ошъ острововъ Зеленаго мыса до острова С. Елены. Нынѣ жь сіе путешествіе совершася въ нѣсколько недѣль.

Сей островъ, тогда еще неизвѣстной, увидѣли они 4 Ноября и дали ему названіе, которое онъ и понынѣ имѣетъ, хотя принадлежитъ уже не Португальцамъ, но Англичанамъ. Самъ по себѣ онъ не заслуживаетъ особливаго вниманія, но важенъ для Англичанъ по тому, что ихъ корабли идущіе въ Ост-Индію, либо изъ Ост-Индіи возвращающіеся, могутъ при немъ запасаться свѣжею водою.

Нашимъ путешественникамъ, которые уже нѣсколько времени терпѣли недоспашокъ въ водѣ, открытіе сіе весьма было полезно. Они нашли на островѣ жишелей, чернаго цвѣту, небольшого роста и съ непріятными лицами. Сіи жишели, по обычаю всѣхъ дикихъ живущихъ въ жаркихъ странахъ, ходили по большей части нагѣ, нѣкоторые жъ носили только звѣриную кожу, накинувъ ее на плеча, какъ епанчу. Оружіе ихъ состояло въ лукахъ и стрѣлахъ и въ обожженныхъ на огнѣ палкахъ, у которыхъ къ концамъ придѣланы были острые рога какихъ нибудь животныхъ. Пишались они кореньями, морскими животными, а особливо китами (которыхъ въ тамошней странѣ много), морскими птицами и дикими козами. Также найдены были

были у нихъ собаки похожія на Португальскихъ,

Предводитиель флота самъ вышелъ на берегъ, чшобъ осмошрѣшь оспровѣ и полудишь свѣденіе о образѣ жизни и обычаяхъ тамошнихъ урожденцовъ. Ходя по разнымъ мѣстамъ, нашелъ онъ одного оспровишянина, кошорой искалъ меду; ибо на семъ оспровѣ, такъ, какъ и во всей Африкѣ, находишь весьма много пчелъ, собирающихъ изрядной медъ. Онъ хотѣлъ поговорить съ симъ оспровишяниномъ; но они не могли разумѣшь другъ друга. Дикой взятъ былъ на корабль; но и шамъ никшо не разумѣлъ его языка. Удержали его переночевать на кораблѣ, а на другой день оппустили обратно на берегъ, одѣвши его въ плашье. Дасковой пріемъ сему дикому и подаренное ему плашье приманили къ кораблямъ множество другихъ оспровишянъ. Адмиралъ показывалъ имъ разныя благовонныя растенія, золото и жемчугъ; но примѣшилъ, что сіи вещи имъ совсѣмъ неизвѣстны и что они ихъ не уважали. По томъ подарилъ онъ имъ нѣскольکو маленькихъ колокольчиковъ, оловянныхъ колець и шелеховъ, чему они весьма обрадовались,

Хотя съ обѣихъ споронѣ принимали другѣ друга ласково, однако жъ скоро оказалось, что не должно было слишкомъ полагаться на сихъ черныхъ оспровишлянѣ. Нѣсколько Поршугальцовѣ опважившись зайши далѣе на оспровѣ, чшобѣ поспѣшишь урожденцовѣ шамошнихѣ вѣ ихѣ жилищахѣ, примѣшили нѣкошорыя пригошвенія кѣ непріательскимѣ дѣйсшвіямѣ. Они почли за нужное возвращишья скорѣе на корабли. Дикіе гнались за ними, и безѣ сомнѣнія дошло бы между ими до драки, ешьлибѣ Адмиралѣ не примѣшилѣ съ корабля опасносши, какою люди его были угрожаемы, и не поспѣшилѣ кѣ нимѣ на помощь. Оспровишяне увидѣвши шо, убѣжали назадѣ съ великимѣ крикомѣ.

Но сей притворной побѣгѣ вѣ самомѣ дѣлѣ былѣ шолько хипросшь, кошорою они намѣрены были приманишь Поршугальцовѣ гнашья за ними, чшобы заведши ихѣ далѣе опѣ берега напасшь на нихѣ. Увидѣвъ, что никшо не гонишья за ними, шопчасѣ обратились они опяшь кѣ берегу, сдѣлали свирѣпое нападеніе на Адмирала и на людей его со спрѣлами и съ другимѣ своимѣ оружіемѣ, и принудили его уйши на корабль. При семѣ случаѣ ранены

ранены были чепыре Португальца и у самага Адмирала повреждена была нога.

Путешественники наши проведши памѣ еще дѣснайцашь дней, опправились далѣе при южно-западномѣ вѣспрѣ, и чрезѣ два дни по томѣ имѣли радость увидѣшь мысѣ Доброй Надежды. Однако прошивной вѣспрѣ преняпствовалѣ имѣ приближиться къ сему мысу. Наконецѣ, еще чрезѣ два дни, 20 Ноября удалось имѣ обойти около него. На берегу мыса примѣшили они издаиска множество большаго и мелкаго скоша, также и людей похожихѣ на жишелей оспрова С. Елены. Не споишь шруда упоминашь здѣсь, о немногихѣ другихѣ примѣчаніяхѣ, какія сдѣлали Португальцы проходя мимо сего берега.

По томѣ пошли они вдоль подлѣ воспочнаго Африканскаго берега къ сѣверо-воспоку. Прощедши около шестидесяпи миль, спали они на якорѣ при одномѣ оспровѣ, вѣ виду земли, и имѣли случай сдѣлашь слѣдующія примѣчанія. Жишели шамошніе похожи были на урожденцовѣ оспрова С. Елены и мыса Доброй Надежды. Казалось, что шамѣ было много слоновѣ и быковѣ. Послѣднихѣ живописныхѣ упошребляющѣ жишели къ верховой фздѣ,

ѣздѣ, накладывая имѣ на спину соломянную подушку и деревянное сѣдло и продѣвая сквозь носѣ палку. На каменной горѣ недалеко отѣ берега видѣли нѣсколько тысячь морскихѣ львовѣ. — Сии звѣри дошпойны примѣчанія, и для любопытныхѣ чашашелей должно здѣсь сообщить о нихѣ крашкое описаніе. Они похожи на морскихѣ собакѣ, но больше ихѣ, и бывающѣ вѣ длину отѣ шести до десяти локшей. Живущѣ вѣ водѣ и на землѣ, питающся рыбою и справою, и бывющѣ весьма жирны. Они любящѣ спать протянувшись на островѣ или на мели, но при томѣ всегда наблюдающѣ оспорожностѣ и высшавляющѣ спорожей, копорые вѣ случаѣ приближающейся опасности дающѣ знакѣ нѣкопорымѣ хрюканьемѣ. Движеніе морскихѣ львовѣ какѣ вѣ водѣ, такѣ и на землѣ, споль медлительно, что ихѣ удобно догонящѣ можно. Они шихи и не нападающѣ на людей; но свирѣпѣющѣ и кусающся, когда бывающѣ ранены, или когда опнимающѣ у нихѣ дѣшей. Дѣшей своихѣ любящѣ весьма горячо; пока онѣ не могущѣ еще плавать,носящѣ ихѣ на своихѣ спинахѣ, но часшо нарочно сбрасывающѣ вѣ воду, дабы приучащѣ кѣ плаванью. —

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи Португальцовъ, показалось на берегу и на горахъ около девяноста шамошнихъ жителей. Адмиралъ увидѣвъ ихъ поплылъ къ берегу, приказавши сперва людямъ своимъ вооружиться, дабы не случилось съ ними и тамъ того же, что случилось на островѣ С. Елены. Приблизившись къ берегу, приказалъ онъ бросать туда колокольчики. Дикіе поднимали колокольчики и подошли такъ близко, что могли брать ихъ изъ его рукъ. По томъ отважился онъ съ людьми своими выйти на берегъ и вымѣнялъ у дикихъ нѣсколько колецъ, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, на красные колпаки. Сіе первое свиданіе кончилось столь же мирно, какъ и началось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того вышло на берегъ около двухъ сотъ дикихъ, которые привели съ собою двѣнацать быковъ и чешырехъ овецъ, и какъ Португальцы также къ нимъ вышли, то они начали играть на свирѣляхъ и пѣшь. Дабы отвѣстствовашь на сію учтивость такою жь учтивостію, Адмиралъ приказалъ своимъ трубачамъ играть на трубахъ, и люди его должны были плясать. Дикіе веселились шѣмъ, и сей день

день проведенъ былъ въ удовольствіи и во взаимныхъ изъявленіяхъ дружбы.

Но сія дружба не продолжилась навсегда. Спустя нѣсколько дней дикіе вышли на берегъ еще въ большемъ множествѣ, и Португальцы торгуя у нихъ быка, примѣтили, что нѣсколько молодыхъ дикихъ спрятались съ оружіемъ въ кустарникъ. Адмиралъ опасаясь коварнаго нападенія, приказалъ своимъ людямъ переправиться въ безопасное мѣсто. Португальцы съли въ свои боты и поплыли вдоль подлѣ берега къ открытому мѣсту, съ котораго могли они довольно далеко вокругъ себя осматриваться. Африканцы пошли прямо противъ ботовъ шуда же. Тамъ собрались они большими толпами, и по видимому пригошовлялись дратья. Но Адмиралъ не захотѣвши на сей разъ сдѣлать между ими кровопролитія, возвратился въ ботахъ своихъ къ кораблямъ. Но дабы нѣсколько смирить беспокойныхъ дикихъ, приказалъ онъ сдѣлать два выстрѣла изъ пушки, чего они такъ испугались, что побросавши свое оружіе разбѣжались въ великомъ безпорядкѣ.

Послѣ того де - Гама послалъ нѣсколько своихъ людей на берегъ, поставивъ тамъ крестъ и столпъ съ гербомъ

короля Португальскаго, въ знакъ того, что онъ причисляетъ сію землю ко владѣнію своего государя. — Вѣроятно, что дикіе урожденцы не знали, что значить сей крестъ и столпъ; однако жъ имъ сомнительно казалось, допустить иностранцевъ, которыхъ они никогда къ себѣ не призывали, дѣлать въ ихъ землѣ такія церемоніи. И шакъ, какъ скоро Португальцы сошли съ берега, они еще въ виду ихъ вырыли крестъ и столпъ изъ земли.

Путешественники наши отправились далѣе и приближались иногда къ берегу, для осмотра земли. Адмиралъ приотѣздъ своемъ изъ Португалліи взялъ съ собою нѣкоторыхъ преступниковъ, дабы при случаѣ употреблять ихъ къ такимъ работамъ, при которыхъ жизнь подвержена бываетъ опасности. Тогда высадилъ онъ двухъ изъ сихъ преступниковъ на берегъ и приказалъ имъ осмотрѣться тамъ, чтобы навѣдываться о свойствахъ земли и знакомиться съ тамошними жителями. Онъ обѣщалъ имъ, что на возвращномъ своемъ пути, если найдеть ихъ еще живыхъ, возьметъ съ собою и отвезетъ въ Португаллію, гдѣ они уже свободны. будущи ошъ всякаго другаго наказанія за свои пре-

пресупленія. — Спасительное наказаніе, не только не погубляющее пресупниковъ для человѣческаго рода, но еще заспаваляющее ихъ быть полезными! —

Въ 1498 году, 11 января, путешественники наши въ другой разъ спали на якорь недалеко отъ берега, и Адмиралъ выслалъ нѣсколько изъ своихъ людей на берегъ для обыкновеннаго развѣдыванія. Они приняты были какъ жипелями шамошными, такъ и владѣльцомъ ихъ весьма ласково. Адмиралъ изъ благодарности за шо, послалъ въ подарокъ владѣльцу красной камзолъ, пару чулковъ и шапку шакова жъ цвѣшу и мѣдной на рукавникѣ. Благодарной Африканской владѣлецъ пригласилъ по томъ Адмирала съ людьми его въ свой городъ и увѣрялъ, что онъ будетъ служишь имъ всемъ, что только есть въ его землѣ.

(Продолженіе сообщается будетъ въ слѣдующихъ листахъ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Продолженіе.)

Адмиралъ самъ не захошѣлъ сойти съ корабля, но отправилъ со владѣльцомъ нѣкопрыхъ изъ своихъ людей. Подданные сего владѣльца осматривали его съ великимъ удивленіемъ въ новомъ его плащѣ и хлопали руками отъ радости. Пришедши въ городъ (если можно назвашъ пакъ нѣсколько бѣдныхъ шалашей поставленныхъ вмѣстѣ) владѣлецъ обходилъ сперва вездѣ, дабы показаться всѣмъ своимъ подданнымъ въ новомъ своемъ уборѣ. По томъ возвратился онъ въ свой домъ, гдѣ пригошленъ былъ обѣдъ, состоявшій изъ курицы съ вареною чечевицею. Португальцы обѣдали съ нимъ при множествѣ зрителей, которые удивлялись по наряду своего владѣльца, по бѣлымъ иностранцамъ. Они пробыли тамъ до другаго дня.

Возвращаясь на корабль, провожаемы они были дикими, съ которыми владѣ-

лецъ послалъ къ Адмиралу въ подарокъ курицъ. Де - Гама изъ благодарности за ласковой приѣмъ, назвалъ сию спрану *землею добрыхъ людей*. Она естъ па часпъ Африканскаго берега, копорая лежишъ прямо прошивъ южнаго края большаго оспрова Мадагаскара.

Между симъ народомъ примъчено было гораздо болъе женщинъ, нежели мужчинъ. Можетъ бытъ велъ онъ съ сосѣдственными народами кровопролитныя войны, на которыхъ много мужчинъ погибало: Оружіе ихъ состояло въ длинныхъ лукахъ; стрѣлахъ и дрошикахъ съ желъзными осприями. Также носили они кинжалы съ оловянными ефесами и съ клинками изъ слоновой кости; по чему можно заключишь, что въ сей землѣ, кромѣ мѣди, должно бытъ много олова. Соль пригошовляли они изъ морской воды, кошпору ю спавили въ ямы въ пыковыхъ коркахъ и давали ей выйши парами, послѣ чего находящаяся въ ней соль оспавалась. Извѣстно, что и въ другихъ земляхъ; на пр. въ Поршугалліи, шакимъ же образомъ пригошовляющъ соль изъ морской воды. Европейское полошно шакъ имъ понравилосъ, что за одну рубашку оспдавали они множесство мѣди. Впрочемъ
(что

(что въ дикомъ народѣ удивительно) были они споль ласковы и услужливы, что доставляли Португальцамъ свѣжую воду изъ - за нѣсколька верстѣ.

Опшуда путешественники отправились по каналу между Африкою и Мадагаскаромъ; и чрезъ 8 дней приплыли къ устью рѣки, означенной на ландкартѣ Африки подъ названіемъ *Квама*. Проѣзжая въ богахъ вверхъ по сей рѣкѣ, вездѣ находили землю низкую и поросшую полспыми деревьями. Встрѣчалось съ ними нѣсколько тамошнихъ уроженцовъ въ лодкахъ съ парусами; сдѣланными изъ палмовыхъ листьевъ. Португальцы немало обрадовались увидѣвши такихъ людей; которые уже знали употребленіе парусовъ; чего имъ прежде нигдѣ еще не встрѣчалось. Нѣкоторые изъ сихъ уроженцовъ всходили на корабли безъ всякой робости и оказывали Португальцамъ шакую довѣренность, какъ бы уже стариннымъ своимъ знакомцамъ. Они были изряднаго виду, но цвѣтомъ черные и ходили по большей часи нагіе. Запонъ, обвязанной спереди; сосставлялъ всю ихъ одежду.

Португальцы обходились съ ними ласково, дарили ихъ колокольчиками и

другими подобными бездѣлками. Сіе ободрило ихъ; они пришли въ другой разъ, привели съ собою многихъ другихъ своихъ единоплеменниковъ, и принесли Португальцамъ съѣстныхъ припасовъ. Въ томъ числѣ приходили и женщины. Онѣ оплечались ошью мушкетерскихъ шпалерами на губахъ, въ кошорыхъ привѣшены были куски олова, что почиталось у нихъ украшеніемъ. Съ обѣихъ сторонъ принимали другъ друга столь ласково, что нѣкоторые Португальцы опважились ходить съ ними въ ихъ жилища.

Въ третій день пребыванія ихъ тамъ пришли двое знатныхъ Африканцевъ посѣтить Адмирала. Они одѣты были не лучше прочихъ, съ собою только оплично стію, что запоны ихъ были шире, и одинъ изъ нихъ имѣлъ на головѣ плашокъ вышитой шелкомъ, а другой шапочку изъ зеленой шелковой матеріи.

Де-Гама принялъ ихъ ласково, заставилъ ихъ ѣсть съ собою и подарилъ платьемъ и нѣкоторыми другими вещами; но можно было примѣтить, что они подарковъ его не уважали. Они давали знаками выразумѣть, что они изъ отдаленной земли и видали уже въ другомъ мѣстѣ такіе же большіе корабли, какъ и шъ,

тѣ , на которыхъ они иногда находились. Адмиралъ заключилъ изъ сего , что онѣ скоро уже найдутъ такихъ людей , которые торгуютъ въ Ост - Индіи , и по шому назвалъ рѣку , въ устьѣ которой стоялъ онѣ на якорѣ , *Rio de buenas sinas* , ш. е. *рѣка добрыхъ признаковъ*.

Корабли , бывшіе столь долго на морѣ , претовали починки. Между шѣмъ , какъ начали ихъ починивать , многіе изъ корабельныхъ служителей занемогли отъ нездороваго воздуха , либо отъ нездоровой пищи. Болѣзнь сія была опухоль въ рукахъ и ногахъ ; мясо около зубовъ также пухло и гнило , что причиняло несносную вонь изъ роту , и они не могли ничего жевать. Не знали никакова инаго способа противъ сея болѣзни , какъ только вырѣзывать гнилыя мѣста , и многіе изъ больныхъ умерли. Извѣстно , что сія болѣзнь была скорбушная.

Окончавши починку кораблей , 24 января путешественники шправились далѣе. Чрезъ 8 дней по шомъ находились они въ виду нѣсколькихъ острововъ лежащихъ недалеко отъ берега. Съ одного изъ сихъ острововъ приплыло къ Португальскимъ кораблямъ нѣсколько людей въ семи или осьми бошахъ , и желали взойти

на корабли. Приняли ихъ охотно, и они обходились съ чрезвычайно довѣренно-стию. Сіи люди были изряднаго росту, цвѣтомъ черновашы и одѣты въ бумажное полосатое плашье. На головахъ носили полопняныя чалмы вышитыя шелкомъ и золомомъ и имѣли съ собою музыкаль-ныя инструменшы, кошорыя называли они *санебутами*. Говорили Арабскимъ языкомъ. Ъли и пили все, что имъ ни давали, и какъ одинъ изъ Португальцовъ, знавшій по-Арабски, спросилъ: какъ называется ихъ оспровъ? — то они отвѣчали, что оспровъ ихъ называется *Мозамбикъ*, и на немъ есть городъ, въ которомъ живутъ купцы торгующіе въ Ост-Индіи благовонными расшеніями, драгоценными камнями и другими пова-рами. Они сами вызвались ввести кораб-ли въ гавань, и сіе предложеніе съ удо-вольствіемъ было принято.

с

2.

Пребываніе въ Мозамбикъ. Путешествіе оттуда въ Калекуть, что на Малабарскомъ берегу въ Ост-Индіи.

Городъ Мозамбикъ, при которомъ путешественники наши сшали на якорь, ле-

лежитъ на островѣ при восточномъ берегѣ Африки, подѣ 15 градусомъ южной широты, то есть на 1575 верстѣ распоинемѣ отъ экватора, или той круговой линіи, которая воображается вокругъ земли въ равномъ отдаленіи отъ обоихъ полюсовъ. Сей городъ обитаемъ былъ по большей части Арабами Магомешанскаго закона, которые производили торговлю какъ по Черному морю, такъ и въ Ост-Индіи. Сии Магомешане, разиротривъ шіеся изъ Аравіи и сѣверной Африки по всей Индіи, и называвшіеся сперва по происхожденію своему Маврами, также и Сарацинами, называются тамъ обыкновенно Арабами подѣ какимъ названіемъ у насъ разумѣются люди чернаго цвѣту. Купцы сея націи, найденные Португальцами въ Мозамбикѣ, употребляли тогда въ своей торговлѣ довольно большіе корабли безъ палубъ, построенныя безъ гвоздей и въ которыхъ дерево связано только было веревками. На парусы употребляли они рогожки, сдѣланныя изъ пальмовыхъ лисневъ. Они знали уже компасъ и морскія карты, и пользовались обоимъ на своихъ путешествіяхъ.

Самые урожденцы сея страны цвѣтомъ черные. Земля ихъ низка и нездо-

рова. Всѣ жилища, найденныя шамѣ въ то время, были шалаши, сплешенные изъ вѣшвей; шолько спѣны въ домѣ Шеика, ш. е. начальника, или владѣльца, живущихъ шамѣ Арабовѣ, шакже въ мечешѣ, или Магомешанскомѣ храмѣ, сдѣланы были изъ глины.

Въ такомѣ состояніи шогда найденѣ былѣ сей городѣ. Но когда Мозамбикѣ сдѣлался Поршугальскимѣ селеніемѣ, шовидѣ его совсѣмѣ перемѣнился. Нынѣ находится шамѣ большой, хорошо выспроенной и укрѣпленной городѣ съ изрядною гаванью, защищаемою замкомѣ. Сія гавань шполь же важна для Поршугальцовѣ, шолько мысѣ Доброй Надежды важенѣ для Голландцовѣ; ибо шамѣ Поршугальскіе мореходцы, опшправляющіеся въ Осп-Индію, не шолько доспающіѣ всѣ пошребности для продолженія своего пуши, но и находятѣ всегда машеріалы нужные для починки своихъ кораблей; шакже могутѣ они въ сей гавани дожидатѣся времени удобнаго къ выходу въ море. Еще находится шамѣ нынѣ госпшаль, или больница, кошорая въ разсужденіи добраго порядка мало имѣетѣ себѣ подобныхъ.

Шеикѣ (или, какѣ другіе сіе слово выговариваютѣ, Шахѣ) почелѣ Поршугаль-

гальцовъ Арабами либо Турками, прибывшими изъ инаго мѣста, послалъ къ нимъ подарки и хотѣлъ прійти на ихъ корабль. Де-Гама послалъ ему красныхъ шляпъ, короткихъ епанчей, коралловъ, мѣдныхъ шазовъ, маленькихъ колокольчиковъ и другихъ подобныхъ вещей, и далъ знать, что посѣщеніе его будетъ ему пріятно. Однако Арабской владѣлецъ смотрѣлъ на сіи подарки къ презрѣніемъ, и спросилъ, къ чему годятся такія бездѣлки, и для чего Адмиралъ не прислалъ ему кармозину? Де-Гама усмотрѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло уже не съ дикими, и извинялся шѣмъ, что не имѣетъ съ собою кармозину.

Между шѣмъ, дабы приготоовиться къ ожидаемому посѣщенію, приказалъ онъ спрятать всѣхъ больныхъ, и всѣхъ здоровыхъ служителей съ другихъ кораблей перевелъ на свой корабль. Онъ приказалъ имъ тайно вооружиться, чпобъ быть въ состояніи обороняться въ случаѣ, если бѣ Шейкъ поступилъ коварно и напалъ на нихъ.

Шейкъ пришелъ. Какъ онъ, такъ и свита его, убраны были хорошо и одѣты въ шелковое плашье. Самъ онъ былъ высокъ ростомъ и шонокъ. Онъ имѣлъ

на себѣ рубашку, которая простиралась до пятѣ и сверхъ оной бархашное плашье. Голова его покрыва была разноцвѣтною шелковою шапочкою, вышитую золопомѣ. На поясѣ носилъ онѣ саблю и кинжалѣ, а на ногахѣ шелковые башмаки. Люди его принесли съ собою прубы, сдѣланныя изъ слоной кости, и нѣкопорыя другія инструменшы, на которыхѣ играли нѣсколько времени, взошедши на корабль, послѣ чего Адмиралѣ ввелѣ Шеика въ свою каюшу.

Шеикѣ и его провожатые ѣли все, что имѣ подносили. Онѣ спрашивалѣ у Адмирала, не Турки ли они, какѣ то онѣ заключилѣ по бѣлому ихѣ цвѣшу? и шребовалѣ, чшобѣ они показали ему свои луки и законныя книги. Де-Гама отвѣщивовалѣ, что они не изѣ самой Турціи, но изѣ другога большого королевства, пограничнаго съ Турціею, и что законныхѣ книгѣ съ собою не имѣютѣ. Онѣ показалѣ ему нѣкопорыя Европейскія оружія, копорыхѣ дѣйствію Арабской владѣлецѣ удивлялся.

Де-Гама узналѣ при семѣ свиданіи, что до Калекуша осталось еще девятьсотѣ миль, и что ему необходимо надобно,

но было взять лоцсмана (*) изъ Мозамбика, естли онъ не хотѣлъ подвергнуться опасности състь гдѣ нибудь на мель. Онъ просилъ Шеика, чшобъ шопъ позволилъ ему взять вмѣсто одного двухъ лоцсмановъ, дабы въ случаѣ, естли одинъ изъ нихъ занеможетъ, или умретъ, другой могъ заступитъ его мѣсто. Шеикъ согласился на сію прозьбу.

Однако не смотря на дружбу, оказываемую Арабами, де - Гама скоро узналъ, что онъ имѣетъ важную причину оспергаться сихъ людей. Одинъ изъ двухъ лоцсмановъ, присланныхъ къ нему опъ Шеика, тайно далъ ему знать, что сей вѣроломной владѣлецъ намѣренъ завладѣть Поршугальскими кораблями и убишь Адмирала со всѣми его людьми, узнавши, что они не Турки, но Христіане. Сіе спрашное намѣреніе было дѣйствіе суевѣрія и ревности къ Магомешанскому закону.

Де - Гама, получивши сіе извѣстіе, почелъ за нужное удаишь къ одному небольшому оспрову, лежащему на милю разстояніемъ опъ Мозамбика. Но какъ одинъ изъ лоцсмановъ не пришелъ еще
на

(*) Искусной въ мореплаваніи человекъ, которъ знаетъ опасныя мѣста въ морѣ и умѣетъ проводить корабли мимо ихъ.

на корабль, и какъ Португальцы не запаслись еще водою, сколько имъ надобно было, то Адмиралъ принужденъ былъ самъ отправиться въ Мозамбикъ на ботахъ. Приемъ, какой ему на сей разъ шамъ сдѣлалъ, явно подтвердилъ извѣстіе о вѣроломномъ намѣреніи Арабовъ. Де-Гама думалъ имѣть право предупредить нападеніе и приказалъ спрелять по множеству собравшагося на берегу народа. Португальцы захватили нѣсколько Арабовъ, между которыми по щастію находился лопсманъ, и какъ всѣ жили изъ Мозамбика убѣжали, то они разорили городъ; по томъ подняли якоря и продолжали свое путешествіе.

Весьма достойно примѣчанія то, что на семъ новомъ пути оба Мозамбикскіе лопсманы нѣсколько разъ покушались завести корабли въ такія мѣста, гдѣ бы они разбились, или гдѣ Арабы могли бы завладѣть ими. Однако Адмиралъ оспорожностію своею всякой разъ умѣлъ уничтожать сіи коварныя покушенія, и измѣнники строго наказываемы были палочными ударами.

7 Апрѣля прибыли наши путешественники къ острову Момбасѣ, лежащему

щему не далеко отъ берега, которой на обыкновенныхъ ландкартахъ Африки можно сыскать подъ четвертымъ градусомъ южной широты. Сей островъ дѣлается рѣкою, которая въ томъ мѣсѣ двумя рукавами впадаетъ въ море.

Воздухъ въ сей странѣ весьма здоровъ. Какъ скоро корабли тамъ остановились, то всѣ занемогшіе въ Мозамбикѣ вдругъ выздоровѣли. Островъ весьма пріятенъ и наполненъ садами, состоящими изъ смоквъ, гранатныхъ и помаранцовыхъ деревъ. Кромѣ изрядной свѣжей воды найдено тамъ было множество сѣснаго запасу, особливо жь сарацинскаго пшена, чечевицы, пшницъ и жирныхъ овецъ. Жители города, стоящаго на каменистой горѣ, были Магомешане, цвѣтомъ отчасти бѣлые, отчасти жь смуглые. Дома ихъ по большей части построены были изъ камня. Какъ мужчины, такъ и женщины, одѣвались великолѣпно и носили шелковое платье съ золотомъ и дорогими камнями. Португальцы примѣтили изъ сего, что они уже приближаются къ Индійскимъ источникамъ богатства.

Островъ имѣлъ изрядную гавань; но де - Гама по благоразумію своему за нужное почиталъ не входить въ нее, пока не навѣдается основательно о нравахъ и расположеніи жителей сея земли. Скоро оказалось, что сія осторожность не была излишна. По наступленіи ночи приближилась къ кораблямъ барка; на которой находилось около ста человекъ вооруженныхъ саблями и щипами. Они требовали, чтобъ имъ позволено было взойти на корабль. Де - Гама въ сіе позволеніе только четверымъ изъ нихъ; но и тѣ должны были напередъ опложить свое оружіе. По томъ приняты они были учтиво и увѣдомили Адмирала, что ихъ Шеикъ; или государь; намѣренъ посѣтить его на другой день. Еще сказывали они; что между ими есть Христіане, и что Португальцы могутъ у нихъ нагрузить корабли свои благовонными распе-ніями. Оба лоцсманы подтвердили сіе извѣстіе; и по тому не было причины почитать его ложнымъ.

На другой день пріѣхали посланные отъ Шеика поздравить Адмирала съ прибытіемъ; и привезли ему въ подарокъ нѣсколько плодовъ. Сіи посланные шак-
же

же сказывали, что Христіане живутъ на островѣ, даже и сами припворившись Христіанами, приглашали Адмирала войти въ гавань и обѣщали не только снабдить его шамъ всѣми нужными припасами, но еще доставить случай нагрузить корабли благовоными расшеніями и другими дорогими товарами.

Де-Гама не имѣя еще причины недобряшь имѣ, осыпалъ сихъ посланныхъ учпivosстями и ошправилъ ихъ со взаимными подарками, шакже послалъ съ ними на берегъ нѣсколько и своихъ людей. Сіи возвратились къ нему съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ извѣстій, по чему и сдѣлано было пригошовленіе войти въ гавань; но какъ случилась въ шомъ нѣкоторая ошановка, то находившіеся на кораблѣ Арабы думали, что сіе намѣреніе было со всѣмъ оставлено, и шотчасъ сѣли въ свои бошы, чшобъ возвратиться на берегъ. Въ то же время оба взяшые изъ Мозамбика лощсманы бросились въ воду и поплыли за ними. Они приняли ихъ въ свои бошы и увезли съ собою, хошя Поршугальцы, сколько возможно было; спарались склонить ихъ, чшобъ они ошдали обрашно сихъ бѣглецовъ.

Сіе подало поводъ къ подозрѣнію. На корабль оспались еще двое Арабовъ изъ захваченныхъ въ Мозамбикъ. Опъ сихъ надѣялись получить нѣкоторое объясненіе и прѣбовали опъ нихъ, чшобъ они опкрыли все шо, что имъ извѣстно о намѣреніяхъ шамошнихъ Арабовъ, но какъ они не хошѣли добровольно признашья, шо подвергли ихъ жестокой пышкѣ, а имянно лили имъ каплями на обнаженное шѣло кипящее сало. Подъ сею пышкою признались они наконецъ, что шамошніе Арабы имѣли намѣреніе опомсшишь Поршугальцамъ за жестокой поступокъ съ ихъ единовѣрцами въ Мозамбикъ, и уговорились съ лотсманами погубишь Поршугальскіе корабли, и что лотсманы убѣждали опасаясь, что ихъ заговоръ уже опкрышь.

(Продолженіе сообщается будетъ въ слѣдующихъ листахъ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію (Продолженіе.)

Послѣ сего непріятнаго открытія отмѣнено было намѣреніе войши въ гавань, и корабли оспались въ прежнемъ положеніи. Въ слѣдующую ночь караульные примѣтили, что якорной канашъ шапается, и думали сперва, что сіе движеніе происходитъ отъ рыбъ, называемыхъ макрелями (*), копорыхъ въ шамошнихъ водахъ много. Но разсмотрѣвши приспальнѣе, увидѣли нѣсколько Арабовъ, копорые плавая спарались пере-

Часъ VII. Но 37.

М

ру-

(*) Во многихъ моряхъ находятся различныя роды сея рыбы. Нѣкоторыя бывающъ не велики, но весьма вкусны; другія жъ бывающъ вѣсомъ вѣнѣсколько центеровъ. Сіи послѣднія весьма прожорливы и нападающъ на плавающихъ людей. Рассказываютъ о нихъ, что онѣ иногда вертящяся кругомъ съ чрезвычайною скоростію, отъ чего происходитъ небольшая пучина, въ которой мелкая рыба скопляется кучами, и макрели удобно могутъ се ловить.

рубишь канатъ, въ надеждѣ, что послѣ этого корабль набѣжитъ на берегъ. Другіе хопѣли по же сдѣлать съ прочими кораблями; но какъ скоро примѣтили, что Португальцы ихъ видятъ, съ поспѣшностію убѣжали.

Де-Гама разсудилъ за благо не оставаться долѣе у такихъ людей, которые имѣли противъ его непріязненные намѣренія, и отправился въ путь. Прошедши миль около семи, Португальцы увидѣли два небольшія Арабскія судна, которыя хопѣли отъ нихъ уйти; однакожь погнались за ними и догнавши одно изъ нихъ, на которомъ находилось 17 Арабовъ и множество золопа и серебра, признали его законною добычею, ибо думали, что имѣютъ основательную причину почитать всѣхъ Арабовъ непріятелями. — Въ тотъ же день флотъ прибылъ къ городу Мелиндѣ.

Сей городъ, лежащій на 18 миль разстояніемъ отъ Момбассы къ сѣверу, подъ шретьимъ градусомъ южной широты на Африканскомъ берегѣ, также обитаемъ купцами Магомешанскаго закона. Онъ построенъ на высокомъ каменистомъ мѣстѣ и окруженъ лѣсами, состоящими изъ палмовыхъ, померанцовыхъ и другихъ плодовыхъ

вишыхъ

вишыхъ деревъ. Тогда былъ онъ уже довольно великъ; улицы въ немъ были широки, а дома каменные въ нѣсколько этажей и съ площадками на верху. Португальцы думали, что они видяшъ Европейское селеніе.

Живущіе тамъ Арабы казались людьми обогатившимися отъ торговли. Нѣкоторые изъ нихъ носили шелковое, другіе жъ бумажное платье, а на головѣ чалму вышитую шелкомъ и золотомъ. Сабли ихъ и кинжалы были изрядной работы.

Между сими людьми примѣчено было, что они всѣ дѣйствовали лѣвою рукою больше и свободнѣе, нежели правою. Впрочемъ были они искусны въ верховой ѣздѣ и умѣли хорошо стрѣлять изъ лука, въ чемъ весьма прилѣжно упражнялись. Владѣлецъ ихъ, или Шеикъ, также Магометанскаго закона, жилъ пышнѣе другихъ владѣльцовъ, которыхъ Португальцы прежде видѣли.

Де-Гама и спутники его весьма обрадовались увидѣвши городъ, столь похожій на Португальской. Они спали на якорь за милю отъ города, и ожидали къ себѣ ко- о нибудь ошуда, но тщетно. Жители тамошніе получили уже извѣстіе

с томъ , что Португальцы взяли Арабское судно , и не прїѣзжали къ нимъ , опасаясь , чтобъ и съ ними не было пошуплено , какъ съ непріятелями.

Де - Гама приказалъ по томъ высадить одного старика изъ плѣнныхъ Арабовъ на мель , лежащую прямо противъ города , въ надеждѣ , что его единоземцы возмути его опшуда. Сіе и въ самомъ дѣлѣ сбылось. Старикъ представленъ былъ городскому владѣльцу и объявилъ ему , что Адмиралъ прибылъ для того , чтобъ заключить съ нимъ дружеской союзъ. Владѣлецъ принялъ сіе съ удовольствіемъ и послалъ къ Адмиралу въ подарокъ трехъ овецъ , нѣсколько сахарныхъ тростей и плодовъ. Де - Гама послалъ къ нему за то ошъ себя шляпу , коралловъ , шри мѣдные шаза , два пояса и нѣсколько колокольчиковъ. По томъ Португальскіе корабли приближились къ городу и спали на якорь подлѣ четырехъ судовъ , принадлежавшихъ Индійскимъ Христіанамъ.

Сіи люди , называвшіеся Христіанами , прїѣзжали изъ Индіи для шорговли. Они были цвѣшомъ смуглы , впрочемъ изряднаго виду ; имѣли большія бороды ; носили длинное плашье изъ бѣлой бумажной машеріи и чалмы. Чтобъ испышашъ ,
въ

вѣ самомѣ ли дѣлѣ они Христіане, де-Гама приказалѣ принести изображеніе Богоматери и Апостоловѣ, и какѣ они пали на землю предѣ симѣ изображеніемѣ, по Португальцы увѣрились вѣ томѣ, что они подлинно Христіане.

На третій день владѣлецѣ Мелиндской пріѣхалѣ видѣться съ Адмираломѣ. Де-Гама, будучи о томѣ увѣдомленѣ, выѣхалѣ на встрѣчу къ нему вѣ бошѣ, украшенномѣ флагами. Владѣлецѣ одѣшѣ былѣ вѣ плашье изѣ кармозинной камки съ зеленою шелковою подкладкою, а на головѣ имѣлѣ богашую повязку. Онѣ сидѣлѣ на великолѣпномѣ стулѣ, обкладенномѣ шелковыми подушками. Подлѣ него стоялѣ престарелой человѣкъ, которой держалѣ драгоценной мечѣ съ серебряными ножнами. На другой сторонѣ лежала кармозинная шляпа на шелковой подушкѣ. Свѣшу его составляли около дващцаши богашо одѣшыхѣ Арабовѣ, которые играли на разныхѣ инструментахѣ и между прочими на флейшѣ, сдѣланной изѣ слоновой кости со скважиною на срединѣ.

Послѣ нѣкоторыхѣ взаимныхѣ привѣщствій, Адмиралѣ долженѣ былѣ войти вѣ бошѣ ко владѣльцу, гдѣ оказано ему было такое почтеніе, какѣ Государю. Владѣ-

лецъ смотрѣлъ на него и на людей его съ великимъ вниманіемъ и спрашивалъ, изъ какой они земли, какъ Государь ихъ называется, и съ какимъ намѣреніемъ они пунешествуютъ? Адмиралъ ошѣчалъ на сіи вопросы съ помощію переводчика, которей зналъ Арабской языкъ. Владѣлецъ обѣщалъ дать ему лотсмана, которой проведетъ корабли до Кадекуша, и пригласилъ его въ городъ, чтобъ онъ могъ угостить его въ своихъ палашахъ. Обѣщаніе принято было съ благодарностію, но ѣхашъ въ городъ Адмиралъ ошказался. — Сіе свиданіе кончилось тѣмъ, что де-Гама подарилъ владѣльцу плѣнныхъ Арабовъ, которыхъ онъ у себя имѣлъ. Магомешанской Государь, къ чести своего сердца, весьма радовался сему подарку и увѣрялъ, что ему не столько бы пріятно было, естли бы онъ получилъ съ подарокъ еще такой же городъ, какъ Мелинда.

По шомъ владѣлецъ проѣзжалъ между кораблями и осматривалъ ихъ съ удивленіемъ. Удовольствіе его еще увеличилось, когда въ честь ему выпалено было изъ пушекъ, и онъ увѣрялъ, что Португальцы понравились ему больше всѣхъ людей, какихъ только онъ видалъ.

Наконецъ

Наконецъ, когда онъ хотѣлъ возвратиться на берегъ, Адмиралъ долженъ былъ отпустить съ нимъ двухъ изъ своихъ людей; въ залогъ за нихъ оставилъ онъ на корабль своего сына и Кадія, или городского правителя.

На другой день Адмиралъ отправился въ вооруженномъ ботѣ къ берегу смотрѣть воинскихъ упражненій Арабской конницы. Вскорѣ прибылъ шуда и владѣлецъ, чтобы еще поговорить съ нимъ и просить его въ городъ, для того, что пресшарелой и больной его отецъ весьма желалъ съ нимъ увидѣться. Онъ хотѣлъ самъ съ дѣшми своими остаться на корабль дошолъ, пока Адмиралъ возвратится изъ города. Но сей за нужное почелъ въ другой разъ отказать, и извинялся тѣмъ, что онъ не смѣетъ согласиться на его прозьбу, не имѣя на то позволенія отъ своего государя.

По томъ прошло два дни, въ которые де-Гама не слышалъ ничего о владѣльцѣ, и началъ уже опасаться, не обидѣлъ ли его своимъ отказомъ, какъ владѣлецъ еще прислалъ къ нему знашнаго придворнаго чиновника съ новыми увѣреніями въ дружбѣ. Адмиралъ открылъ ему чиновнику свое опасеніе, которое

онѣ основывалѣ особливо на томѣ, что общанной ему лошманѣ не былѣ еще присланѣ. Чиновникѣ возвращался въ городѣ, и лошманѣ немедленно по томѣ отправленѣ былѣ на корабль. И такѣ казалось, что владѣлецѣ поступалѣ съ Португальцами безѣ всякаго прищворства.

(Продолженіе сообщено будетѣ въ слѣдующей части.)

XIX.

Добродѣтельное семейство.

Вѣ Герцогствѣ Лотарингскомѣ находится пространная и изобильная долина. Вѣ сей щасливой долиноѣ живеть вѣ четырехѣ или вѣ пяти домахѣ одно семейство сохраняющее одинакія правила и почитающее своимѣ начальникомѣ того, кого изѣ нихѣ старость и благоразуміе дѣлають достойнымѣ сего преимущества. Споспѣшествованіе общему благополучію, воспитаніе дѣтей, вспомошествованіе несчастнымѣ и прилѣжное обработываніе земли суть упражненія благополучныхѣ Флеріотовѣ (такѣ называется сіе семейство.) Старшіе изѣ нихѣ упражняются еще

еще въ леченіи всякихъ наружныхъ болѣзней, и славяся весьма хорошимъ успѣхомъ въ семъ полезномъ искусствѣ. Непорочность и простота нравовъ и ненарушимое согласіе между ими служатъ предметомъ удивленія ихъ сосѣдовъ и дѣлающъ ихъ щасливыми людьми.

Графъ Трезанъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей въ государствѣ, наслышавшись весьма много о благополучной жизни и добрыхъ дѣлахъ Флеріоновъ, захотѣлъ самъ посѣтить ихъ жилище и узнать, все ли справедливо, что о нихъ рассказываютъ. — Онъ побѣжалъ пуда въ простомъ плащѣ и взявши съ собою одного только слугу. Вошедши въ первой домъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ онъ вездѣ чистоту и порядокъ. Хозяева приняли его столь ласково и учтиво что онъ восхищенъ былъ ихъ гостепріимствомъ и любви достойною услужливостію. Сии добрые люди упросили его опобѣдаться съ собою. Послѣ умѣреннаго и пріятнаго обѣда, удивлялся онъ домашней и сельской ихъ экономіи. По томъ хотѣлъ онъ навѣдаться о врачебномъ ихъ искусствѣ и спрашивалъ, есть ли у нихъ какія нибудь книги? Они отвѣчали, что имѣютъ довольно книгъ, и отвели его въ

другой домъ , къ старѣйшинѣ всего семейства , у котораго книги ихъ хранились.

Тамъ нашелъ онъ почтеннаго сѣдаго шарика , у котораго на лицѣ изображались ласковость и удовольствіе. Хотя онъ былъ шакъ же , какъ и прочіе , только простой земледѣлецъ , однако жъ принялъ Графа весьма учтиво. Онъ былъ словохотенъ и по большей части предупреждалъ вопросы любопытнаго своего гостя. Графъ спросилъ его , у кого онъ учился врачебному искусству? „Хорошія книги и опытѣ меня научили, опвѣчалъ шарикъ, и по томъ опворилъ большую комнапу , въ которой были почти всѣ лучшія извѣстныя книги о врачебномъ искусствѣ. Также находилось тамъ нѣсколько скелетовъ , по кошорымъ можно было видѣть, какъ сложены кости въ человѣческомъ шѣлѣ. — „Вотъ изъ чего мы учимся лечить нашихъ ближнихъ отъ разныхъ болѣзней , говорилъ шарикъ. „Дѣши наши еще на десятомъ году узнаютъ составъ человѣческихъ костей. Онъ играя разбираютъ скелетъ и опять складываютъ его , какъ ему быть надобно. Когда овца или коза въ нашемъ спадѣ повредитъ себѣ ногу , то мы опдаемъ ее лечить нашимъ дѣшамъ , и сказываемъ , что имѣ

съ

съ нею дѣлать. Такимъ образомъ заблаговременно мало по малу научающся онѣ врачебному искусству, и современемъ могутъ и людямъ помогать. Такъ отцы наши насъ учили; такъ же и мы дѣшею нашихъ учимъ. Небо даетъ намъ свое благословеніе, и мы живемъ щасливо. „

Графъ обнялъ сего почтеннаго старика, открылъ ему свое сословіе и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ онъ въ ихъ долину, и просилъ, чшобъ Флеріоны прѣбывали отъ него какой нибудь услуги, или награжденія. — „Господинъ Графъ! отвѣчалъ ему спарикъ, указывая на прекрасные свои сады и поля: „эпова, чшо вы увидите, довольно для насъ. Мы не только сами недоспашка не терпимъ, но еще можемъ и помогать несчастнымъ. Лишнее изобиліе было бы намъ бесполезно, а можетъ быть и вредно; можетъ быть оно сдѣлало бы дѣшею нашихъ корысполюбивыми, роскошными и жестокосердыми. Скажише только Герцогу, когда вы его увидите, чшо мы его любимъ, стараемся быть вѣрными его подданными и печемся о ближнихъ нашихъ. „

Графъ Трезанъ обѣщалъ ему сказать сіе Герцогу. Онъ возвратился изъ щасливой долины уже поздно въ вечеру съ пріятными

ными

ными чувствованіями и съ желаніемъ ,
чтобъ весь свѣтъ наполненъ былъ Фле-
ріошами.

XX.

Пчела и муравей. Басня.

По утру въ прекрасной лѣтній день пчела летала по пестрому лугу; однакожь не была она въ праздности, но исполняла свою должность и пеклась о своемъ домѣ. Она перелетала со цвѣтка на цвѣтокъ, и обременяла свои ножки желтымъ воскомъ, либо высасывала медъ изъ липовыхъ цвѣткочъ, или пила сладкую росу съ бѣлыхъ жасминовъ.

Муравей смотрѣлъ на нее, и будучи самъ доброй экономъ, хвалилъ ея прилѣжность. — „Я самъ такъ же трудолюбивъ, какъ и ты, говорилъ онъ: „ съ неупомимымъ прилѣжаніемъ вырабошываю маленькія мои пещеры, дѣлаю глубокіе подкопы подъ землею; другимъ кажешся, что работа моя превосходитъ мои силы. Я пекусь безпреспанно о своихъ дѣтяхъ; переносу ихъ день и ночь съ мѣста на мѣсто; спрою имъ безопасныя жилища, копорыя защищаютъ ихъ отъ стужи и жару, и приспавляю къ нимъ слугъ

слугъ моихъ и работниковъ. Однако люди всегда меня гонятъ. Когда я съ моими поварищами прихожу въ ихъ дома, то они поднимаютъ такой шумъ, какъ бы пришелъ къ нимъ непріятель; спараятся и испреблять насъ всѣми возможными способами; въ садахъ и на лугахъ разоряютъ наши жилища; похищаютъ нашихъ дѣшей, не давши еще имъ выродиться; часпо обмазываютъ не знаю чѣмъ-то деревья, чшобы мы не могли доставать съ нихъ себѣ пищи, копорую мы и безъ того съ великими шрудами достаемъ. „ —

„ И ты этому дивишься? „ отвѣчала пчела: „ Сравни только мою работу съ швоею. Ты спараяешься пользоваться не только шѣмъ, чѣмъ натура всѣхъ живопныхъ снабжаетъ, но и шѣмъ, чшо уже другіе съ шрудомъ для себя собрали; похищаешь чужой запасъ, подкапываешь сады и луга, поршишь многія полезныя вещи, и для маловажной корысти дѣлаешь другимъ большой вредъ. Напрошивъ того я достаю мой запасъ изъ цвѣшовъ, однако жъ не лишаю ихъ ни красопы, ни пріятнаго запаха. Ты ни съ кѣмъ не дѣлишь своей добычи; а я собираю больше для другихъ, нежели для себя.

Какую

Какую пользу воскъ и медъ мой приносятъ людямъ! — И шакъ не должны ли они меня защищать, а себя гнать? „ —

Различіе свойствъ пчелы и муравья часто и между людьми бываетъ. Нѣкоторыя шрудятся весьма рачительно; однакожь при всѣхъ своихъ шрудахъ живутъ въ праздности. Какъ это можешь спастись? — Они употребляютъ свое прилѣжаніе на безполезныя и ничего не значащія дѣла, хоша при томъ и принимаютъ на себя важной видъ. — Другіе много работаютъ и собираютъ, но работаютъ и собираютъ только для себя, ни мало о другихъ не заботясь, да еще и стараются основывать свою выгоду на убыткѣ другихъ людей. — Которые изъ нихъ заслуживаютъ подражаніе? Ни тѣ, ни другіе. Напрошивъ того весьма доспойно одобренія занимаешься такими вещами, которыя уваженіе заслуживаютъ, и приносятъ пользу ближнему шакъ же, какъ и себѣ.

К О Н Е Ц Ъ

Седмой части.

Содержаніе седмой части.

Но 27. — I. Двѣ пастушескія повѣсти. 1. Меналкѣ и Алексисѣ. Спр. 3. — 2. Аминшѣ. Спр. 10. — II. О благодарности. Спр. 11. — III. Угрѣ и змѣя. Басня. Спр. 16.

Но 28. — IV. Разговорѣ о здоровьѣ. Спр. 17. — V. Великодушное дѣло. Спр. 31.

Но 29. — Окончаніе разговора начатаго въ послѣднемѣ листѣ. Спр. 33. — VI. Добрыя дѣши; драма для дѣшей, въ двухѣ дѣйствіяхѣ. Спр. 37.

Но 30. — Продолженіе драмы, начатай въ послѣднемѣ Но. Спр. 65.

Но 31. — Добрыя дѣши, драма. (Окончаніе.) Спр. 81. — VII. О нѣкошоромѣ ядовитомѣ дерезѣ, находящемся на островѣ Явѣ, въ Ост-Индіи. Спр. 101. — VIII. Анектошѣ. Спр. 110. — IX. Двѣ басни. Спр. 111.

Но 32. — X. О огнедышущей горѣ Везуви. (Изѣ письма одного путешествовавшаго Англичанина. Спр. 113.) XI. Достопамятная повѣсть о нѣкошоромѣ Шотландцѣ, жившемѣ нѣсколькѣ лѣшѣ на пустомѣ островѣ. Спр. 116. — XII. Анектошѣ. Спр. 122. — XIII. Жадность

къ корысти и неблагодарность. Восточная сказка. Спр. 123.

№ 33. — XIV. Плачевныя слѣдствія пристрастія къ игрѣ. Спр. 129. — XV. Добродѣтельной сынѣ. Спр. 137.

№ 34. — Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемъ листѣ. Спр. 145. — XVI. Разговорѣ. Спр. 149. — XVII. Сова и другія птицы. Басня. Спр. 159.

№ 35. — XVIII. Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. Вспуленіе. Спр. 161. — 1. Путешествіе изъ Белема къ мысу Доброй Надежды, и опшуда къ Мозамбику, что при Восточномъ бергѣ Африки. Спр. 165.

№ 36. — Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Продолженіе.) Спр. 177. — 2. Пребываніе въ Мозамбикѣ. Путешествіе опшуда въ Калекупѣ, что на Малабарскомъ бергѣ въ Ост-Индіи. Спр. 182.

№ 37. — Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Продолженіе.) Спр. 193. — XIX. Добродѣтельное семейство. Спр. 200. — XX. Пчела и муравей. Басня. Спр. 204.

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ VІІІ.

М О С К В А ,

У ъ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф і и ,

у Н. Новикова ,

1786.

*Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-
Индію. (Продолженіе.)*

3.

*Путешествіе изъ Мелинды въ Калекутъ;
Первое свиданіе съ Калекутскимъ
владѣльцомъ.*

Надежда достигнуть важной цѣли сего путешествія тогда не была уже подвержена сомнѣнію. Большая и самая трудная часть путешествія была благополучно совершена. Оставалось еще плыть нѣсколько по такимъ водамъ, по коимъ Арабскіе и Индійскіе корабли давно уже и часто проходили; и такъ Португальцамъ можно было надѣясь, что они и сей остатокъ пути щасливо совершатъ.

22 Апрѣля флотъ отправился отъ Мелинды съ намѣреніемъ не держась болѣе Африканскаго берега. Цѣлю сего путешествія, какъ уже извѣстно, на-

значенъ былъ Индійской портовой городъ Калекушъ, лежащій на Воспочномъ берегѣ перваго Ост - Индійскаго полуострова.

28 Апрѣля путешественники наши въ первой разѣ увидѣли сѣверную полярную звѣзду, которой давно уже на своемъ пути не видали. Изъ сего примѣтили они, что они опять перешли уже за экваторъ и находились на сѣверной половинѣ земнаго шара.

Сіе послѣднее путешествіе было имъ весьма удачно. Въ дватцать три дни переплыли они чрезъ большой заливъ, находящійся между Африкою и Индійскимъ полуостровомъ, котораго поперешникъ полагаешся до 700 миль. Во все сіе время не прешерпѣвали они бурь и непріятной погоды. 17 Мая увидѣли миль за 8 высокой берегъ. Лошманъ повелъ по шомъ корабли къ юго - востоку и примѣшилъ, что они уже недалеко отъ Индійскаго берега. 20 Мая увидѣлъ онъ высокіе холмы, находящіеся за Калекушомъ, побѣжалъ въ великой радости къ Адмиралу и шребовалъ себѣ награжденія за то, что онъ довелъ корабли до той земли, которую Поршугальцы нешерпѣливо видѣшь желали. Де - Гама съ удовольствіемъ исполнилъ его прозьбу; также при-
ка-

казалъ онѣ приготоувить пирѣ для всѣхѣ корабельныхѣ служителей. При всеобщемѣ радостномѣ крикѣ, корабли спали на якорь за двѣ мили расшояніемѣ отѣ Калекуша.

И шакѣ тогда благополучно исполнено было то, чего чрезѣ многіе годы споль ревностно желали, что споль час-то было щещно предпринимаемо, и надѣ чемѣ прежде многіе язвительнo насмѣхались, какѣ надѣ безумнымѣ предпріятіемѣ. Сіе произшествіе имѣло весьма важныя слѣдствія для всея Европы. Оно увеличало силу и богатство Португалліи; доставило ей знатныя владѣнія въ Индіи и преимущество предѣ Магометанами, копорые тогда особливо въ сей части свѣта шакѣ усилились, что весьма опасны были всѣмѣ другимѣ націямѣ, и можешѣ бышѣ мало по малу покорили бы себѣ и всю Европу, естлибѣ Португалцы не отвели кѣ себѣ самой важнѣйшій источникѣ ихѣ богатствѣ и не уменьшили силу ихѣ щасливыми войнами въ Индіи. —

Какѣ скоро корабли спали на якорі, то приплыли кѣ нимѣ нѣсколькo Индіискихѣ рыбаковѣ, копорые цвѣшомѣ были смуглые и ходили нагіе, обвязавшись шоль-

ко посрединѣ шѣла полопномѣ. Де-Гама
принялъ ихъ ласково и приказалъ купишь
у нихъ всю ихъ рыбу. По томѣ отпра-
вилъ онѣ съ сими людьми на берегѣ од-
ного изъ преступниковѣ, которые были
у него на кораблѣ, дабы узнать, какой
встрѣчи шамѣ Португальцамѣ ожидаша
надлежало.

Посланной едва только вышелъ на
берегѣ, какъ окружила его большая шло-
да народа; всѣ смошрѣли на него и дѣла-
ли ему множество вопросовѣ, которыхѣ
онѣ не разумѣлъ и по тому не могѣ ни
чего отвѣчать. По томѣ отвели его въ
одинѣ домѣ, гдѣ жили два Араба, изъ
которыхѣ одинѣ назывался Боншаибо и
умѣлъ говорить по Испански. Сей Арабѣ
жилъ нѣкогда въ Тунисѣ и шамѣ знакомѣ
былъ съ Европейцами. Узнавши, что по-
сланной былѣ Португалецѣ, встрѣшилѣ
онѣ его слѣдующимѣ учпвымѣ вопросомѣ:
„*** васѣ возми! какѣ вы сюда зашли?“.
Онѣ удивился, услышавши, что Порту-
гальцы приплыли по морю въ Осп-Индію,
и по томѣ спрашивалѣ, за чѣмѣ они сюда
пришли? Португалецѣ отвѣчалѣ, что
они пришли искашь Христіанѣ и благо-
вонныхѣ растений. „Для чего жѣ, про-
должалѣ Боншаибо, Испанской и Француз-
скоѣ

ской Короли и Венеціанской Дождь не посылающъ флотовъ съ такимъ же намѣреніемъ? „ — Посланной отвѣчалъ: „Король Португальской эшова имѣ не позволяешъ, „ — Онъ хорошо дѣлаешъ! „, сказалъ Арабъ и пошелъ вмѣстѣ съ Португальцомъ на корабль посѣшить Адмирала.

Приближаясь къ кораблю, закричалъ онъ громко по-Испански: „желаю тебѣ добраго щасія! желаю тебѣ достать много рубиновъ и изумрудовъ, ты имѣешъ причину благодарить Бога за то, что Онъ привелъ тебя сюда, гдѣ ты найдешъ всякія благовонныя растенія и драгоценныя камни и всѣ богатства, какія только есть въ свѣтѣ. „ — Адмиралъ и люди его весьма удивились, нашедши въ столь отдаленной отъ ихъ отечества землѣ человека, которой говорилъ ихъ языкомъ, и такъ обрадовались, что слезы выступили у нихъ на глазахъ. Де Гама обнялъ Боншаибо, посадилъ его подлѣ себя, и спрашивалъ, Христіанинъ ли онъ?

Боншаибо признался откровенно, что онъ Магомешанинъ и рассказывалъ, какъ онъ прежде жилъ въ Тунисѣ, потомъ въ Египтѣ, откуда наконецъ по Черному морю переехалъ въ Индію. Онъ заклю-

чилъ повѣсть свою увѣреніемъ, что онъ всегда любилъ Христіанъ, и обѣщаль доказать по Португальцамъ опытами.

Де - Гама благодарилъ его и увѣрялъ, что онъ будетъ щедро награжденъ за свои услуги. По томъ узналъ онъ, что владѣлецъ Калекушской, называемой Самориномъ, жилъ тогда въ Пананъ, за пять миль отъ Калекуша. Боншаибо совѣщавалъ ему послать шуда съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Адмиралъ послѣдовалъ сему совѣшу. Саморинъ, узнавши, что прибылъ къ нему посланникъ изъ отдаленнаго государства, приказалъ поздравить его и прислалъ къ нему лопсмана, кошорой долженъ былъ провести корабли въ гавань Падаранъ, для того, что при Калекушѣ гавани не было. При томъ приказалъ онъ сказать, что онъ самъ будетъ въ Калекушѣ, дабы принять Адмирала.

Нѣкоторые изъ Португальцовъ, а особливо братъ Адмирала, уговаривали его, чтобъ онъ послалъ когонибудь вмѣсто себя въ Калекушъ, для того, что еще не извѣстно было, не имѣлъ ли Саморинъ злаго умысла на жизнь его, отъ кошорой зависѣла жизнь всѣхъ его спутниковъ и купно благополучной успѣхъ

успѣхѣ путешествія. Однако де - Гама сказалъ имѣ, что онѣ хочешъ лучше умереть, нежели возвратишься въ свое отечество не бывши въ Калекутѣ. Между тѣмѣмъ онѣдалъ онѣ приказъ, чтобѣ корабли немедленно отправилась обратно въ Португалію, естли сѣ нимѣ случилась какое нибудѣ несчастіе, и сообщили бы тамѣ известіе о благополучномѣ отъкрытіи пути въ Индію.

По томѣ отправился онѣ къ берегу въ вооруженномѣ пушками бошѣ, сѣ распущенными флагами и при играни на трубахѣ. На берегу ожидалъ его Купваль, ш. е. министрѣ Самориновѣ, сѣ 200 Наировѣ, или вельможѣ, и сѣ великимѣ множествомѣ народа. Купваль принялъ его весьма учтиво и принудилъ сѣсѣ въ приговоренные для него носилки, а самѣ сѣлъ въ другія, послѣ чего подняли ихѣ и понесли весьма скоро. Всѣ прочіе шли за ними пѣшкомѣ.

Они пришли къ Пагоду, то естѣ къ Индійскому храму, которой былѣ весьма пространенѣ и построенѣ изѣ обѣченыхѣ камней сѣ кирпичною кровлею. Надѣ входомѣ въ сей храмѣ висѣло 7 колоколовѣ, а впереди поставленѣ былѣ высокой мѣдной столпѣ. Тамѣ встрѣчены они были

жрецами сего храма, которые до половины шѣла были наги, съ половины жь шѣла до колѣней прикрыты бумажною матерією. Подѣ плечами носили они нѣсколько такой же матеріи на шнурѣ, кошорой привѣшенѣ у нихѣ былѣ съ лѣваго плеча подѣ правое. Они спояди у входа, кропляли проходящихѣ водою и по томѣ давали имѣ нѣсколько пеплу, чшобѣ посыпашь на голову и на руки.

Адмиралѣ и проводники его почли сіе зданіе за Хрисціанскую церковь, по тому, что кропленіе водою и посыпаніе пепломѣ принадлежитѣ къ богослужительнымѣ обрядамѣ Римской церкви. Вошедши во храмѣ увидѣли на стѣнахѣ разныя изображенія спрашнаго вида, кошорыя чаятельно представляли Индійскихѣ идоловѣ: нѣкоторыя изображены были съ длинными клыками, другіе съ четырью руками, всѣ жь вообще съ ужасными лицами. Увидѣвши сіи прошивныя фигуры, Португальцы начали сомнѣваться въ прежнемѣ своемѣ мнѣніи; но какѣ показали имѣ другое изображеніе, поставленное высоко въ темномѣ мѣстѣ, и при томѣ выговорили слово *Мари*, шо они почли его изображеніемѣ Богоматери и цали вѣредѣ нимѣ на колѣни. Индійцы падали вѣредѣ

предъ симъ изображеніемъ три раза на землю съ распростертыми руками, и попомъ стоя отправляя свою молитву.

Приблизились къ городу. Множество провожающаго ихъ народъ часъ отъ часу увеличивалось и тѣснилось такъ, что Купваль принужденъ былъ войти съ Португальцами въ одинъ домъ. Тамъ собрались Наиры, копорыхъ владѣлецъ прислалъ встрѣпить Адмирала и привести къ нему съ церемонією. Бранъ Купвалевъ далъ знакъ, послѣ чего все безчисленное множество народа удалилось на стороны, и 3000 вооруженныхъ людей провожали церемоніальное шествіе. Де Гама весьма доволенъ былъ симъ пышнымъ пріемомъ и говорилъ шутя своимъ единоплеменникамъ, которые его провожали: „въ Португалліи и во снѣ никому не видится, какія почести намъ здѣсь отдають! „

Наконецъ пришли они къ палатамъ владѣльца, копорыя были весьма просторны и изрядно построены. Пріятные сады, украшенные фонтанами, окружали ихъ. Надлежало къ нимъ проходить чрезъ пять дворовъ съ воротами. У каждаго изъ сихъ воротъ стояли десять приворошниковъ, копорымъ довольно было

было труда разгонять народъ палками, дабы очистишь мѣсто Португальцамъ для шоржеспивеннаго входу.

У дверей въ палашахъ де-Гама встрѣченъ былъ знамяйшими изъ жрецовъ, копорые называются Браминами. Они всѣ обнимали его и по шомъ ввели въ палашы. Народъ имѣя тогда случая увидѣть своего государя, копорой въ другое время рѣдко показывается, шѣснился съ шакимъ усилиемъ, что многіе были задавлены. Нѣкопорые Португальцы имѣли бы шакую жь участь, еспѣлибъ придверники не спарались разгонять народъ палками безъ всякой пощады. — Во внутрѣнности палашъ сдѣланы были мѣста, одно выше другаго, шакъ, какъ въ театральномъ домѣ. Полъ покрытъ былъ зеленымъ бархашомъ, а стѣны обшпы шелковыми машеріями разныхъ цвѣшовъ. Владѣлецъ, довольно уже пожилой человекъ и цвѣшомъ смуглой, шакъ же, какъ и прочіе Иидійцы, но величественнаго вида, лежалъ на бѣлыхъ шелковыхъ коврахъ, вышитыхъ золошомъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Одежда его состояла въ корошкшомъ шелковомъ камзолѣ, выложенномъ золошыми вѣшвями и розами. Пуговицы сдѣланы были изъ крупнаго жемчугу, а

не-

пешельки изъ золошой проволоки. Отъ половины шѣла до колѣней обвязанъ онъ былъ бѣлою шелковою матеріею. На головѣ имѣлъ шапку выложенную жемчугомъ и алмазами; въ ушахъ, также на пальцахъ у рукъ и у ногъ множество дорогихъ перстней, а на рукахъ и на ногахъ только золошья перевязки.

Подлѣ Саморина стоялъ на высококомъ золошомъ постаментѣ золошой сосудъ, въ кошоромъ одинъ изъ служителей подносилъ ему бешель и ареку. — Можеть быть чинашели не знаютъ еще, что такое бешель и арека, и по тому нужно сообщить имъ о семъ краткое описаніе. Бешель есть Индійское растеніе, кошораго листьа имѣющъ въ себѣ красной и горькой сокъ. Употребленіе сихъ листьевъ во всей Индіи такъ же обыкновенно, или еще больше, какъ у насъ употребленіе табаку. Индійцы берутъ ихъ въ ротъ либо однихъ, либо смѣшавши съ арекою, другимъ Индійскимъ растеніемъ, которое бываешъ величиною съ простой орѣхъ, и безпрестанно жуютъ. Слюна дѣлаешся отъ того красною, а дыханіе благовоннымъ; но зубы терпятъ вредъ и наконецъ спановятся черны и крошатся, такъ, какъ уголь. Въ Индіи всякой носитъ при себѣ

себѣ корѣбочку съ бешелемъ, такъ же, какъ у насъ носятъ табакирки. Между мужчинами и женщинами введено шамъ въ обычай встрѣшившись подносить другъ другу сихъ лисъевъ, и почитается за обиду, естли кто нибудь не поднесетъ ихъ другому, или откажется принять. Иногда вмѣсто ареки мѣшаютъ бешель съ извѣстью, либо съ пережженными раковинами и со всякими благовонными растеніями. Пожевавши его въ первой разъ, чувствуя круженіе въ головѣ, или нѣкоторой родъ пьянства, но мало по малу привыкаютъ къ нему, равно какъ Европейцы привыкаютъ къ дѣйствіямъ табаку. — Другой золошой сосудъ пославленъ былъ подлѣ Саморина, въ которой выплевывалъ онъ оспашки жеванаго бешеля, и шретій еъ водою, которою онъ послѣ того полоскалъ ротъ. — Примѣчено было, что всѣ бывшіе шамъ Индійцы закрывали ротъ лѣвою рукою, дабы ихъ дыханіе не смѣшивалось съ дыханіемъ ихъ владѣльца. —

Де - Гама, пришедши предъ Саморина, поклонился ему три раза, поднявши руки въ верхъ, ибо ему сказали, что въ сей землѣ есть такой обычай. Индійской владѣлецъ посматривалъ на него милостиво,

но на поклоны его отвѣчалъ только тихимъ движеніемъ своей головы, которое едва было примѣтно. По томъ Адмиралъ долженъ былъ сѣсть подлѣ него.

Между тѣмъ вошли и прочіе Португальцы и кланялись такимъ же образомъ. Ихъ посадили противъ Саморина, и подали всѣмъ имъ воды, дабы по Индійскому обычаю умыть руки. По томъ подносили имъ смоквы и другіе плоды. Саморинъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ иностранцы ѣли. Когда они попросили пить, то подали имъ воды въ золотомъ сосудѣ, и при томъ сказали, что у Индійцовъ почитается за неблагопріятность прикасаться губами къ сосуду, изъ котораго пьешь. Португальцы хотѣли послѣдовать сему обыкновенію и лить себѣ воду въ ротъ, не прикасаясь къ сосуду губами. Но не привыкши пить такимъ образомъ, иные заливались, другіе жъ поперхнувшись кашляли, что для Саморина и для его придворныхъ весьма было забавно.

Де-Гама просилъ, чтобъ владѣлецъ позволилъ ему говорить съ собою наединѣ, по чему Саморинъ вышелъ съ нимъ и съ переводчикомъ въ другую комнату, гдѣ спрашивалъ его, изъ какой онъ зем-

ли, и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ въ Индію? Адмиралъ отвѣщивалъ, что Король Португальской, сильнѣйшій и богатѣйшій Монархъ западныхъ земель прислалъ его для того, чтобъ заключить дружеской и торговой союзъ съ Калекушскимъ государемъ, главою владѣльцовъ Индійскихъ; что онъ имѣетъ письма отъ своего Монарха, которыхъ вручилъ ему на другой день, и надѣется, что Саморинъ также отправитъ посланника къ Португальскому Королю, какъ другу своему и брату, дабы утвердить съ нимъ союзъ взаимной дружбы.

Саморинъ отвѣчалъ, что онъ радуется его прибытію, и какъ Португальской Король желаетъ быть другомъ его и братомъ, то и онъ сего хочетъ и отправитъ отъ себя посланника въ Португаллію.

По томъ Адмиралъ отведенъ былъ Купвалемъ и факторомъ Самориновымъ въ назначенное для него жилище.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

*Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-
Индію. (Окончаніе.)*

4.

*Непріятныя приключенія въ Калкутѣ.
Возвращеніе въ Португаллію.*

На другой день де-Гама позвалъ къ себѣ Кушваля и факшора, чшобѣ показашь имѣ подарки, назначенные для Саморина. Сіи подарки были кармозинѣ, шесть шляпѣ, кораллы, мѣдь, ящикѣ сахару, двѣ бочки деревяннаго масла, двѣ бочки меду и нѣкошорыя другія вещи также недорогой цѣны. Кушваль и факшорѣ увидѣвши сіи вещи, начали смѣяшьяся и сказали опкровенно Адмиралу, что подарки его негодяшья для ихѣ государя; что самые бѣдныя купцы, входя въ шамошнюю гавань, обыкновенно подносяшья владѣльцу что нибудь лучшее, и что онѣ, естьяли хочешья дарить Саморина, долженѣ поднести ему золоша, инаго жѣ подарка государь ихѣ ошья него не приметья.

Де-Гама приведенъ былъ въ смятѣ-
 ніе и ошвѣчалъ имъ разсердившись , что
 онъ не купецъ , но посланникъ , и подно-
 ситъ подарки не отъ Короля своего , но
 отъ себя , а Король его и не знаетъ ,
 есть ли въ свѣшѣ шакой владѣлецъ , ка-
 ковъ Саморинъ , иначе жъ безъ сомнѣнія
 прислалъ бы онъ ему въ подарокъ золота,
 серебра и другихъ драгоценныхъ вещей.
 — Де-Гама говорилъ сіе позабывши
 вчерашнее увѣреніе , что онъ нарочно
 присланъ отъ своего государя , дабы за-
 ключить съ Самориномъ дружеской союзъ.
 Таково обыкновенно бываетъ дѣйствіе
 страсти , заславляющей говорить безъ
 размышленія.

Ошвѣчали ему , что все это можетъ
 спасться , но шамошній обычай пребуешь,
 чтобы всякой иносыранецъ , кошорой хо-
 чешь говорить со владѣльцомъ , подноситъ
 ему подарокъ , приличной его состоянію.
 Адмиралъ сказалъ , что онъ прикажетъ
 переносить подарки свои обрашно на ко-
 рабль , еслии еще будутъ ихъ прене-
 брегать. Купваль и факшоръ увѣряли
 его , что онъ хорошо сдѣлаешь. Де-Гама,
 разсердившись еще болѣе , говорилъ имъ ,
 что онъ самъ пойдешъ къ Саморину и
 все ему расскажешъ. Они были шѣмъ

довольны и только просили его, чтобъ подождать, пока они исправятъ нѣкошорое нужное дѣло и къ нему возвращаются.

Сіе нужное дѣло было не иное что, какъ тообщить напередъ Саморину худое мнѣніе объ Адмиралѣ. Де-Гама послѣ узналъ, что они подкуплены были къ тому Арабами, которые предвидя, что прибытіе Португальцовъ къ сему берегу можеть современемъ имѣть весьма вредныя слѣдствія для ихъ торговли, приняли намѣреніе погубить Адмирала и всѣхъ его людей, дабы никто изъ нихъ не возвратился въ Португалію съ извѣстіемъ о своемъ открытіи. На сей конецъ старались они подкупать Индійцовъ и распространять подозрвнія на Португальцовъ.

Въ такомъ намѣреніи донесли Саморину, что де-Гама не посланникъ, но морской разбойникъ, котораго надлежало оберегаться. Дабы сдѣлать сіе извѣстіе вѣроятнымъ, рассказали ему о насильствахъ, сдѣланныхъ Португальцами на Африканскомъ берегу, о копорыхъ знакомые по торговымъ дѣламъ Арабы дали знаніе въ Индіи. Другимъ доказательствомъ сего клеветы пославляли бѣдной подарокъ, какой де-Гама привезъ Саморину, и спрашивали: вѣроятно ли, чтобы одинъ го-

сударь хотѣлъ дарить другога такими бездѣлками ?

Сими и другими подобными вымыслами достигли успѣха въ коварномъ предпріятіи. Саморинъ былъ раздраженъ. Купваль пришелъ къ Адмиралу уже на другой день. Де-Гама оказывалъ свое неудовольствіе, но того не уважали. Однако жъ исполнили его требованіе и отвели его къ Саморину.

Саморинъ заставилъ его дожидаться себя при часа, и наконецъ позволивши впустишь его къ себѣ, спросилъ съ суровымъ видомъ: для чего не пришелъ онъ къ нему вчера? Адмиралъ хотѣлъ извиняться; но владѣлецъ не давши ему выговорить, спросилъ еще: для чего онъ присланъ будучи отъ великаго и сильнаго Монарха, не привезъ ему накакова подарка? Де-Гама отвѣчалъ, что подарки присланы будутъ впредь; но Саморинъ требовалъ, чтобъ онъ тогда отдалъ ему золотой образъ богомашери, которой онъ имѣлъ съ собою. Адмиралъ не хотѣлъ разснаться съ симъ образомъ, и для того пришедши въ замѣшательство отвѣщивовалъ, что сей образъ не золотой, но деревянной и только позолоченой, и что онъ не можеть его отдать, приписывая благополучное свое мореплаваніе
его

его дѣйствию. По томъ вынялъ онъ письма своего Короля, изъ которыхъ одно писано было на Португальскомъ, а другое на Арабскомъ языкѣ и требовалъ, чтобъ отдали ихъ перевести другу его Боншаибо, для того, что онъ другимъ Арабамъ не вѣрилъ. Содержаніе сихъ писемъ было слѣдующее: *Король Португальской узнавши, что владѣлецъ Калекутской, сильнѣйшій изъ всѣхъ Индійскихъ государей, Христіанинъ, желаетъ заключить съ нимъ дружеской и торговой союзъ, дабы мѣнять Португальскіе товары, также золото и серебра, на Индійскія благовонныя растенія. Адмиралъ, посланникъ его, сообщитъ о томъ обстоятельнѣйшее свѣденіе.*

Содержаніе письма пріятно было Индійскому владѣльцу, ибо онъ надѣялся выгоды отъ торгу съ Португальцами. Суровой видъ его примѣтно перемѣнился. Онъ спрашивалъ, какіе товары намѣрены Португальцы привозить въ Индію, и какъ де - Гама далъ ему знать, что онъ привезъ съ собою пробы всѣхъ сихъ товаровъ, но Саморинъ совѣщивалъ ему переносить ихъ на берегъ для продажи.

Арабы не ожидали столь прошивнаго ихъ умыслу произшествія. Они спара-

днѣ прозьбами и подарками склонилъ Купваля къ тому, чшобѣ онѣ подѣ какимѣ нибудѣ предлогодѣ взялѣ Адмирала подѣ стражу. Купваль согласился на шо, и сѣ поспѣшноспію погнался за Адмираломѣ, кошорой былѣ уже на обратномѣ пути вѣ гаванѣ. Догнавши его, упрекалѣ онѣ его скорымѣ опѣвѣдомѣ, какѣ бы нобѣгодѣ; и какѣ Адмиралѣ прѣвхавши вѣ Падаранѣ, немедленно пошребовалѣ боша, дабы вѣ шошѣже вечерѣ переправилѣся на корабль, шо ему опсовѣшовади сіе, подѣ шѣмѣ предлогодѣ, чшо корабли далеко опѣ берега и ночью переправлялѣся опасно.

Де Гама примѣшивши, чшо имѣюшѣ прошивѣ него коварной умыслѣ, непремѣнно шребовалѣ, чшобѣ ему дославили бошѣ и грозилѣ принести жалобу Самарину, ешшли будущѣ ему вѣ чемѣ нибудѣ препяшшествовалѣ. Купваль повидимому согласился на его шребованіе и послалѣ людей привести бошѣ; но шщетно. Онѣ напередѣ опдалѣ приказѣ всѣмѣ перевозчикамѣ, чшобѣ они сѣ бошами своими и лодками спояли далѣе. И шакѣ посланые возвратившисѣ сказали, чшо они не нашли ни одного боша, и де Гама долженѣ былѣ рѣшисѣ есташѣся на берегу.

На другой день по утру Кутваль сложилъ съ себя прищворсиво и говорилъ Адмиралу повелишельнымъ голосомъ, чшобѣ онѣ приказалъ кораблямъ спашь ближе къ берегу, иначе жь ему не позволено будешъ возвратиться на свой корабль. Онѣ требовалъ сего съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобѣ захватишь прочихъ Португальцовѣ такъ же, какъ Адмирала, и завладѣшь кораблями.

Де-Гама, отѣ кошораго сіе намѣреніе не могло скрышься, оказалъ крайнее неудовольствіе и повторишь свою угрозу, чшо онѣ поидешъ къ Саморину жаловаться. Казалось, чшо не хотѣли ему въ помѣ препящсшвовашь; но какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ ишши, шо нашелъ, чшо двери его комнаты были запершы и къ нимъ присшавлены были караульные съ обнаженными саблями.

Положеніе де-Гамы и спутниковѣ его было тогда весьма опасно; но онѣ твердо рѣщился, лучше отшважись на все, даже пожертвовашь и жизнью своею, нежели согласиться на требованіе Кушвалевы; ибо онѣ не сполько некея о себѣ, какъ о сохраненіи кораблей. И такъ онѣ осшался непоколебимѣ и слушалъ всѣ Кушвалевы угрозы съ неустрашимымъ по-

споянствомъ. Купваль видя то, уменьшилъ свое требованіе и хотѣлъ только, чшобы всѣ парусы, канашы и ир. перенесены были съ кораблей на берегъ. Но де-Гама и въ томъ ему опказалъ, ибо легко можно было понять, что и самые корабли оспались бы въ его власпи, когда бы съ нихъ опданы ему были нужныя для мореплаванія вещи.

Купваль не ожидавши столь пвердой рѣшимости, принужденъ былъ еще уступить и требовать только, чшобъ Адмиралъ приказалъ перевезти на берегъ товары, какіе онъ имѣлъ съ собою, для продажи. Онъ присовокупилъ къ птому обѣщаніе, что не будетъ уже болѣе препятствовать Адмиралу возвратиться на корабль, какъ скоро сіе будетъ исполнено. Де-Гама согласился на сіе требованіе, получивши чрезъ то случай увѣдомить брата своего о всемъ происшедшемъ и дать ему наставленіе, какъ онъ при томъ поступить долженъ; а имянно онъ приказывалъ переслать нѣкоторую часть товаровъ на берегъ; ешлы жь Купваль и тогда не освободитъ его, то кораблямъ надлежало возвратиться въ Поршугаллію съ извѣстіемъ о благополучномъ успѣхѣ пшешествія, и братъ его долженъ былъ ста-

стараться склонить Короля къ тому, чтобъ отправить другой флотъ въ Индію, дабы важное сіе открытіе не оспалось безполезнымъ. Изъ сего можно видѣшь, что де-Гама не забоился о себѣ, но честь и пользу своего опечества предпочиталъ собственной свободѣ и даже самой жизни. Опличительной знакъ истинно великаго мужа! —

Павелъ де-Гама, братъ Адмирала, немедленно исполнилъ, что ему было приказано, и переслалъ на берегъ нѣсколько товаровъ. Но при томъ писалъ онъ къ своему брату, что безъ него не возвратится въ Португаллію и въ случаѣ нужды будетъ стараться освободить его силою. Однако сіе было не нужно, ибо какъ скоро товары перевезены были на берегъ, Кушваль исполнилъ свое обѣщаніе и Адмиралъ возвратился на корабль. Арабы перемѣнили свое предпріятіе. Имъ не столько нужно было имѣть самага Адмирала въ своей власпи, какъ его корабли, Тогда жь видя, что хипросъ ихъ была неудачна, вознамѣрились они удержашь Португальцовъ до тѣхъ поръ, пока возвратится ихъ флотъ, ожидаемой изъ Мекки. Сей флотъ, совокупясь съ другими судами, кошорыя Саморинъ прика-

залъ тайно вооружить, могъ бы взять Португальскіе корабли силою.

Въ семъ намѣреніи старались они сколько возможно преняпспивоваць продажъ перевезенныхъ на берегъ товаровъ. Де-Гама, думая, что въ Падаранъ мало купцовъ, приказалъ перевезти повары въ Калекушъ; но и шамъ не больше ихъ покупали. Между шѣмъ приближалось время назначенное для отправленія въ обратную пушъ. Адмиралъ послалъ къ Саморину двухъ изъ своихъ спутниковъ, Діаца и Брагу, съ увѣдомленіемъ о приближающемся отъѣздѣ, съ подарками и съ прозьбою, чтобъ онъ отправилъ съ ними отъ себя посланника къ Португальскому Королю. Но сіи посланные принцы были весьма худо Самориномъ, котораго еще болѣе увѣрили въ томъ, что Португальцы морскіе разбойники. Онъ спросилъ у нихъ съ суровымъ видомъ, что имъ надобно? и какъ они хотѣли поднести ему подарокъ, состоявшій въ шелковыхъ матеріяхъ и нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, то онъ отворошился отъ нихъ и приказалъ, чтобъ они отдали сей подарокъ кому нибудь изъ его людей. Онъ при-молвилъ съ такимъ же суровымъ видомъ, что Адмиралъ можешь отправишься, ког-

да хочешъ, но долженъ напередъ, по памошнимъ законамъ, заплашить нѣкоторую сумму за то, что корабли его стояли въ гавани. Послѣ сего оппустилъ онъ опѣ себя Португальцовъ.

Они пошли обратно къ своимъ кораблямъ, но не дошли еще до берега, какъ захвашили ихъ и опвели подъ спражу.

Адмиралъ увѣдомленъ будучи о семъ произшествіи опъ друга своего Боншаибо, скрылъ свое негодованіе въ надеждѣ, что можешъ бышь удасся ему захващить нѣсколько знашныхъ Индійцовъ, за которыхъ на вымѣнъ освободятъ Діаца и Брагу. Щасіе благосклонно было сему намѣренію. Шестеро знашныхъ Самориновыхъ придворныхъ, думая, что Адмиралу не извѣстно еще произшедшее съ его посланными, опважились посѣтитъ его на кораблѣ съ немногими проводниками. Они вспрѣчены были, какъ госпи, дасково и учпи-во; но какъ скоро взошли на корабль, шо взяли ихъ подъ спражу, и Адмиралъ писалъ къ Саморину, что онъ не освободитъ сихъ Индійцовъ, пока его посланные не будущъ ему возвращены.

Три дни не получалъ онъ никакова опвѣща. Наконецъ прислано къ нему было извѣстіе, что его люди находятся

у владѣльца и возвращаясь къ нему на другой день. Но де-Гама ошвѣчалъ съ гнѣвнымъ видомъ, что онъ требуетъ, чтобъ его посланные немедленно были возвращены; въ противномъ же случаѣ онъ прикажетъ опрубить головы находящимся у него Индійцамъ.

На другой день увидѣли на морѣ 7 небольшихъ судовъ, изъ коихъ на одномъ находились Діацъ и Брага. Индійцы, бывшіе на сихъ судахъ, не осмѣливались подѣбхаться къ кораблямъ. Надлежало выслать на встрѣчу къ нимъ бопѣ, на которой высадивши обоихъ Поршугальцовъ, спѣшили они возвращаться къ берегу.

Діацъ привезъ отъ Саморина палмовой лиспѣ, на кошоромъ написано было къ Поршугальскому Королю слѣдующее: *Васко де-Гама, вельможа твоего дома, приходилъ въ мою землю. Прибытіе его было мнѣ пріятно. Въ моей землѣ много корицы, звѣздики, перцу и дорогихъ камней. Изъ твоей земли требую серебра, золота, коралловъ и кармозину.*

Адмиралъ освободилъ по помѣ шестерыхъ Наировъ, или Самориновыхъ придворныхъ, прочихъ же плѣнниковъ удержалъ у себя въ залогъ за оставшіеся на берегу

повары. Между тѣмъ пришелъ къ нему другъ его Боншаибо и просилъ, чшобъ онъ взялъ его съ собою въ Поршугаллію, для того, что единоземцы его, Арабы, ненавидящъ его за оказанную къ Поршугальцамъ дружбу, опняли у него все имѣніе и чайшельно намѣрены лишить его жизни. Де - Гама принялъ его съ радостію и увѣрялъ, что въ Поршугалліи будетъ онъ щедро награжденъ за свой убышокъ и за добрыя услуги, оказанныя Поршугальцамъ.

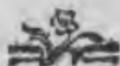
Дожидавшись нѣскольکو дней щещено возвращенія оставленныхъ на берегу поваровъ, Адмиралъ приказалъ поднять якори, и корабли отправились въ пушь.

Обратное ихъ пушешествіе было медлишельно, однако жъ довольно благополучно, и на ономъ ничего достшойнаго примѣчанія съ ними не случилось. И такъ ошщается только упомянуть, что Васко де - Гама въ Сентябрѣ 1499 году, пушешествовавъ два года и два мѣсяца, прибылъ къ тому жъ самому мѣсту, ошкуда онъ отправился. Изо 160 человекъ, кошорыхъ онъ взялъ съ собою, возвратились съ нимъ только 50; прочіе жъ всѣ померли отъ разныхъ болѣзней. Въ числѣ послѣднихъ былъ брашъ его, Павелъ де-Гама,

Гама, которой не задолго до окончанія путешествія, умеръ на островъ Терцеръ, одномъ изъ острововъ Азорскихъ.

Благополучное возвращеніе Адмирала и извѣстіе о важномъ его открытіи причинило чрезвычайную радость какъ при Дворѣ такъ и во всей Португалліи. Король послалъ къ нему на встрѣчу знатныхъ людей, которые приняли его съ ошмѣнными почестями и при безчисленномъ множествѣ зрителей проводили ко Двору. Тамъ съ великою честью принесена ему была благодарность за оказанныя королевству услуги. Онъ получилъ шишулъ Дона и 3000 червонныхъ ежегодной пенсіи, что тогда считалось значною суммою. Каждой изъ оставшихся его спутниковъ также получилъ пристойное награжденіе. Король для важнаго сего открытія умножилъ свой шишулъ и съ того времени назывался *государемъ завоеванія и мореплаванія Эіопіи, Аравіи, Индіи и Персіи.*

Во всемъ королевствѣ учреждены были публичныя благодарственныя и радостныя торжества. Исторія означила имя Васко де-Гамы подлѣ имени Колумбова въ числѣ достопамятнѣйшихъ мужей того столѣтія.

II.

Завѣщаніе.

Одинъ честной, но бѣдной человекъ былъ управителемъ въ домъ Герцога Орлеанскаго. Онъ имѣлъ двухъ племянницъ и двухъ старыхъ слугъ, которыхъ весьма любилъ и содержалъ изъ небольшихъ своихъ доходовъ. Умирая, сдѣлалъ онъ слѣдующее завѣщаніе:

„ Я оставляю племянницамъ моимъ по 500, а слугамъ моимъ по 300 гульденовъ ежегоднаго дохода. Но какъ я самъ ничего не имѣю, то прошу Герцога Орлеанскаго исполнить сіе завѣщаніе вмѣсто меня. Зная доброе его сердце, надѣюсь я, что онъ не откажется оказать мнѣ сію милость по смерти моей. „

Герцогъ, бывши всегда доволенъ своимъ управителемъ, охотно исполнилъ послѣднюю его волю. — Вотъ какъ награждается честность еще въ сей жизни! Честной старикъ хотя ничего не имѣлъ, однако могъ умереть спокойно, увѣренъ будучи, что любимые его люди и по смерти его не будутъ терпѣть нужды.

Кукушка и скворецъ. Басня.

Кукушка разговаривала нѣкогда со скворцомъ, которой недавно предъ шѣмъ улешѣлъ изъ города.

Что говорятъ въ городѣ о нашихъ пѣсняхъ? спрашивала она. Что говорятъ о соловьѣ?

„Весь городъ его хвалятъ, отвѣчалъ скворецъ.

Что говорятъ о жаворонкѣ? продолжала кукушка.

„И его многіе хвалятъ. „

А о дроздѣ?

„И его пѣсни нравятся. „

Мнѣ еще надобно нѣчто у тебя спросить, говорила кукушка: „скажи, что обо мнѣ говорятъ? „

„Этова не могу тебѣ сказать, отвѣчалъ скворецъ: „о тебѣ никто не говоритъ. „

Неблагодарные! вскричала кукушка; — но я опмщу за эту неблагодарность, и буду безпрестанно сама о себѣ говорить!

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

IV.

НЕВИННАЯ ВОРОЖЬБА.

Комедія для дѣшей,
Въ одномъ дѣйстви.

Дѣйствующія лица.

Гжа. С**.

Николаша, сынъ ея.

Лизанька, дочь Гжи. С**.

Г. Подбираловъ, сынъ одного дворянина
живущаго въ сосѣдственномъ городѣ.

Нашаша, сестра его.

Алексаша
Мишинька
Маша

} дѣти сельскаго священника,
которыя воспитываются вмѣ-
стѣ съ дѣтьми Гжи. С**.

Яковъ, старикъ егерь.

Дарья, служанка Гжи. С**.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, не-
далеко отъ города, въ домѣ Гжи. С**.

ЯВЛЕНИЕ I.

Дарья (стоя у стола щитаётъ серебряныя марки, которыя на немъ были разсыпаны)

Какъ ни щитай, а ихъ нѣтъ. Десять, двашцать, тришцать, сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ — а всѣхъ надобно девяносто шесть — Ну, достанешь же мнѣ! — Поискашь еще на полу и на окошкахъ! —

ЯВЛЕНИЕ II.

Гжа. С**. Дарья.

Гжа. С***. Чего ты ищешь, Дарья?

Дарья. Марокъ, сударыня!

Гжа. С***. Развѣ ты слѣпа? Онѣ передъ тобой на столѣ лежатъ.

Дарья. Вижу, сударыня, да шупъ не всѣ.

Гжа. С**. Не всѣ? Куда жь онѣ дѣвались? Пропастъ имъ не лзя.

Дарья. Эшова я не знаю. Не правда ли сударыня? всѣхъ ихъ было 96; — а шеперь только 80. Я перещиывала ихъ разъ сто. Извольте сами перещиывать!

Гжа.

*Гжа. С**.* (пересчитавши марки.)

Правда. Гдѣ жь онѣ? Вчера вѣ вечеру онѣ всѣ были; я сама ихѣ щипала.

Дарья. Можешѣ спашься; а теперѣ шчсѣнашцаши недоспаетѣ.

*Гжа. С**.* Эпо я вижу. Но куда жь онѣ дѣвались? — Какѣ тебѣ вздумалось теперѣ ихѣ щипать?

Дарья. Дѣши ими играли, и оставили ихѣ такѣ на столѣ: я хотѣла ихѣ собрать.

*Гжа. С**.* Дѣши? Я запретила имѣ играть этими марками. Кшо имѣ ихѣ далѣ?

Дарья. Онѣ и сами могли взять, сударыня. Какѣ онѣ отсюда вышли, пришла я прибранѣ вѣ комнашѣ; марки разсыпаны были по столу; я хотѣла собрать ихѣ и положишѣ вѣ ящичекѣ, и шопчасѣ примѣшила, что онѣ не всѣ.

*Гжа. С**.* Гдѣ жь теперѣ дѣши?

Дарья. Онѣ сѣ своими гостями пошли вѣ садѣ.

*Гжа. С**.* Позови ко мнѣ скорѣ Лизаньку. Надобно обѣ эпомѣ разспросить. — [*Дарья уходитѣ и опять скоро возвращается.*] Дѣши мои не смѣютѣ брать шого, чего имѣ брать не велѣно.

Мнѣ очень будетъ досадно, естли марки пропадутъ.

Дарья. Какъ не досадовать, сударыня! эшо не бездѣлица. —

*Гжа. С***.* Онѣ для меня дороги пошому, что мнѣ подарила ихъ моя пріятельница. Она нарочно для меня вывезла ихъ изъ Франціи.

Дарья. Изъ Франціи? Побывала бы я хоть однажды во Франціи! Какой эшо прекрасной городъ! какія прекрасныя вещи ошшуда вывозятъ!

*Гжа. С**.* Не былъ ли кшо нибудь вчера либо сегодня пошпру въ эшой комнашѣ?

Дарья. Нѣштѣ, сударыня, кромѣ меня и Якова, никшо сюда не входилъ.

*Гжа. С**.* А вышедши не позабыла ли ты запереть?

Дарья. Нѣштѣ, сударыня. Можетъ бышь вы сами вчера оставили дверь незапершую. Вы входили сюда вчера два раза безъ меня.

*Гжа. С**.* Можетъ сташься. Однакожь, въ моемъ домѣ никогда еще пропажи не случалось. Я не думаю, чтобы дѣши взяли марки. Онѣ не смѣютъ взять того, что имѣ запрещено.

Дарья.

Дарья. По крайней мѣрѣ наши дѣши вѣрно эшова не сдѣлаюшѣ; я за нихѣ отвѣчаю.

*Гжа. С * *.* Не уже ли жѣ госпи ихѣ эшо сдѣлали? за нихѣ еще больше отвѣчать можно.

Дарья. Ахѣ нѣшѣ, сударыня; какѣ мнѣ за нихѣ отвѣчать? я ихѣ не знаю. Я не скажу объ нихѣ ничего дурнова; однакожѣ мнѣ показалось —

*Гжа. С * *.* А! вошѣ Лизанька идешѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежнія. Лизанька.

*Гжа С * *.* Какѣ вы осмѣлились брашѣ мои марки? Развѣ шы позабыла, что тебѣ и брашу швоему приказано ничего не брашѣ безѣ позволенія.

Лизанька. Машушка, я невиновата. *Т.* Подбираловѣ и сестра его сами взяли ваши марки. Мы просили ихѣ, чтообѣ онѣ ихѣ оставили; однакожѣ онѣ насѣ не послушались, рассыпали ихѣ по сполу; мы и шѣмѣ уже довольны были, что онѣ на полѣ ихѣ не бросали.

*Гжа. С * *.* Тебѣ бы не смотря ни на что надобно было не уступашѣ имѣ

безъ моего позволенія. По крайней мѣрѣ для чего ты сама не раздѣлила имъ марокъ порядочно

Лизанька. Я хотѣла это сдѣлать. Однако вы не повѣрите, какія это рѣзвыя дѣти! Онѣ ни минушки не посадишь спокойно. Лишь только спала я щипать, онѣ побросали марки и побѣжали отъ меня прочь.

*Гжа. С * *.* Изрядное поведение! — Но знаешь ли ты, что шеперь много изъ эшихъ марокъ недоспаетъ?

Лизанька. Недоспаетъ?

*Гжа. С * *.* Да, и ты по крайней мѣрѣ въ томъ виновата, что не собрала ихъ и не положила на свое мѣсто, какъ скоро вы играть перестали.

Лизанька. Ахъ матушка! мнѣ не было времени этого сдѣлать; намъ безпрестанно надобно было смотрѣть за нашими гостями, чтобъ онѣ чегонибудь не разшибли и не испортили: онѣ ничего не оставили на мѣстѣ, все пересматривали —

*Гжа. С * *.* Какъ бы то ни было; однако маркамъ пропасть не лзя; надобно ихъ сыскать.

Дарья. Не прикажете ли, сударыня обыскать маленькихъ гостей?

Гжа.

*Гжа. С***.* Вотъ какая глупая мысль! Поссорюсь ли я за шаковую бездѣлицу съ ихъ родителеми! да и лъзя ли имѣшь на нихъ такое подозрѣніе?

Лизанька. Этому не лъзу спашься, ишобѣ онѣ спряшали марки; я онѣ нихѣ не оплучалась, и вѣрно бы эшо примѣшила. Не уже ли онѣ вѣ сосшоянїи сдѣлашь шаковую подлосшь? Нѣтъ, машушка! онѣ вѣрно эшова не сдѣлаюшѣ; я за нихѣ ручаюсь.

*Гжа. С**.* Дарья, поищи еще на полу; можетѣ бышь дѣши играя, ненарочно уронили ихѣ и не примѣшили шого.

Дарья. Я и такѣ уже вездѣ искала, сударыня, и вѣрно бы не просмотрѣла, когда бы онѣ на полу лежали; эшо не булавка; у меня жѣ глаза довольно оспры.

*Гжа. С**.* А ты, Лизанька, пойдѣ кѣ своимѣ гостямѣ, и посшарайся узнать не взялѣ ли кшо нѣбудь изѣ нихѣ марокѣ. Однакожѣ будѣ при шомѣ оспорожна и учшпѣва. Спросѣ, не положили онѣ ихѣ куда нѣбудь позабывшѣсь, либо не спряшали ли ненарочно кѣ себѣ. Сними всю вину на себя, и скажи, что я буду на тебя сердѣшься, ешьли марки пропадушѣ. Слышишь ли?

Лизанька. Слышу сударыня!

*Гжа. С**.* Еще прикажи послать
ко мнѣ Якова. (*Лизанька уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

*Гжа. С**.* Дарья. Яковъ (*входитъ не-
много спустя*)

Дарья. Нѣшъ, сударыня; я ничего
не нашла.

*Гжа. С**.* Тѣмъ хуже.

Яковъ. Вы приказали мнѣ прійти. Я
здѣсь, сударыня!

*Гжа. С**.* Вижу. — Послушай,
Яковъ! здѣсь, пропали серебряныя мар-
ки —

Яковъ. Не думаете ли вы, что я на
старосши захошѣлъ ими покорыствоваться?

*Гжа. С**.* Перестань говорить пустое.
Ты знаешь, что я не могу имѣть тако-
ва подозрѣнія на тебя. Но ты былъ въ
этой комнатѣ послѣ того, какъ дѣвши
отсюда вышли. Не нашелъ ли ты марокъ
гдѣ нибудь на стульяхъ, либо подъ сто-
ломъ?

Яковъ. На стульяхъ, либо подъ сто-
ломъ?

Гжа

*Гжа С**.* Да; я знаю, что шамъ не ихъ мѣсто. Однако дѣши ими играли; можетъ быть онѣ разроняли ихъ, а ты послѣ собралъ и спряшалъ куда нибудь.

Яковъ. За чѣмъ мнѣ прашать ихъ, сударыня? Когда бы онѣ мнѣ попались, я шопчасъ опдалъ бы ихъ вамъ, либо положилъ бы ихъ въ ящичекъ. Вы прежде всегда почитали меня честнымъ человекомъ.

*Гжа С**.* Я и шеперь по же о тебѣ думаю. — Но шеперь я уже не знаю, какъ мнѣ опыскашь эту проиажу. Вѣрно кто нибудь изъ дѣшей взялъ марки. Вчера я сама ихъ щипала.

Яковъ. И вчера онѣ всѣ были?

*Гжа. С**.* Конечно; иначе жъ бы я и не спрашивала.

Яковъ. Такъ надобно ихъ и назадъ доспашть, кто бы ихъ ни взялъ.

Дарья. Какъ же бы это сдѣлать? — Намъ всегда бываетъ дурно, югда въ домъ случится пропажа. Какъ бы мы честныи ни были, а все кажется будшо насъ подозрѣваютьъ.

*Гжа. С**.* Какъ же быть! и честной человекъ въ такомъ случаѣ не долженъ сердиться, когда у него спрашиваютъ о пропажѣ, чшобы узнать виноватаю.

Яковъ. Меня хоть обыскашь прикажите, сударыня! — Кто виноватъ, тотъ больше всѣхъ сердился, когда его подозрѣваютъ.

Дарья. Что ты говоришь, Яковъ! — Боже насъ сохрани отъ шакова безчестья, чтобъ насъ обыскивать спали!

Яковъ. А для чего жь? Чего боишься? — Не уже ли у тебя совѣсть не чиста?

Дарья. Какъ! что ты говоришь! — У меня совѣсть не чиста? — ты говоришь, будто я — ?

*Гжа. С**.* Не сердись, Дарья! Не уже ли ты не понимаешь, что онъ шутишь? — Да онъ и правду сказалъ —

Дарья. Правду? — такъ и вы, сударыня, думаете, будто я —

*Гжа. С**.* Переспанъ же дурачишься! Никто и не думалъ тебя подозрѣвать. За чью ты такъ горячо вступаешься?

Яковъ. Что ни говори, Дарьюшка! а обыску тебѣ не миновать.

Дарья. Посмотримъ! Да когда ты исправной егеръ, такъ и безъ обыску можешь узнать, куда марки дѣвались. Егери и ворожеи —

Яковъ. Что? — Я ворожея?

Дарья.

Дарья. А чтожь? Исправной егерь всегда умѣетъ немножко ворожить, ты и самъ въ этомъ не запрешься; либо ты своего дѣла не знаешь.

Яковъ. Хорошо, что ты не заяцъ, а то бы я показалъ тебѣ, какъ я свое дѣло знаю.

Гжа С.*.* Вы меня изъ терпѣнія выводите своимъ вздоромъ.

Яковъ. Извольте сами разсудить, сударыня! лъзя ли мнѣ на шароспи это ошъ нее стерѣшь. Она бранишя, говоришъ такую нелѣпицу —

Гжа С.*.* Молчи!

Дарья. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, когда бы я была на вашемъ мѣстѣ, я топчасъ послала бы къ ворожеѣ. Говоряшъ, будто онъ умѣюшъ опыскивать, что пропало.

Гжа С.*.* Какъ ты глупа! Не уже ли ты не можешь понять, что никогда бы ничего не пропадало, ешьли бы такіе люди въ самомъ дѣлѣ были?

Дарья. Однакожь моя матушка и покойница бабушка разсказывали мнѣ много такихъ случаевъ. — Въ одномъ домѣ, гдѣ моя матушка занималась, пропали однажды —

Гжа

*Гжа. С**.* Пожалуй побереги пустые свои рассказы до другога времени.

Яковъ. У нее, сударыня, эшова добра всегда много; беречь не для чего.

Дарья. Вонъ, Яковъ, какъ шы золь! шы все еще бранишься —

*Гжа. С**.* Замолчи же, Дарья, либо пойди вонъ!

Дарья. Какъ изволише, сударыня! шолько я на вашемъ мѣспѣ послала бы за ворожеею. Недалеко отъ насъ живешъ одна —

Яковъ. Выслушайте меня, сударыня! — Не прикажишели позвать сюда всѣхъ дѣшей? Я вздумалъ шеперь кое-что, и мы вѣрно узнаемъ виновашаго. — Тебѣ, Дарьюшка, напередъ совѣшую, когда у тебя совѣсшь не чиста —

Дарья. Перестань шупишь; я не люблю эдакихъ шупокъ. Когда бы у меня совѣсшь не чиста была, не спала бы я совѣшовашь, чшобы послали за ворожеею. — Ты на меня разсердился, какъ я сказала, чшо шы ворожишь умѣешь; а шеперь шы самъ эшо сказалъ.

*Гжа. С**.* Изрядно, Яковъ! я довольна буду швоею выдумкою; шолько бы эшо было съ благоприсшойносшю и безъ обиды. Чѣмъ меньше шуму, шѣмъ лучше.

Яковъ.

Яковъ. Все будешъ хорошо, сударыня, ежели никшо мнѣ не помѣшаетъ и не испоршитъ мою выдумку.

*Гжа. С**.* Чшо жь ты хочешь сдѣлать?

Яковъ. Не погнѣвайтесъ, напередъ вамъ эпова не скажу; вы сами скоро увидите. Прикажете шолько позвать сюда дѣшей; а я схожу шеперь за моимъ ворожеею, чшобъ онъ былъ готовъ, когда понадобится. (*уходитъ.*)

Я В Л Е Н И Е V.

*Гжа. С**.* Дарья.

Дарья. Вы слышали, сударыня, чшо онъ пошелъ за ворожеею. Какъ бы я боялась, когда бы знала за собою чшонибудь худое! Хорошо шому, у кого совѣсть чиста.

*Гжа. С**.* Развѣ ты не примѣчаешь, чшо онъ шупитъ надъ шобою? Онъ хитръ. Повѣрь мнѣ, чшо я не спала бы держать его въ моемъ домѣ, естли бы онъ занимался шакимъ вздоромъ, какому ты вѣришь.

Дарья. Очень хорошо, сударыня; чшо-то вы тогда скажете объ эшомъ вздорѣ, когда эшо сбудешя?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Презнія. Николаша.

Гжа С***. Чшо, Николаша? не сѣткались ли марки? не пы ли куда нибудь ихъ замашли? Опъ тебя эшо можешъ спашься.

Николаша. Нѣштъ, машушка; на чшо мнѣ ихъ? Я самъ никогда бы и вѣ руки ихъ не взялъ: — Лизанька прислала меня къ вамъ.

Гжа С***. Спрашивала ли она, чшо ей приказано? узнала ли она чшо нибудь?

Николаша. Она всѣхъ насъ привелѣ вѣ безпокойшво. Алексаша, Митинька и Маша хошяшъ прійни къ вамъ и оправдашься.

Гжа С***. Имѣ эшо не нужно; я и вамъ не сполько вѣрю, сколько имѣ.

Николаша. Г. Подбираловъ разсердилса. Онѣ говоритъ, чшо эшо ему очень обидно, и онѣ никогда не думалъ, чшобы вы имѣли о немъ такое худое мнѣніе.

Гжа С***. Я не думаю, чшобы сеспра швоя спросила у него неучшиво?

Николаша. Нѣштъ, сударыня; она все сдѣлала шочно такъ, какъ вы ей приказали. — Онѣ хошѣлъ пошчасъ уйши домой; однакожь сеспра его уговорила его;

его, чтобы онъ остался. По счастью, шляпа его здѣсь. Онъ говоритъ, что непременно все это расскажетъ своему башюшкѣ.

*Гжа С**.* Отецъ его скоро сюда будетъ, и я сама все ему расскажу.

Николаша. Между тѣмъ онъ все проситъ, чтобы вы позволили имъ прийти къ вамъ и извиниться.

*Гжа С***.* Въ чемъ имъ извиняться, если онъ ничего не знаетъ о пропажѣ? Да я никого изъ нихъ и не подозреваю въ такомъ подломѣ дѣлѣ. Однакожь я знаю, сколько дѣпи любопытны и легкомысленны. Онъ любитъ все пересма-тривать, все брать въ руки. Легко можешь спастись, что ктонибудь изъ нихъ забывшись унесъ съ собою марки безъ всякаго дурнова намѣренія. — Но я слышу, что онъ сюда идетъ. Дарья, пойдѣ отсюда, и посмотри между тѣмъ, что Яковъ дѣлаетъ.

Дарья. (уходя) Хорошо, что совѣсть у меня чиста; а чтобы я и подойти къ нему боялась.

(Продолженіе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Наказанное корыстолюбіе.

Въ 1762 году Французской посланникъ, отправленной въ Англію для заключенія мира, проѣзжалъ чрезъ городъ Каншербури. Тракширщикъ, у котораго онъ останавливался въ семъ городѣ, почелъ сей случай весьма удобнымъ къ своей выгодѣ и потребовалъ съ него за ночлегъ 50 гиней, надѣясь, что посланникъ долженъ будучи спѣшить въ Лондонъ, не захочетъ долго съ нимъ спорить. Посланникъ сперва удивился столь неумному требованію, но заплатилъ 50 гиней и не думалъ больше о томъ. Тракширщикъ радовался несправедливой своей добычѣ. — Но жители Каншербурійскіе узнавши о семъ поступкѣ, почли его поношеніемъ своему опечесству и вознамѣрились наказатъ подлаго тракширщика. Они согласились съ дворянами, жившими въ сосѣдствѣ, не приспавать никогда въ его домъ. Простой народъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Такимъ образомъ корыстолюбивой тракширщикъ лишился своихъ доходовъ, и въ наказаніе за свою несправедливость, изъ достаточнаго человека сдѣлался нищимъ.

Д В Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Продолженіе комедіи , начатой въ послѣд-
немъ листѣ.*

Я В Л Е Н І Е VII.

Гжа. С** . Николаша. Лизанька. Г. Под-
бираловъ. Наташа. Алексаша. Мишинь-
ка. Маша.

*(Дѣти вошедши кланяются Гжѣ С**.)*

Г. Подбираловъ. Мы слышали суда-
рыня , что сегодня пропали у васъ марки,
копорыми мы играли. Намъ это очень
прискорбно. Однакожь мы не думаемъ,
чтобъ вы подозрѣвали насъ, будшо мы ихъ
взяли. По крайней мѣрѣ я за себя и за
сестру мою опвѣчать могу.

Гжа. С** . Могу ли я имѣть такое
гнусное подозрѣніе на молодыхъ людей ва-
шего состоянія? Да я не думаю, чтобъ
и дочь моя была сполько неучлива —

Наташа. Нѣтъ, сударыня ; она спро-
сила шолько, не взялъ ли кто нибудъ изъ
насъ марокъ забывшись, либо не поло-

Часть VIII. № 41. Г жилъ

жилъ ли куда нибудь. — Чшо касается до меня, я ничего о нихъ не знаю.

*Гжа. С**.* Я въ помѣ и увѣрена. Однако жь эшо могло спашься. Иногда и со мною случается, чшо я забывшись положу чшо нибудь не къ мѣспу и послѣ сама ищу эшой вещи. — Виноваты шолько дѣши мои, по шому, чшо они взяли марки безъ моего позволенія.

Алексаша. Обѣ насъ, сударыня, вы знаете, чшо мы въ вашемъ домѣ ничего безъ позволенія взять не осмѣлимся.

Митинька. Бапюшка не пушилъ бы насъ къ себѣ и на дворъ, когда бы мы чшо нибудь шакое сдѣлали.

Маша А я рада побожиться, чшо я не виновата.

*Гжа. С**.* Изрядно, любезныя дѣши! я уже сказала вамъ, чшо никого изъ васъ не подозрѣваю. Ештли бы пропало чшо нибудь другое, то я и не спросила бы у васъ; но я имѣю причину жалѣшь обѣ эшой пронажѣ, и не знаю, какъ ее ошыскашь.

Г. Подбир. Повѣрьте, чшо мы не польшимся на чужую вещь, хошя бы она была и гораздо лучше вашихъ марокъ. У васъ въ домѣ ешь люди; — они не всегда бывають вѣрны; — цо крайней мѣрѣ

въ

вѣ́ нашемъ домѣ́ часто бывали примѣры —

Лизанька. Я увѣряю васъ, что у насъ такихъ примѣровъ никогда не бывало.

Николай. И я ошвѣчаю вамъ за всѣхъ нашихъ домашнихъ, какъ за себя.

*Гжа. С**.* Ты говоришь слишкомъ надежно. — Признаюсь, что я и сама имѣю довѣренность ко всѣмъ моимъ людямъ. Однако жъ есшлы вы что нибудь за ними примѣшили, то скажите мнѣ; вы сдѣлаешѣ мнѣ одолженіе.

Г. Подбир. Нѣшть, сударыня, я — я ничего не примѣшилъ. — Правда, какъ мы были въ саду, то ваша дѣвушка входила сюда —

*Гжа. С**.* На нее могу я во всемъ положитьсь. Она уже давно мнѣ служилъ и много имѣла случаевъ ушайшь вещи гораздо большей цѣны, шакъ, чшобы никто не думалъ и подозрѣвашъ ее, когда бы шолько она захотѣла это сдѣлать.

Г. Подбир. Еще былъ здѣсь шарой вашъ егеръ. — Ему не повѣрилъ бы я ни въ чемъ; у него самое канальское лицо. —

*Гжа С**.* Ахъ! у кого переняли вы такое дурное слово? — Не смолшря на лицо его, которое вамъ шолько не пошривилось, я вѣрю ему во всемъ. Онъ слу-

жилъ еще покойному моему опцу, и когда бы онъ могъ быть невѣренъ, то я не стала бы вѣришь даже и вамъ и самой себѣ.

Г. Подбир. Такъ можетъ быть безъ насъ входилъ кшонибудь въ эту комнату.

*Гжа. С**.* Я пойду теперь спросишь объ эпомъ; а вы между шѣмъ можете чѣмъ-нибудь заняшь, чтобъ вамъ не было скучно.

Г. Подбир. Позвольте мнѣ итти домой. (*Николашѣ.*) Не знаешели вы гдѣ моя шляпа?

Николаша. Яковъ спряталъ ее; надобно у него спросишь.

Наташа. Остаешься и дождись бапюшки; онъ будетъ гнѣвашся, естлишь уйдешь отсюда пѣшкомъ.

*Гжа. С**.* Я не допущу васъ эшо сдѣлать. Бапюшка вашъ будетъ сегодня у насъ ужинашь, и послѣ ужина вы пойдете вмѣстѣ съ нимъ. (*Она уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе.

Г. Подбир. (*Лизанькѣ и Николашѣ.*)

Я удивляюсь, какъ ваша мапушка можетъ имѣшь на насъ такое подозрѣніе. Возможно ли, чшобы люди нашего сосшоянія сдѣлали шакое гнусное дѣло?

Лизанька. Вы напрасно эшо говорите. Кшо васъ подозрѣваетъ? Мапушка хошѣла шолько спросить, не знаемъ ли мы чего нибудь о маркахѣ. Она совсѣмъ и не думала, чшобы кшо нибудь изъ насъ взялъ ихъ съ намѣреніемъ.

Г. Подбир. Для чего и эшова не подумать! Ошѣ людей подлаго сосшоянія (*смотря на Алексашу и Митиньку*) и эшо спанется; да имъ и неприлично бышь вмѣстѣ съ благородными людьми.

Алексаша. Вы на насъ смотрите. Видно, чшо вы о насъ говорите. Но я вамъ скажу, чшо здѣсь шолько шого почишающъ благороднымъ, кшо имѣетъ благородныя мысли.

Г. Подбир. Какъ ты дерзокъ, мальчикъ! — И ты себя называешь благороднымъ человекѣмъ! а я тебѣ сказываю, чшо я не пустилъ бы тебя къ себѣ на дворъ со всѣми швоими благородными мыслями.

Николаша. Вапюшка и мапушка наѣши за щастіе почишаюшѣ, чпо могушѣ воспитывашѣ насѣ сѣ такими добрыми дѣшми, каковы мои друзья, которыхѣ вы здѣсь видите.

Лизанька. Это правда; и я увѣряю васѣ, чпо я перенимаю у Машиньки очень много добраго, чего бы у васѣ не переняла я никогда?

Наташа. Брашецѣ, когда ты будешь умнѣе?

Г. Подбир. Ты слишкомѣ умна, сестрица. Вѣрно ты и сама по же думаешь, чпо я, шолько не сказываешь. Помнишь ли ты, чпо мапушка намѣ часто говаривала: подлые люди и подлые мысли имѣюшѣ?

Николаша. Такѣ вы думаете, чпо мои друзья могушѣ взять себѣ чпонибудь чужое?

Митинька. Развѣ вы видѣли у насѣ марки, или видѣли, чпо мы входили безѣ васѣ вѣ эту комнапу?

Маща. Я видѣла, какѣ Г. Подбираловѣ самѣ все здѣсь бралѣ вѣ руки, все пересмапривалѣ.

Г. Подбир. (подбѣгаетѣ къ ней и хочетѣ ее ударить, но другіе удерживаютѣ

ютъ его.) Какъ! что ты говоришь, негодница? вопль я шебъ —

Николаша. Остановишесь, Г. Подраловъ! Чшо вы дѣлаете?

Алексаша. Ударыте меня, естли смѣете; вы увидите, что я васъ не боюсь.

Г. Подбир. Я не хочу связываться съ такими рабьями, какъ вы.

Лизанька. Г. Подбираловъ показываетъ свою храбрость только надъ маленькими дѣвушками.

Г. Подбир. За честь свою я всегда вспуплюсь.

Наташа. Эша дѣвушка могла бы и помолчать.

Николаша. Она еще дитя; а дѣшамъ можно простишь, когда онъ говоритъ правду.

Наташа. Также и сѣкушъ ихъ, когда онъ говоритъ, чего имъ ненадобно говоришь.

Г. Подбир. Правду? она говоритъ правду? — что вы хотите сказать?

Лизанька. Чшо жь? эшо и вѣ самомъ дѣлѣ правда, что вы здѣсь все пересмаширили.

Я В Л Е Н И Е IX.

Презніе. Гжа С**.

*Гжа. С**.* Чшо вы дѣлаете, дѣшн мои? Я слышала у васѣ шумѣ.

Г. Подбир. Я надѣюсь, сударыня, чшо вы накажете эшихѣ рабашѣ за шо, чшо они меня обидили.

*Гжа. С**.* Они васѣ обидили? Эшо для меня удивительно. — Но чѣмѣ же они васѣ обидили?

Николаша. Г. Подбираловѣ говорилѣ о нихѣ презришельно, а они эшова не шерпѣли.

Алексаша. Онѣ говорилѣ, будшо насѣ можно подозрѣвашѣ вѣ пропашѣ марокѣ, по шому, чшо мы не благородные; а я ошвѣчалѣ ему, чшо здѣсь почишаешѣ шопѣ благороднымѣ, кшо имѣешѣ благо-родныя мысли.

*Г С**.* (Г. Подбиралову.) не уже ли сами вы сомнѣваешѣсь вѣ эшомѣ?

Г. Подбир. Нѣшѣ, сударыня, я знаю, чшо эшо правда; но сестра его сказала обо мнѣ, будшо я —

Маши. Я сказала шолько, чшо Г. Подбираловѣ все здѣсь вѣ комнашѣ пересмашривалѣ; а онѣ кошѣлѣ меня за эшо ударить.

Гжа.

*Гжа. С**.* Ударить? — Нѣтъ, этому не лѣзя повѣрять;

Наташа. Извините моего брата; онъ очень вспыльчивъ.

*Гжа. С**.* Въ его лѣта рано еще быть вспыльчивымъ; да эшо свойство и ни въ комъ не похвально.

Я В Л Е Н И Е X.

Презніе. Яковъ (приноситъ въ корзину пѣтуха, покрытаго платкомъ.)

Яковъ. Нѣтъ, сударыня! изъ людей вашихъ никто не виновашъ Я радъ за всѣхъ побожиться. Пѣшухъ мой вѣрной угадчикъ и меня не обманешъ.

*Гжа. С**.* Пѣшухъ швой? какая связь между швоимъ пѣшухомъ и нашею пропажею?

(Дѣти начинаютъ смѣяться.)

Яковъ. Да, мой пѣшухъ. Вотъ онъ! (поднимаетъ платокъ и показываетъ голову пѣтуха.) Однако эшо не простой пѣшухъ. Другова шакова пѣтуха нигдѣ не сыщешъ. Онъ мнѣ сказываетъ, чего никто не знаетъ. Когда пропадетъ какаянибудь вещь, я отъ него шотчасъ
Г 5 узнаю

узнаю, кто ее нашелъ. Когда кто украдетъ чтонибудь, онъ заспавишъ отдашь украденое, хошя бы оно спрячано было подъ землю.

Лизинька. Это не дурно; онъ можешъ и намъ сказать, куда марки наши дѣвались.

Яковъ. Для того-то я и принесъ его сюда. Онъ никогда еще меня не обманывалъ и угадывалъ всегда безъ ошибки, о чемъ я у него спрашивалъ.

Маша. Развѣ онъ умѣетъ говорить?

Яковъ. Конечно умѣетъ — по своему, какъ пѣтухи говорятъ. Они покушъ и разумѣютъ другъ друга, такъ же, какъ люди свои рѣчи разумѣютъ.

Николаша. Для чего ты намъ давно не сказалъ объ этомъ чудномъ пѣтухѣ?

Яковъ. Для того, что пропажи никогда не случалось.

Лизинька. Машушка, позвольте ему показашъ намъ это диво.

*Гжа. С**.* Изрядно, пусть онъ угадывашъ. По крайней мѣрѣ это можешъ послужить намъ забавою.

Яковъ. Надобно, что бы здѣсь было немно.

*Гжа. С**.* Это легко можно сдѣлать; пойди, закрой шелько окны

Лизанька. Пойди же поскорѣе!

(*Яковъ выходитъ ; между тѣмъ дѣти подходятъ къ корзинѣ , приподнимаютъ платокъ и заглядываютъ туда ; одинъ только Г. Подбираловъ стоитъ поодоль и оказываетъ нѣкоторое безпокойство.*)

Николаша. Въ самомъ дѣлѣ это не простой пѣшухъ ; какіе у него свѣщлые глаза !

Наташа. Какой большой гребень !

Г. Подбир. Перестань , сестрица ! какъ тебѣ хочешь занимаешься такимъ вздоромъ ? — Когда бы я зналъ , гдѣ мнѣ найши мою шляпу —

*Гжа. С**.* (*Г. Подбиралову*) Я сама все это принимаю за шушку и позволяю дѣлать это только для забавы. Сверхъ того мнѣ пріятно будетъ уличить Якова опытомъ въ его суевѣрїи ; онъ очень суевѣренъ и упрямъ въ своемъ предразсудкѣ. Такіе люди и себя и другихъ обманываютъ.

Г. Подбир. Такъ вы сами не вѣрите тому , что онъ сказываетъ ? — И я также думаю , что все это вздоръ.

*Гжа С**.* Конечно вздоръ !

Г. Подбир. Мы послѣ посмѣемся надъ нимъ. (*Окны закрываются и въ комнатѣ становится темно.*) Однако желалъ бы я

узнать, для чего ему надобно, чтобы здѣсь было темно?

Николаѣца. Въ самомъ дѣлѣ это страшно; у кого совѣсть чиста, и пому нельзя не бояться. Я не люблю быть въ темной комнатѣ.

Лизанька. Пѣшухѣ никого изъ насъ не увидишь; какъ же онъ спанешъ угадывать?

(Яковъ приходитъ.)

*Гжа С**.* Теперь довольно ли здѣсь темно?

Яковъ. Точно. шакъ, какъ мнѣ надобно. — Теперь у кого совѣсть чиста, тотъ останься здѣсь; а кто виноватъ, выйдъ вонъ!

*Гжа С**.* Изрядной совѣсть! кому захочешся добровольно вонъ выйти?

(Яковъ отнеситъ свою корзину въ уголъ, дѣлаетъ нѣсколько пустыхъ церемоній и обчерчиваетъ около ее кругъ.)

Яковъ. Теперь пусть всякъ изъ дѣшей подойдетъ сюда, погладишь пѣшука по спинѣ правою рукою, положишь руку за спину и отойдетъ въ сторону. Когда ешь изъ васъ кто нибудь виноватой, пѣшухѣ мой громко закричитъ, лишь только тотъ до него допронется.

(Дѣти смотрятъ другъ на друга и никто сперва подходитъ не хочетъ.)

Гжа.

Гжа. С.** Что жь вы стоите? или вы всѣ виноваты?

Маша (подходитъ къ корзинѣ и гладитъ пѣтуха.) Онѣ молчатъ; я не виновата.

Яковъ. Теперь въ спорону и руку за спину. (отводитъ ее въ сторону.)

Николаша (дѣлаетъ то же.) И я не виноватъ.

Лизанька. Закричи, ешьли хочешь солгать!

Наташа. Нѣтъ, онѣ все еще молчатъ. (Она позабываетъ положить руку за спину.)

Яковъ. Руку за спину!

(Алексаша и Митинька кланяются Г. Подбиралопу и указываютъ ему, чтобы онѣ шелъ напередъ. Кажется, что онѣ боятся подойти.)

Гжа С.** Подойдите; не испортили нашей шушки!

(Г. Подбираловъ подходитъ къ корзинѣ; Алексаша и Митянька послѣдуютъ за нимъ; послѣ того всѣ дѣти начинаютъ смѣяться.)

Маша. Что, Яковъ? пѣтухъ швой обманщикъ; онѣ ничего не знаютъ.

Гжа. С.** Либо всѣ вы свободны отъ подозрѣнiя, либо пвое искусство, Яковъ, ничего не стоить.

Яковъ.

Яковъ. Нѣтъ, нѣтъ! искусство мое хорошее искусство. Пошерпише только; никто не прогайся съ мѣсна. Мнѣ надобно теперь принеси сюда свѣчу: при огнѣ все иначе поидетъ. А вы, сударыня, прикажише дѣшамъ, чѣобъ онѣ сшояли спокойно, покамѣстъ я хожу за свѣчою.

(*Уходитъ.*)

Никоста. Спранной человекъ! что онѣ еще хочетъ съ нами дѣлать?

Маша. Позвольте мнѣ еще посмотрѣшь на этова спраннаго пѣшуха.

*Гжа. С**.* Ты очень любопытна. Не сходи со своего мѣсна.

Алексаша. Развѣ ты не можешь подождать?

Наташа. Посмотримъ, чѣмъ это кончится!

Яковъ (принеситъ свѣчу и подходитъ къ каждому изъ дѣтей по порядку, начиная съ *Маши.*) Покажише мнѣ руку! (Она показываетъ ему лѣвую руку.) Не эту, а шу, что за спиною! — Изрядно; вы невиновашь.

Маша (посмотрѣвши на руку и испугавшись, кричитъ:) Ахъ! что сдѣлалось съ моею рукою? она черна, какъ уголь.

Яковъ:

Яковъ. Не бойшесь, опять бѣла будетъ, лишь только я захочу.

(Дѣти всё смотрятъ себѣ на руки; Яковъ старается ихъ отъ того удержатъ и кричитъ: „Поспойте! подождите!“, но онѣ не слушаютъ его и сходятъ со своихъ мѣствъ.)

Николаша. Фи! и у меня рука также черна.

Лизанька. И у меня — проклятой Яковъ!

Наташа. Скарёдой пѣшухъ!

Алексаша. Фи! какія у меня манжеты!

Митинька. И мои пальцы!

Г. Подбир. (поднимаетъ руку и показываетъ ее съ хвостовскимъ видомъ.) А у меня обѣ руки чисты!

Яковъ (подбѣгаетъ къ нему и хватаетъ его за камзолъ.) Вы-шо и взяли марки; сей часъ ошдайте ихъ, а не шо я сдѣлаю всего васъ чернымъ, какъ уголь, и на всю жизнь такимъ останетесь.

Наташа. Братъ мой будетъ черенъ, какъ уголь?

Яковъ. Да, какъ уголь — какъ Арабъ — какъ воронъ.

Наташа. Брашець, не ужели ты и въ самомъ дѣлѣ — ошдай скорѣе, ешь-ли онъ у тебя.

Гжо.

*Гжа. С**.* Яковъ, смотри, что пые дѣлалась!

Г. Подбир. (поблѣднѣвши и въ большомъ смущеніи.) Не ужели я — можешъ бышь — забывшись — (ищетъ у себя въ карманахъ.) Эшо правда, онѣ были у меня въ рукахъ — (Притворяется, будто нечаянно нашелъ марки въ своемъ карманѣ.) Ахши! — вошѣ онѣ и въ самомъ дѣлѣ! какъ эшо могло спашься?

(Всѣ дѣти стоятъ въ удивленіи и *Г. Подбираловъ* дрожитъ.)

*Гжа. С**.* Яковъ! вынеси отсюда свѣчу и свою корзину и разкрой окна. (Говоритъ ему на ухо.) Не сказывай никому, что здѣсь сдѣлалось.

Яковъ. Слышу, сударыня. (уходитъ.)

*Гжа. С**.* Вы, дѣши мой, пойдите въ ту комнашу и умойте себѣ руки.

Маша. Да смоешься ли эшо у меня еѣ руки? не всегда ли она такъ останешся?

*Гжа. С**.* Не опасайся; эшо не иное что, какъ шолько сажа. — Вамѣ, г. Подбираловъ, не нужно мышь руки, и вы можете здѣсь ошашься.

(Дѣти уходятъ.)

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е.

Окончаніе комедіи: невинная ворожба.

Я В Л Е Н І Е X I.

Гжа С**. Г. Подбираловѣ.

*Гжа. С**.* Спыдишесь подлаго ва-
шего поступка! — вы были прежде
сполько горды, чпо не хопѣли бышь
вмѣстѣ съ честными дѣшьями, для шого
шолько, чпо онѣ не шакова происхожденія,
какѣ вы — вы думали, чпо для васѣ
безчестно бышь вмѣстѣ съ ними; а обез-
честили сами себя такимѣ поноснымѣ дѣ-
ломѣ.

Г. Подбир. Простите меня, суда-
рыня! — я игралѣ шолько вашими мар-
ками — и забывшись — я самѣ не
знаю, какѣ онѣ попались ко мнѣ —

*Гжа. С**.* Пустыя выдумки! Есть-
ли бы эшо вѣ самомѣ дѣлѣ шакѣ было,
шо вы не отрелись бы поискашь ихѣ у
себя вѣ карманѣ, какѣ скоро у васѣ объ
нихѣ спросили, и опдашь. Тогда бы при-

чили эшо вашему разсѣянiю и извинили бы васъ. Но вы —

Г. Подбир. Эшо не пришло мнѣ тогда на умъ; къ шому жь я спыдился и одного подозрѣнiя на меня.

*Гжа С**.* Дочь моя спрашивала съ оспорожностiю, и вамъ нѣчего было спыдишься.

Г. Подбир. Я совсѣмъ тогда позабылъ, что бралъ марки, и что онѣ могли у меня оспашься.

*Гжа. С**.* Однако жь послѣ объ эшомъ вспомнили; иначе жь вы не побоялись бы такъ же допронушься до пѣшуха и погладить его, какъ и другiя.

Г. Подбир. Я эшо и сдѣлалъ; сударыня, я гладилъ его —

*Гжа. С**.* Перестаньте, не прибавляйте лжи къ подлomu вашему поступку; онѣ и самъ собою очень мерзокъ. Хорошо, что вы поглупости еще скрышь его не умѣли. Вы не догадались, что и у васъ рука также бы черна была, какъ и у другихъ, есть ли бы вы допронулись до пѣшуха. По невѣжеству подумали вы, будто Яковъ мой въ самомъ дѣлѣ воровить умѣетъ, побоялись обличить себя, а чрезъ шо самое и обличили себя передъ всѣми. — Бапюшка вашъ порадуется узнавши

узнавши объ этомъ приключеніи; я расскажу ему все, какъ скоро онъ къ намъ пріѣдетъ.

Г. Подбир. (бросается предъ нею на колѣни.) Ахъ; сударыня! для Бога, не сказывайте ему объ этомъ! онъ прибѣдетъ меня до смерти.

*Гжа. С**.* Это лучше, нежели воспиасть шакова человека, кошорой наноситъ безчестіе всей своей фамиліи. Чего наконецъ отъ васъ не спанешся; когда вы и въ такихъ уже молодыхъ лѣтахъ способны къ такимъ гнуснымъ дѣламъ?

Г. Подбир. Я клянусь вамъ; что впредъ ничего шакова не сдѣлаю.

*Гжа. С**.* Можеть быть вы уже не однажды это обѣщали. По всѣмъ обстоятельствомъ можно догадаться, что вы сегодня не въ первой разѣ сдѣлали этогъ просупекъ. Вы пришворялись шакъ безспыдно —

Г. Подбир. Повѣрьте мнѣ; что я сдѣлалъ это и въ первой и въ послѣдній разѣ. Расскажите обо всемъ моему батюшкѣ; еслили вы еще узнаете обо мнѣ что нибудь дурное; только шеперь проспите меня и не сказывайте ему.

*Гжа. С**.* Съ этимъ только уговоромъ и могу я согласиться на вашу

прозьбу. Но вѣ моей ли волѣ скрышь сегодняшнее приключеніе? Дѣши и домашніе мои всѣ о немѣ знаюшѣ. Ахѣ! я не могу безѣ ужаса и подумаешѣ о томѣ, какія слѣдствія эшо имѣешѣ. — Но скажише мнѣ, чшо вы хощѣли дѣлаешѣ сѣ марками? У себя ли хощѣли вы ихѣ удержашѣ, или продаешѣ, или подарите кому нибудѣ.

Г. Подбир. Я и самѣ не знаю, чшо бы я сѣ ними сдѣлалѣ. Онѣ мнѣ понравились, и я взялѣ ихѣ для шого шолько, чшобы ихѣ имѣешѣ.

*Гжа. С**.* Состояніе ваше опасно. Желаетѣ чужихѣ вещей даже безѣ намѣренія и доставаетѣ ихѣ такимѣ образомѣ! Признайшесѣ откровенно, вѣ первой ли разѣ вы эшо сдѣлали?

Г. Подбир. (запинаясь и плача.) Н — нѣшѣ, сударыня! — я и прежде частю уносилѣ у моихѣ пріятелей игрушки и другія вещицы — и какѣ эшова никшо еще не зналѣ — шо я думалѣ, чшо —

*Гжа. С**.* Вы думали, чшо и всегда можете дѣлаешѣ эшо безопасно. Негодная мысль! — Но можете бышѣ сегодняшнее приключеніе послужитѣ вѣ вашу пользу, когда вы получите наказаніе, какое вы заслужили.

Г. Подбир. Ахъ, сударыня! я съ охотою вытерплю всякое наказаніе, только бы башюшка мой не узналъ что я сдѣлалъ. Скажите объ этомъ моей машушкѣ, скажите моему гофмейстеру — онъ спрогъ, однако жъ справедливъ. —

*Гжа. С**.* Изрядно, я пощажу вашего башюшку отъ непріятнаго извѣстія, естли вы на нынѣшнихъ дняхъ привезете ко мнѣ вашего Гофмейстера, и при немъ дадите обѣщаніе отсташь отъ гнуснаго своего порока. Я попрошу его, чтобъ онъ рачительно примѣчалъ ваши поступки и при первомъ случаѣ, когда вы не сдержите своего обѣщанія, рассказалъ бы обо всемъ не только башюшкѣ, но и всѣмъ вашимъ знакомымъ. Соглашаетесь ли вы на это?

Г. Подбир. Я сдѣлаю все, что вы прикажете — Но ваши дѣши —

*Гжа. С**.* Вотъ какъ одно дурное дѣло ведешъ за собою и другое! я сама принуждена буду сказать имъ неправду въ ваше извиненіе.

Г. Подбир. Ахъ, сударыня! я во всю жизнь буду васъ благодарить.

*Гжа. С**.* Однако еще условіе! Вы должны просить прощенія у добрыхъ дѣшей, которыхъ вы обидили своимъ пре-

зрѣніемъ и на кошорыхъ вы хотѣли навесипи подозрѣніе въ пропажѣ.

Г. Подбир. Я признаюсь, что я виноватъ предъ ними, и съ охотою буду просить у нихъ прощенья.

*Гжа. С**.* Недовольно одного признанія; надобно исправиться. Научишься изъ эпова случая, какъ гордость наказывается. Какъ вы шеперь унизились передъ шѣми, которыхъ вы прежде презирали! — Я запретила бы вамъ знакомство съ моими дѣшми, еспли бы я не надѣялась, что вы исправитесь. — Попросите сами дѣшей, чтобъ онѣ никому не сказывали о вашемъ приключеніи.

ЯВЛЕНІЕ. XII.

Прежніе. Наташа. Николаша. Лизанька
Алексаша. Митинька. Маша.

Наташа (бѣжитъ къ своему брату.)
Что вы надѣлалъ, бращецъ! посмотри, что шебѣ достанется отъ башюшки, когда онѣ объ эпомъ узнаетъ!

*Гжа. С**.* Проступокъ его не такъ великъ, какъ вамъ кажется. Онѣ взялъ марки забывшись безъ всякова намѣренія. Я охотно въ эпомъ ево извиняю. (*Алекса-*

шѣ и Митинькѣ) Только въ помѣ не могу его извинить, что онѣ васѣ обидилѣ.

Алексаша. Мы просимѣ васѣ и въ эпомѣ его извинить. Намѣ учили, что обидѣ помнитѣ не должно.

*Гжа. С**.* Вотѣ подлинное благородство! Господинѣ Подбираловѣ, вы можете отѣ него научиться, въ чемѣ оно состоитѣ.

Митинька. Мы и не скажемѣ никому, что сегодня между нами случилось. Не правда ли, Машинька, и ты также никому объ эпомѣ не скажешь?

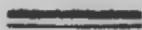
Маша. Никому не скажу. Миѣ жалко бы было, когда бы Г. Подбиралова побранили, а можетѣ быть еще и высѣкли.

Г. Подбир. (*подходитѣ къ Алексашѣ и Митинькѣ и обнимаетѣ ихѣ.*) Вы меня въ стыдѣ приводите своимѣ великодушіемѣ. — И такѣ вы подлинно никому не скажете о дурномѣ моемѣ поступкѣ?

Алексаша. Вы можете въ помѣ на насѣ положиться.

Наташа. Однако жѣ я сама все рас-скажу башюшкѣ; ты и себя обезчестилѣ, и ему стыдѣ нанесѣ.

*Гжа. С**.* Вы очень дурно сдѣлаете, естѣли не простите своего брата, когда

и мы всё соглашаемся позабыть его просупокъ. Вы можете поступить гораздо лучше: примѣчайте за нимъ, и если онъ впредь сдѣлаетъ такой же просупокъ, то скажите мнѣ; намъ и тогда будетъ еще время наказать его.

Г. Подбир. Простите меня только теперь, и будьте увѣрены, что впредь я ничего такого не сдѣлаю.

*Гжа. С**.* Сдержите жь свое слово!

Маша. Да, сдержите свое слово; а не то Яковъ сдѣлаетъ васъ Артомъ.

VI.

Нравоучительныя мысли.

Кто не привыкаетъ заблаговременно быть осторожнымъ въ вещахъ не большой важности, тогда современемъ будетъ пренебрегать и самыя важныя вещи.

Надлежитъ рачительно избѣгать всякаго хвастовства: оно всегда бываетъ прошивно либо правдѣ, либо скромности, и оказываетъ недоспадокъ разума и испорченной вкусъ.

Тотъ всѣхъ удобнѣе бываетъ обмануть, кто почиаетъ себя умнѣ другихъ.

Никто не долженъ болѣе опасаться презрѣнія, какъ шопъ, кто въ самомъ дѣлѣ презрѣніе заслуживаетъ.

Мы часто были бы принуждены стыдиться самыхъ лучшихъ нашихъ дѣлъ, еслибы бѣ другіе могли всегда знать, по какимъ причинамъ мы ихъ дѣлаемъ.

Непріятели, копорые судяшъ о насъ слишкомъ строга, дѣлающъ намъ больше пользы, нежели друзья, копорымъ все въ насъ нравися. Отъ первыхъ часто слышимъ мы правду, а другіе всегда скрываютъ ее отъ насъ.

Исправляшъ свои недоспашки гораздо менѣе стоишъ шруда, нежели только прикрывать ихъ.

Умѣренность предохраняетъ отъ болѣзней и дѣлаетъ жизнь пріятною; напротивъ того неумѣренность есть сѣмя безчисленныхъ непріятностей.

Кто въ себѣ мало имѣетъ пороковъ, тотъ не любитъ и въ другихъ пороки находить.

VI.

Дѣтская любовь и благодарность.

Молодой Робертъ споялъ со своею лодкою у берега въ Марсельской гавани и дожидался, не прійдетъ ли кто нибудь, кого бы могъ онъ перевезти. — Пришелъ незнакомой человѣкъ и сѣлъ въ его лодку, но потчасъ хотѣлъ оцѣпъ сойти съ нее, думая, что хозяина ея шупъ не было, ибо онъ не почиалъ Роберта перевозчикомъ.

„Эта лодка моя, сказалъ Робертъ: скажише только, куда вамъ надобно ѣхать.“

„Я хотѣлъ только нѣсколько разъ проѣхать по гавани, чтобы насладиться нрѣявношью прекраснаго вечера, отшвѣчалъ незнакомой. „Но ты совсѣмъ не похожъ на перевозчика и говоришь не такъ, какъ твои поварищи говорятъ.“

Робертъ Это правда, я не перевозчикъ, а отправляю эшотъ промыселъ только по воскресеньямъ и по праздникамъ, чтобъ выработывать больше денегъ.

Незнакомой. Фи! возможно ли въ швои лѣша бышь тамъ корыстолюбиву? — я эшова онъ тебя не ожидалъ.

Робертъ. Ахъ! ешъли бы вы знали, для чего я спараюсь копить деньги, то вѣрно не жехулили бы меня.

Незнакомой. Можетъ статься, что я несправедливо о тебѣ подумалъ; но тебѣ надлежало бы лучше объясниться. Расскажи мнѣ о своихъ обстоятельствеяхъ; я хочу принять участие въ твоей печали.

Робертъ. У меня только та печаль, государь мой, что отецъ мой находится въ плѣну, а я не въ состояніи его выкупить.

Незнакомой. Отецъ твой находится въ плѣну? гдѣ? и какимъ случаемъ попался онъ въ плѣнъ?

Робертъ. Собравши себѣ небольшой капиталъ, накупилъ онъ товаровъ и отправился на корабль въ Смирну, чтобы продать ихъ. На пути корабль взятъ былъ морскими разбойниками и опведенъ въ Тетуанъ, что на Африканскомъ берегу. Тамъ бѣдной мой отецъ и понынѣ живетъ въ неволѣ вмѣстѣ съ своими спутниками. Требуяшъ за него выкупу 2000 шалеровъ. Но мы не въ состояніи заплатить такую большую сумму. Между тѣмъ мать моя и сестры работаютъ день и ночь, чтобы современемъ собрать сколько денегъ. Я также пружусь прилжно у Ювелира, моего хозяина, и сверхъ того по праздникамъ пользуюсь свободнымъ временемъ шахъ, какъ вы видите. Мы живемъ сколько можно умѣрен-

нѣе и нанимаемъ одну только комнашу.
 — Сперва, хотѣлъ я самъ ѣхать въ Тешуанъ и добровольно пойти въ неволю вмѣсто отца моего. Но мать моя узнавши объ этомъ предпріятіи, увѣрила меня, что невозможно произвести его въ дѣйство, и упростила всѣхъ корабельщиковъ, которые тогда въ Левантъ отпра- влялись, чтобы они не брали меня съ собою.

Незнакомой. Получаешь ли ты иногда извѣстія о своемъ отцѣ? Знаешь ли, кто господинъ его въ Тешуанъ, и какъ его содержатъ въ неволѣ?

Робертъ. Господинъ его надзиратель надъ садами шамошняго владѣльца; по- сшупающъ съ нимъ не очень жестоко и работа его не слишкомъ тяжела. Но мы разлучены съ нимъ; мы не можемъ подать ему ни утѣшенія, ни помощи въ шрудахъ; онъ удаленъ отъ насъ, удаленъ отъ любимой супруги и отъ дѣшей, ко- торыхъ любилъ онъ весьма нѣжно.

Незнакомой. Какъ называется отецъ швой въ Тешуанъ?

Робертъ. Онъ не перемѣнилъ своего имени и называется такъ же, какъ и въ Марсели, Роберто

Незнакомой. Называется Робертомъ , и господинъ его надзирашеть надъ садами шамошняго владѣльца ?

Робертъ. Да , государь мой !

Незнакомой. Нещаспие швое меня прогаешъ. Ты мнѣ кажешься достойнымъ лучшей участи , и я опваживаюсь обѣщать тебѣ , что обстоятельство швои перемѣняшся. Имѣй только упованіе на Бога. —

Незнакомой замолчалъ , задумался и не говорилъ уже болѣе ни слова. Начиало шемно спановишся ; онъ вышелъ на берегъ , опдалъ молодому Роберту свой кошелекъ , и ушелъ опъ него такъ скоро , что шотъ не имѣлъ времени и поблагодарить его. Въ кошелькѣ было шестнашцать червонныхъ и десять шалеровъ серебряными деньгами. Робертъ весьма шпрунулъ былъ столь чрезвычайною щедростію. На другой день ходилъ онъ по всему городу , чшобъ сыскашъ своево благодѣтеля и поблагодарить его ; но шщешно ! нигдѣ не могъ его найти.

Между шѣмъ нещаспное семейство продолжало неушомимо работашъ , дабы собрать нужную сумму.

Въ одинъ день , какъ они хотѣли сѣсть за умѣренной обѣдъ , состоявшій
изъ

изъ хлѣба и сушеныхъ плодовъ, вдругъ увидѣли — сколь велико было ихъ удивленіе! — увидѣли отца своего Роберта; вошедшаго къ нимъ въ комнату. Онъ одѣшъ былъ изрядно: — „Супруга моя! любезныя мои дѣти! „вскричалъ онъ; бросаясь въ ихъ объятія: „какъ могли вы освободить меня такъ скоро? Освободившись получилъ я эшо плащье и пятьдесятъ червонныхъ, кошпорыя отданы мнѣ были, какъ скоро взошелъ я на корабль; гдѣ уже напередъ заплачено было за перевозъ и за содержаніе меня. Скажите; какъ могли вы все эшо мнѣ доставить, будучи сами въ такой бѣдѣ; въ какой я васъ вижу?

Жена Робертова была въ изумленіи и не имѣла силъ отвѣчать ему; она обнимала только своего мужа и проливала радостныя слезы. Дочери ея были въ такомъ же состояніи: Молодой Робертъ сперва сидѣлъ неподвиженъ на своемъ стулѣ, по томъ упалъ, лишившись чувствъ. Мало по малу мать его пришла въ состояніе говорить; она еще обняла своего мужа и говорила ему; указывая на своего сына: „Вотъ твой избавитель! Намъ надобно было собрать 2000 талеровъ; чтобъ тебя выкупить; и по большей части

спи его трудами собрали мы уже половину. Но безъ сомнѣнiя нашелъ онъ благодѣшелей, которые пронуты будучи его добродѣшелью, ссудили его деньгами; сколько надобно было для выкупу. Безъ сомнѣнiя ему одолжены мы нашимъ щасшiemъ; и сверхъ того кошѣлъ онъ нечаянно насъ обрадовать: Но поспѣшимъ подать ему помощь! „

Мать и сестры сѣвшиди помочь молодому Роберту; долго лежалъ онъ безчувственъ; наконецъ открылъ глаза и устремилъ томные взоры на отца своего; но не могъ еще говорить.

Отецъ стоялъ въ задумчивости и молчалъ; по томъ съ огорченiemъ обратился къ своему сыну и сказалъ ему: „несчастной! что ты сдѣлалъ? Какъ могъ ты скрыть мое освобожденiе отъ своей матери; ештли ты освободилъ меня не поноснымъ способомъ? Какъ могъ ты въ твои лѣта и въ твоемъ состоянii достать столько денегъ, не впадши въ какое нибудь ужасное преступленiе? Спрашусь услышать правду; но признайся откровенно и умерши насъ своимъ признанiemъ; ештли пересталъ ты быть честнымъ человекомъ! „

Молодой Робертъ , вставши съ шрудомъ , ошвѣчалъ : „ успокойтесь , башюшка ! обнимите вашего сына ; онъ не сдѣлался недоспойнымъ эпови названія. — Не мнѣ и никому изъ насъ одолжены вы свободю. Но я знаю нашего благодѣтеля. Машушка ! эпо потъ незнакомой , кошорой опдалъ мнѣ свой кошелекъ. — Онъ спрашивалъ тогда обспояшельно о башюшкѣ. Я сыщу его , приведу его сюда , чпобѣ и онъ насладился плодами своихъ благодѣнй , раздѣлилъ бы ихъ съ нами , и пролилъ бы вмѣстѣ съ нами слезы радости. „

По томъ рассказалъ онъ опцу о своемъ разговорѣ съ незнакомымъ , и опецъ успокоился.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ .)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Окончаніе повѣсти , начатой въ послѣднемъ
листѣ.*

Спокойствіе въ семействѣ Роберт-
вомъ возстановилось. Всѣ дѣла его шли
сѣ хорошимъ успѣхомъ. Чрезъ два года
сдѣлался онъ досташочнымъ человекомъ,
и вмѣстѣ сѣ женою и дѣтьми своими
наслаждался благополучіемъ. Ничего бы не
недоставало ихъ благополучію, есшьлибъ
только безпрестанныя развѣдыванія мо-
лодаго Роберта не оставались тщетны-
ми, и ему удалось бы найти неизвѣстна-
го благодѣтеля, которому они щасні-
емъ своимъ были одолжены.

Наконецъ исполнилось и сіе желаніе.
Нѣкогда прогуливаясь въ гавани, нашелъ
онъ незнакомаго. „Избавитель мой!“,
вскричалъ онъ и бросился въ безпамят-
ствѣ къ ногамъ его. Незнакомой спѣшилъ
помочь ему и послѣ спросилъ о причинѣ
сего восхищенія.

Молодой Робертъ отвѣчалъ: „Ахъ
государь мой! можете ли вы спрашивать

объ этомъ? Развѣ забыли вы о Робертѣ и несчастномъ его семействѣ, которое вы сдѣлали щасливымъ, возвративши ему любезнаго отца? „

Незнакомой. Ты ошибаешься, другъ мой! я тебя не знаю, и ты меня также знать не можешь. Я не здѣшній житель и очень не давно сюда прѣхалъ.

Молодой Робертъ. Все это можешь быть правда; но вспомните, какъ вы за два года здѣсь были, какъ вы прогуливаясь здѣсь въ гавани меня увидѣли; я рассказалъ вамъ о нашемъ несчастіи; вы спрашивали тогда обо всемъ обстоятельно, чшобъ сдѣлать намъ благодѣяніе. — Избавишель отца моего! можете ли вы забыть, что вы избавишель цѣлаго семейства, которому теперь ничего болѣе желать не осталось. какъ только васъ увидишь? — Совершите наше щасіе! раздѣлите съ нами нашу радость! смѣшайте слезы челоуѣколюбиваго своего сердца со слезами нашей благодарности!

Незнакомой. Другъ мой! я сказалъ уже тебѣ, что ты ошибаешься.

Робертъ. Нѣтъ, государь мой! я не ошибаюсь. Черты лица вашего глубоко вѣзаны въ моемъ сердцѣ. Невозможно
мнѣ

мнѣ было не узнатьъ васъ. Прошу, за-
кливаю васъ, пойдѣте со мною. —

Молодой Робертъ взялъ за руку не-
знакомаго и хотѣлъ вести его. Мно-
жество народа ихъ окружило.

Тогда незнакомой принялъ на себя
важной видъ и сказалъ: „Государь мой
вы только скучаете мнѣ безъ всякой для
себя пользы. Можете быть сходство въ
лицахъ подало вамъ поводъ къ ошибкѣ.
Опомнитесь; пойдите теперь домой и
успокойтесь; мнѣ кажется это очень для
васъ нужно. „

„Какая жестокость! вскричалъ моло-
дой Робертъ: „какъ я щепотно лежалъ у
ногъ вашихъ! вы пренебрегаете благодар-
ность, кошорою сердца наши къ вамъ на-
полнены. — Сograждане мои! помогите
мнѣ, помогите просить виновника наше-
го щастія, чшобъ онъ пошелъ со мною и уви-
дѣлъ бы плоды своего благодѣянiя. „

Незнакомой собралъ всѣ свои силы,
все свое мужество, дабы отказатьсь отъ
восхищительнаго удовольствiя, какое то-
гда ему было представляемо. Онъ ушелъ
и скрылся отъ глазъ молодаго Роберта,
оставивъ удивленному народу примѣръ ве-
ликодушiя, какова они прежде никогда
еще не видали.

Молодой Робертъ былъ внѣ себя. Оп-
вели его домой, гдѣ наконецъ сердце его
облегчилось пошюкомъ слезъ. —

По смерти уже сего незнакомаго,
узнали нечаянно, что онъ былъ Прези-
дентъ Монпескю, одинъ изъ самыхъ луч-
шихъ Французскихъ писателей. Онъ при-
обрѣлъ вѣчную славу своими сочиненіями.
Но одно сіе дѣло приносило ему болѣе
чести, нежели его сочиненія.

VIII.

О скромности.

*(Изъ письма къ молодому чело-
вѣку.)*

Скромность прилична молодому чело-
вѣку преимущественно предъ всѣми дру-
гими добродѣтелями. Но въ чемъ она
состоитъ? Кто называется скромнымъ?
Тотъ, кто въ присутствіи старшихъ не
говоритъ слишкомъ много, не вмѣшивается
во всѣ разговоры, не обо всемъ судитъ
хотя и въ состояніи судить о чемъ либо
справедливо. Кто жь хочетъ всѣхъ пере-
споривать и всѣмъ прошиворѣчить, тотъ
весьма удаленъ отъ скромности. Скром-
ной чело-вѣкъ не всегда пользуется своими
преимуществами предъ другими, хотя
онъ и по праву ему принадлежитъ.

Не

Не почитайте сію добродѣтель свойствомъ людей малодушныхъ, которое опнимаеѣтъ у насъ честь и уваженіе и дѣлаеѣтъ насъ презрительными. Нѣтъ, мы еще приобрѣтаеѣтъ себѣ скромностью почтеніе и любовь. Вы читали о Платонѣ, ученикѣ Сократовомъ. Мудросцію своею и ученостію заслужилъ онъ названіе божественнаго. Будучи уже извѣстенъ всѣмъ своимъ единосемцамъ по великимъ своимъ дарованіямъ, а можетъ быть также по сочиненіямъ и по наставленіямъ, какія онъ давалъ молодымъ людямъ, пріѣхалъ онъ иѣкогда смотрѣть Олимпійскія игры, куда собиралось изо всѣхъ мѣстъ безчисленное множество Грековъ. Онъ остановился въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ такими людьми, которые не знали его въ лицо и ему также были незнакомы. Ласковымъ и услужливымъ своимъ поведеніемъ и простыми разговорами, въ которыхъ не старался оказывать свою ученость, вошелъ онъ въ любовь къ симъ людямъ, такъ, что они радовались тому, что щастіе привело ихъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ. Онъ не говорилъ ни слова о Сократѣ и своемъ училищѣ, а только сказалъ имъ, что онъ называется Платономъ. По окончаніи игръ

возвратились они съ нимъ въ Аѳины, гдѣ онъ принялъ ихъ весьма ласково. „Покажи намъ, говорили они, славнаго ученика Сократа, коимъ называется однимъ съ тобою именемъ; поведи насъ въ его училище, дабы и мы могли воспользоваться мудрыми его разговорами. „Платонъ отвѣчалъ имъ по обыкновенію своему улыбаясь: „я самъ тотъ, кого вы желаете увидѣть. „Новые его знакомцы услышавъ это, дивились тому, что они живши съ нимъ столько времени не могли его узнать, и усмотрѣли, что онъ и не уча философіи можешь заставляешь любить себя.

Какъ вы думаете? Больше ли бы почтенія снискалъ Платонъ, если бы онъ на Олимпійскихъ играхъ тотчасъ далъ о себѣ знать, что онъ славной ученикъ великаго Сократа? Я думаю совсѣмъ противное. Если бы онъ всегда разговаривалъ со своими знакомцами только о безсмертіи души и о другихъ любимыхъ своихъ матеріяхъ, если бы онъ старался всегда ихъ переспоривать, не перпѣлъ никакова себѣ противорѣчія и не хотѣлъ говорить съ ними о такихъ вещахъ, которыя они разумѣли и которыя имъ были пріятны; то они стали бы избѣгать его обхожде-

нія и сказали бы о немъ : „можешь бышь эштошь человекъ довольно ученъ ; но онъ слишкомъ заняшь своею ученостію. Онъ все шо презираешь , чшо другіе говорятъ. Пустьъ оказываешь онъ свою ученость ученикамъ своимъ въ Аѳинахъ ; а мы не хотимъ слушать безиреспанные его споры о такихъ вещахъ , которыхъ мы не разумѣемъ. „ —

Грубость есть только высшая степень нескромности. Напрошивъ шого скромности и учивости весьма близки между собою. Если вы хотите , чшобы васъ вездѣ хорошо принимали , если вы , чшобы васъ уважали и имѣли доброе мнѣніе о вашемъ воспитаніи , разумѣ и поведеніи , шо будьте скромнѣ и учивѣ. Нескромность и неучивость , охота прошиворѣчить и неуступчивость поддадутъ другимъ поводъ думать о васъ , будшо вы воспитаны между мужиками. По крайней мѣрѣ я почти всегда заключаю такъ о молодыхъ людяхъ , когда слышу , чшо они бранятся , или спорятъ съ запальчивостію.

Клясья и божишья безъ причины весьма непристойно , особливо жъ дѣшамъ и молодымъ людямъ. Я повпору вамъ напоминаніе , которое вы уже часто ошъ

меня слышали: не злоупотребляйте имени Божія, какъ по дѣлаютъ многіе изъ вашихъ сверстниковъ, которые не чувствуютъ важности этого имени. Ужасно слышать, какъ они во всякихъ бездѣлицахъ призываютъ Бога во свидѣтеля и произносятъ святое сіе имя при всякомъ ничего не значащемъ случаѣ. Знающему и уваженія достойному человеку было бы весьма неприятно, если бы вы при всякомъ случаѣ и при всякой малости выговаривали его имя. Сколь же Всевышнему Существу должно быть неуютно такое злоупотребленіе Его имени!

Скромность всегда ведетъ за собою свою награду. Обыкновенно отказываютъ нескромнымъ людямъ въ томъ, чего они съ наглостію требуютъ; напрошивъ того скромнымъ даютъ то, чего бы они и просить не отважились. Правда, иногда скромностію терпимъ мы нѣкоторыя выгоды; но вообще снискиваетъ она болѣе почтенія и лучше бываетъ награждаема, нежели нескромность, которая часто присвоиваетъ себѣ непрінадлежащее. „Я хочу это имѣть; и мнѣ должно получить изъ этого часть; вамъ необходимо надобно со мною подѣлиться; отдайте только мнѣ, а сами гдѣ копите, тамъ берите!“ —

вопѣ

вопѣ выраженія наглой нескромности! Кому не будущѣ онѣ ненавистны? Люди любящѣ свою пользу. Они не любящѣ опдавать, особливожь когда говорящѣ имѣ, что они *должны* опдать, когда принуждающѣ ихѣ опдать что нибудь. Они пропивящѣ принужденію и угрозамѣ безстыднаго и наконецѣ ошгоняющѣ его оцѣ себя. Напротивѣ того скромному, кошорой не пребуещѣ и едва опваживаещѣ просить чего либо, дающѣ добровольно и часно болѣе, нежели сколько бы онѣ самѣ пошребовалѣ, для того, что не опасяющѣ ошѣ него принужденія. Скромнаго избирающѣ вѣ друзья, а нагаго и безстыднаго презирающѣ.

Ошѣ скромнаго человекѣ не опасаемся мы пренебреженія, или явнаго и упорнаго прошиворѣчія. Для того-то скромность бываещѣ намѣ весьма пріяшна вѣ другихѣ людяхѣ, хотя бы и сама мы не имѣли сея добродѣтели. Мы любимѣ скромнаго человекѣ за то, что онѣ не говоритѣ и не дѣлаещѣ ничего оскорбительнаго нашему чесполюбію. Онѣ выслушиваещѣ наши рѣчи не перерывая ихѣ, и когда бываещѣ одного сѣ нами мнѣнія, то охотно подтверждаетѣ наши слова; когда жѣ онѣ прошивное думаещѣ, то не прошиво-

рѣчитъ намъ прямо и не говоритъ : „это не правда; это не такъ; — но говоритъ : „не можешь ли это быть и такъ? — не можно ли еще сказать объ этомъ того и того? „ — Мы часто одобряемъ такое скромное сомнѣнiе, по тому, что оно не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго нашему честолюбію и не принуждаетъ насъ признаваться въ ошибкѣ, и мы получаемъ почтеніе къ тому человеку, который не хочетъ насъ присыидить, а подаетъ только самимъ намъ поводъ переменить несправедливое мнѣнiе, или лучше его выразить. Часто беремъ мы сами сторону того, кто противорѣчитъ намъ такимъ образомъ. Чѣмъ менѣе онъ принуждаетъ насъ согласиться съ нимъ, тѣмъ охотнѣе и скорѣе мы соглашаемся. Таково свойство людей. Вамъ надобно это знать. Молодому человеку нужно быть любиму и уважаему. Онъ имѣетъ нужду въ помощи многихъ людей, чтобы основать свое щастіе, и для того долженъ стараться подавать многимъ доброе о себѣ мнѣнiе, иначе жь не можешь ожидать помощи. Еслили онъ захочетъ возвышаться надъ другими хвастовствомъ и прекословіемъ, то другіе будутъ стараться его унижить. Еслили жь онъ

онѣ не будутъ почитать себя умнѣ другихъ, или по крайней мѣрѣ не будутъ требовать, чпобы всякой одобрялъ его мнѣніе, шо получаютъ выгодныя понятія о его благоразуміи. Современемъ сами вы усмотрите справедливость эшова, естли послѣдуете моему совѣшу. Я желаю, чшобъ вы никогда не испытали на себѣ вредныхъ слѣдствій нескромности, но воспользовались бы одними только наставленіями и чужими примѣрами, кошорыхъ вы, къ сожалѣнію, довольно увидите.

Я пишу къ вамъ все эшо, долженъ будучи пещись не только о томъ, чшобъ вы приобрѣшали познанія и успѣвали въ наукахъ, но также и о томъ, чшобъ вы умѣли пользоваться своими знаніями и не употребляли бы ихъ во зло. Много естъ молодыхъ людей, кошорые приобрѣвши нѣкошорыя знанія, думаютъ о нихъ слишкомъ высоко. Бывая вмѣстѣ съ другими, особливо жъ съ неучеными, спараются они показываться во всей своей пышности, не говорятъ ни о чемъ, кромѣ своихъ наукъ, судятъ обо всемъ смѣло, не кошатъ ничему учиться отъ другихъ, а шолько сами кошатъ всякаго учиться, и думаютъ снискашь шѣмъ себѣ уваженіе. Но они

весьма

весьма обманываются. Будьте умнее ихъ и берегитесь такъ поспупать! — Превосходныя наши достоинства возбуждаютъ въ другихъ зависть; отъ зависти происходитъ ненависть, а ненависть есть такое бремя, которое рѣдкіе сносятъ бывающъ въ состояніи.

Къ избѣжанію зависти находятъся два способа: либо совсѣмъ не имѣть достоинствъ; либо умѣть скрывать ихъ. Какъ вы думаете о первомъ? Не имѣть совсѣмъ достоинствъ, это по крайней мѣрѣ весьма легко. Но что бываетъ съ такимъ человѣкомъ, которой никакихъ достоинствъ не имѣетъ? Правда, никто ему не завидуетъ; но также и всѣ его презираютъ, что сколько же худо, какъ и то, если еще не хуже. Что жъ надлежитъ дѣлать, когда съ достоинствами подвергаешься зависти, а безъ достоинствъ презрѣнію, и въ обоихъ случаяхъ равно бываешь несчастливъ? Благоразумной человѣкъ выбираетъ первое; онъ старается приобретать столько достоинствъ, сколько ему возможно, но не хвастается ими и скрываетъ ихъ подъ покрываломъ скромности. Такимъ образомъ избавляется онъ отъ зависти и шѣмъ болѣе снискиваетъ себѣ чести.

Не опасайтесь, чшобѣ ваши достоинства не оспались совсѣмѣ неизвѣсшными и бесполезными для другихѣ, когда вы сами не будете искашь случаевѣ ихѣ оказывашь. Люди примѣчающѣ за нами болѣе, нежели какѣ мы думаемѣ. Они видящѣ наши дѣла, судящѣ о насѣ и берущѣ сѣ насѣ примѣрѣ. Когда жѣ мы подаемѣ доброй примѣрѣ, шо приносимѣ истинную пользу.

IX.

Ручаекѣ.

Ниса, молодая дѣвушка, сидѣла нѣкогда на берегу чистаго ручайка. Она любовалась видя вѣ немѣ, какѣ вѣ зеркалѣ, прекрасные цвѣшпы, голубое небо и щѣнистыя деревья, кошорыхѣ вѣшви колебались надѣ нею ошѣ шикаго вѣшерка. Но всего пріятнѣе было ей шо, чшо она видѣла вѣ немѣ и себя. — „Какѣ я хороша! вскричала она: „какѣ хороши мои волосы! какія у меня глаза! какія маленькія губки! какое нѣжное шѣло! „ — Она смотрѣлась вѣ ручаекѣ сѣ неописаннымѣ удовольствіемѣ и любовалась собою.

Вдругѣ вода вѣ ручайкѣ взволновалась и спала мушна. (Можемѣ бышь рабшпа
играл

играя на берегу, спали бросать въ него каменья, либо ошѣ чегонибудь другова илѣ со дна поднялся вверхъ.) Въ перемѣнчивыхъ волнахъ лицо Нисино казалось уже въ разныхъ безобразныхъ видахъ. Испугавшись, вскочила она, побѣжала къ своей матерѣ и рассказала ей, что она видѣла.

„Любезное дитя! говорила мать ея: ручаекъ даешъ тебѣ наставленіе. Когда ты ведешь себя хорошо и душа твоя наслаждается спокойствіемъ и тишиною, что ошѣ послушанія и добродѣтели происходитъ, тогда и лицо твое бываетъ нѣжно и пріятно, такъ, какъ чистой и прозрачной этошъ ручаекъ, и какъ ты себя въ немъ видѣла; тогда бываешь ты достойна любви и всѣмъ нравишься, такъ же, какъ тебѣ нравился ручаекъ, въ которомъ ты видѣла ясное небо и свое лицо. Но когда душа твоя мушится какоюнибудь сирасшью, гнѣвомъ, досадою, упрямствомъ, завистію, либо непослушаніемъ; тогда щасливое спокойствіе вдругъ пропадаешъ, лицо твое наморщивается, такъ же, какъ ручаекъ взволновался, рошѣ поднимается вверхъ и щеки опадающъ; однимъ словомъ, ты становишься ешоль же дурна и безобразна, сколько пре-

прежде была хороша и пріятна; ты бываешь тогда шоль же всякому прошивна, сколько прежде всѣмъ нравилась.

„Мамушка не въ самомъ ли дѣлѣ это такъ бываешь? „

Я себя въ помѣ увѣряю, отвѣчала мать, да ты и сама давно бы уже это примѣшила, если бы ты смотрѣлась въ зеркало, когда какая нибудь спроситъ побою овладѣетъ; но въ то время ты меньше всего о зеркалѣ думаешь.

„Не буду же я никогда сердиться, упрямиться и завидовать, чшобы я всегда была спокойна и хороша! „

Она сдержала свое слово, и когда какая нибудь спроситъ хошѣла овладѣть ея сердцемъ, потчасѣ вспоминала она о мушномъ ручайкѣ и о помѣ, чшо мать ея говорила.

Х.

Хитрость одного Американца.

Жители Сѣверной Америки состоятъ изъ Американскихъ урожденцовъ, копорыхъ предки издревле обитали въ сей части свѣша, и изъ потомковъ пѣхъ Европейцовъ, которые за нѣсколько сотъ лѣтъ переселились шуда изъ своего опечества.

Первые

Первые обыкновенно называются дикими и вообще почитаются глупыми людьми; но сколь это несправедливо, тому служилъ доказательствомъ слѣдующій анекдотъ.

Одинъ Европейецъ укралъ у дикаго лошадь. Дикой принесъ на него жалобу судья. Европейецъ долженъ былъ явиться къ ошвѣсту и привести украденную лошадь. Но онъ ушверждалъ упорно, что лошадь ему принадлежишь, и что онъ купилъ ее за полгода передъ тѣмъ. — „Изрядно, сказалъ дикой набросивши на голову лошади покрывало: „лошадь эта крива, и ешьли она такъ давно уже у тебя, то скажи, копорого глаза у нее нѣтъ. „ — Европейецъ не ожидавши шакова вопроса, принужденъ былъ ошвѣчашъ на удачу, что у лошади нѣтъ праваго глаза. — „Онъ неправду говоришь, вскричалъ дикой, снявши покрывало: „лошадь моя совсѣмъ не крива. „ — Судья видя самъ, что онъ говорилъ правду, возвратилъ ему лошадь и наказалъ Европейца.

XI.

Діогенъ и Критонъ.

Въ древнія времена жилъ въ Коринѣхъ нѣкто, по имени Діогенъ — человекъ весьма спранный. — Онъ велъ жизнь чрезвычайно умѣренную, не наблюдалъ никакихъ обычаевъ и чрезъ то поспупалъ иногда противъ благоприспойности; но впрочемъ дѣлалъ весьма много добра.

Нѣкогда встрѣтился съ нимъ Критонъ молодой человекъ, котораго Діогенъ любилъ за то, что онъ былъ доброй и еще неразвращенной юноша. „Куда ты идешь, Критонъ?“, спросилъ Діогенъ.

Къ пріятелю моему, Клиніасу, описывалъ юноша: онъ хочеть сегодня угощать молодыхъ своихъ пріятелей, и меня пригласилъ; тамъ будетъ очень весело.

Діогенъ. Я этому вѣрю; Клиніасъ богатъ и роскошенъ. Но ты не ходи къ нему.

Критонъ. Для чего не йти мнѣ къ нему?

Диогенъ. Для того, чтобы и тебе не сдѣлаться такимъ же порочнымъ, какъ самъ Клиніасъ.

Критонъ. Какъ это можешь спастись? Не уже ли я сдѣлаюсь порочнымъ отъ того, что проведу нѣсколько времени въ удовольствіи?

Диогенъ. Я желаю, чтобы ты и всегда проводилъ время въ удовольствіи, но только не въ шакомъ. Истинное ли то удовольствіе, о которомъ послѣ должно вспоминать съ раскаяніемъ? Клиніасъ и его знакомство для тебя опасны.

Критонъ. Не опасайся, Диогенъ; я тебе уже сказалъ, что хочу только провести нѣсколько времени въ удовольствіи, а развратишь себя я не допущу.

Диогенъ. Но это не въ швоей будешь состояшь волѣ, если ты не будешь избѣгать случаевъ къ развращенію. Порокъ сначала бываетъ пріятенъ, а ты еще молодъ и не въ состояніи пропить себя сильнымъ искушеніемъ. Сдѣлай мнѣ удовольствіе и возвратись домой къ своимъ родителемъ.

Критонъ. Это не возможно, Диогенъ; я далъ уже слово Клиніасу.

Диогенъ. Ты не хорошо сдѣлалъ; но еще хуже сдѣлаешь, если въ этомъ случаѣ

случаѣ сдержишь свое слово. Я люблю тебя и не допущу сегодня ипши ко Клиніасу.

Кришонѣ хотѣлъ еще говорить и доказывать, что ему невозможно опмѣнить свое намѣреніе; но Діогенѣ будучи весьма силенѣ, взялъ его за руку и безъ дальнихъ околичностей опшелъ домой прошивъ его воли. „Ты будешь имѣть право лишитъ меня своей любви, говорилъ онѣ идучи, естли я завтра не увѣрю тебя въ шомѣ, что шеперь справедливо съ тобой поступаю. Проведи нынѣшній вечеръ въ какомъ нибудь доброомѣ упражненіи; а завтра поштру я къ тебѣ прійду. „

На другой день поштру Діогенѣ пришелъ къ любимому своему юношѣ и нашелъ его совсѣмѣ уже одѣтаго. Послѣ обыкновеннаго между Греками привѣщствія, шо естшъ пожелавши ему радости, сказалъ онѣ: „По справедливости должно мнѣ взять на себя извинитъ тебя предѣ Клиніасомѣ и его гостями. Пойдемѣ къ нимѣ шеперь.

Критонѣ. Пойдемѣ, Діогенѣ; я хотѣлъ проситъ тебя обѣ эшомѣ, естли бѣ ты самѣ напередѣ маѣ эпова не предложилъ; для шого-шо и одѣлся я се-

годни шакъ рано. Я надѣюсь, что ты скажешь имъ, что я хопѣлъ вчера къ нимъ ипши, но ты меня удержалъ.

Диогенъ. Вѣрно скажу, не только это, но еще и больше. Но прежде походимъ по полю: утро весьма хорошо.

Кристонъ. Не лучше ли намъ ипши прямо къ нимъ, чтобы заспать ихъ дома? Можешъ быть они рано уйдутъ со двора.

Диогенъ. Не опасайся, другъ мой! я всѣхъ ихъ знаю. Они и обыкновенно вспающъ поздно, а сегодня, какъ я думаю, надобно имъ выспаться и за прошедшую ночь. Повѣрь мнѣ, что мы не опоздаемъ, естли придемъ къ нимъ около полудня.

По шомъ Диогенъ повелъ съ собою юношу за-городъ по шѣниснымъ лѣсамъ и благовоннымъ лугамъ въ шакое мѣсто, гдѣ напура блиспала во всемъ ея весеннемъ великолѣпнн. Кристонъ не совсѣмъ еще переспалъ досадовать на Диогена за то, что онъ вчера лишилъ его удовольствнн. Онъ любилъ и почиалъ Диогена, онъ кошпорого многому научился, но шакже любилъ и забавы, а особливо весело препроводилъ время вмѣстѣ со своими друзьями. Легко можно понять, что онъ буду-

чи

чи въ такомъ расположеніи сперва говорилъ съ нимъ очень немного.

Наконецъ Діогенъ примѣпилъ по лицу его, что онъ спановился веселѣе. „Чувствуешь ли ты, другъ мой, говорилъ онъ, какъ великолѣпной эпошѣ видѣ развеселяетъ твои мысли? Чувствуешь ли, какъ благовоніе, вокругъ насъ распространяющееся, расширяетъ грудь твою и сообщаетъ тебѣ нѣкопоруую легкость. Какое сильное волшебство находится въ Напурѣ! Однимъ шолько видомъ своимъ можетъ ова упишати наши страсти. Я самъ чувствую теперь ея благодѣтельное вліяніе. Еще со вчерашняго дня крылась во мнѣ досада на одного изъ моихъ друзей, на кошораго я разсердился за то, что онъ принудилъ меня сдѣлать нѣчто такое, чего мнѣ не хотѣлось. Но теперешняя наша прогулка и видѣ прекрасныхъ эшихъ мѣстъ совсѣмъ разогнали мою досаду и развеселили меня.

Критонъ. Разумѣю, Діогенъ! Ты сказываешь о себѣ то, что обо мнѣ думаешь; не правда ли? Признаюсь, что ты и не ошибся. Но я не сердился на тебя, зная, что вчерашній твой со мною поступокъ изъ доброжелательства ко мнѣ происходишь; я шолько безпокоился.

Ж 3

Діогенъ.

Диогенъ. О чемъ же ты беспокоился?

Критонъ. О томъ, что я и теперь еще не знаю причины, для чего ты вчера поступилъ со мною такъ строго.

Диогенъ. Скоро самъ ты ясно усмотришь эту причину, да мнѣ кажется, что ты и началъ уже усматривать ее. Не правда ли, другъ мой, что ты чувствуешь теперь все то, о чемъ я говорилъ: тѣло твое ощущаетъ нѣкошорую легкость, мысли твои спали свѣжѣе и возвысилась, вопросы твои упишились; короче сказать ты чувствуешь все благодушельное вліяніе окружающихъ насъ красотъ природы? Также усматриваешь ты, что это дѣйствіе не одно только минувшее удовольствіе намъ приноситъ, но большую и постоянную пользу, по тому, что оно способствуетъ сохраненію нашего здоровья, какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго; а ты знаешь, что все человеческое благополучіе на землѣ состоитъ въ здоровьѣ души и тѣла, и что всѣ человеческія старанія къ тому должны клониться.

Критонъ. Все это правда; но чѣмъ подалъ я тебѣ поводъ подозрѣвать меня, будто я и прежде не былъ во всемъ этомъ увѣренъ?

Диогенъ.

Диогенъ. Знаю что ты и прежде былъ въ эшомъ увѣренъ. Будучи жъ въ эшомъ увѣреннымъ, кажешся мнѣ, должно усмапривашь, что тѣ люди весьма неблаго-разумно посшужаютъ, которые лишаютъ себя такой большой пользы.

Критонъ. И въ эшомъ я съ побую согласенъ.

Диогенъ. Согласись же и въ шомъ, что Кливиасъ и веселые его знакомцы, которые и шеперь еще спятъ, принадлежатъ къ числу такихъ людей.

Критонъ. По чему намъ знать, что они шеперь еще спятъ? Можешъ бышь и они наслаждаются прекраснымъ нынѣшнимъ ушромъ также, какъ мы.

Диогенъ. Я это знаю. Идучи къ тебѣ, навѣдывался я объ нихъ и узналъ, что они разошлись уже сегодня на разсвѣтѣ. Они и обыкновенно такъ дѣлаютъ. Однако жъ напура не уступаетъ своихъ правъ. Тѣло наше усшроено такъ, что ему опѣ времени до времени необходимо нужно бываетъ усшроение; глаза наши такъ усшроены, что имъ нуженъ свѣтъ, дабы видѣть; свѣтъ досшаетъся намъ опѣ солнца, которое скрывается опѣ глазъ нашихъ и опять является по учрежденному порядку; оно свѣщитъ шоль-

ко днемъ, а ночное время бываетъ къ тому только удобно, чтобъ мы покоились. Вошъ какъ сама натура указываетъ, что намъ дѣлать! Ошъ натуры жъ не можно ни на одинъ шагъ уклониться, не удалившись при томъ на столько же ошъ истиннаго своего благополучія. Кто проводитъ ночь, въ какомъ нибудь упражненіи, тому естественно слѣдуетъ проспавъ день или провести его въ подобномъ сну состояніи; кто злоупотребляетъ время определенное для покоя, тому не можно имѣть участія въ удовольствіяхъ дневныхъ.

Критонъ. Однакожъ употребленіе земныхъ даровъ, пляска и музыка также удовольствіе приносятъ; и я думаю, что и это удовольствіе дано намъ ошъ Творца, которой все такъ премудро устроилъ.

Диогенъ. Правда. Но примѣчай великую разность между сими удовольствіями. Примѣчай что простое, всему нашему существу столь полезное удовольствіе, которое сама натура намъ доставляетъ, какъ оно безвредно, какъ безопасно можемъ мы имъ наслаждаться! Наслаждайся имъ, когда хочешь, приучай душу свою къ шѣмъ высокимъ размышлеціямъ, къ какимъ оно приводитъ: ты сдѣлаешь то, чего натура ошъ тебя требуетъ, а не болѣе.

Чѣмъ

Чѣмъ больше будешь ты открывать душу свою шѣмъ приятнымъ впечатлѣніямъ, шѣмъ лучше будешь ты спановишься. — Напротивъ того въ грубыхъ и искусствомъ вымышленныхъ забавахъ пересступи хотя одинъ шагъ за границу, которую при томъ еще и узнашь весьма шрудно, либо вдайся въ нихъ совсѣмъ : ты сдѣлаешься несчастнымъ человекомъ, больше или меньше несчастнымъ, смотря по тому, сколько ты въ нихъ вдашься. — Легко согласишься ты въ этомъ со мною въ разсудсннн употребленія земныхъ даровъ, особливо жъ вина, для того ты всякой день видишь примѣры, подтверждающіе истину словъ моихъ. Не говорю я о музыкѣ, для того, что она бываетъ только спутницею прочихъ чувственныхъ забавъ и злоупотребляемою спутницею. Ты усматриваешь, что опасными забавами называю я только употребленіе вина и пляску. Но ты желалъ бы послѣднюю выключить изъ эпова числа; ея-шо и желалъ бы ты печиташь совсѣмъ безопасною; не правда ли, любезной мой Кристонъ? Однако я не могу съ тобою согласишься. Пляска — такъ какъ новыя наши музыканты ее передѣлали и какъ она по большей части нынѣ введена,

— такая пляска разстроиваетъ наше шѣло сколько же, какъ и чрезмѣрное упопребленіе вина, и часто разстроиваетъ его еще гораздо скорѣе. Всѣ движенія въ ней принужденны, продолжается она всегда чрезмѣрно долго и время на то обыкновенно выбирается самое неудобное, такъ, что я почти не знаю, что вреднѣе здоровью, злоупопребленіе ли вина, или такое неразумное упопребленіе этой забавы. Подумай же, какія слѣдствія должны происходить, когда обое соединено бываетъ, какъ-то обыкновенно водится у молодыхъ нашихъ Коринвянъ!

Критонъ. Однако жь, Діогенъ, развѣ совсѣмъ не можно наслаждаться этими забавами безъ вреда? Развѣ не можно соблюдать въ нихъ надлежащую мѣру?

Діогенъ. Безъ сомнѣнія можно, другъ мой. Но ты какъ узнаешь эту мѣру? какъ будешь соблюдать ее? не всякую ли минушу будешь ошщупать ошѣ нее въ такихъ случаяхъ, когда ни разумъ, ни воля твоя не бывающъ свободны? Когда чувства твои очаровываются соединенною силою приманчивыхъ искушеній, и ложное оспроуміе легкомысленныхъ швоихъ собесѣдниковъ насмѣшками опровергаетъ твои права?

правила? — Гораздо удобнѣе могъ бы ты соблюдать надлежащую мѣру въ сихъ забавахъ, естли бѣ одинъ ими наслаждался. Но это было бы смѣшно, и онѣ лишились бы тогда цѣны своей, по тому, что оцѣ, какъ общественныя забавы, могутъ только въ сообществѣ подлинное приносить удовольствіе. И такъ мы должны только наслаждаться этими забавами не иначе, какъ въ *благоразумчомъ* сообществѣ.

Теперь, другъ мой, дошли мы до того, до чего я хотѣлъ тебя довести. — Кливіасъ и его пріятели по справедливости почищаются первыми между нѣмми неразумными людьми, которые злоупотребляютъ общественныя забавы къ своему собственному вреду. Они собираясь обыкновенно безъ всякаго мѣры погружаются въ распущенство, а по тому и слѣдствія ихъ забавъ бывають въ нихъ гораздо примѣннѣе и явнѣе. — Какъ ты думаешь? Въ какомъ они сегодня состояніи? Всѣ они больны, а нѣкоторые изъ нихъ, которые слабѣе другихъ сложеніемъ, и долго не оправятся; нѣтъ между ими ни одного, котораго бы я не могъ безъ труда свалить съ ногъ, хотя бы онѣ былъ вдвое меня сильнѣе; всѣ они положили вчера основаніе разстройкѣ своего здоровья,
либѣ

либо продолжали его разспроивать; наконецъ никто изъ нихъ сегодня не чувствуетъ въ себѣ ни охоты, ни силы къ добрымъ упражненіямъ. — Вошъ отъ какова сообщества вчера я тебя удержалъ, и вошъ какова удовольствія ты лишился! Но я показалъ тебѣ опасность его еще съ одной только стороны.

Критонъ. Все, что ты мнѣ сказалъ, въ изумленіе меня приводитъ. Я не могу повѣрить, чтобъ Клиніасъ и его пріятели, которыхъ я почиталъ умными людьми, въ состояніи были поступать столь неразумно.

Диогенъ. Въ самомъ дѣлѣ, любезной мой Критонъ, трудно понять, какъ могутъ люди разумомъ одаренные и не худо воспитанные злоупотреблять такимъ образомъ забавы, услаждающія жизнь человѣческую. Щастливъ ты, если еще кажешься тебѣ совсѣмъ непонятно. — Но кто знаетъ людей, тотъ знаетъ, что это правда, и кто сколько примѣчалъ за нашими Коринѳянами, какъ я, знаетъ, что я не сказалъ ничего лишняго о Клиніасѣ и подобныхъ ему. — Мнѣ не нужно увѣрять тебя въ томъ словами; ты самъ можешь то увидѣть, въ чемъ теперь сомнѣваешься. Возвратимся въ городъ и пойдемъ

демъ къ нимъ; можешъ бытъ они къ тому времени уже вспанушъ.

Критонъ. Да, пойдѣмъ скорѣе, Діогенъ! Мы неперпѣливо хочешся узнать, въ самомъ ли дѣлѣ Клиніасъ и его пріятели споль неразумно послушали.

Діогенъ. Ты скоро это увидишь; но спѣшишь намъ не для чего. Поибрь мнѣ, что всѣ они лежатъ еще въ постеляхъ, какъ бы прикованные.

Юноша преодолѣлъ свою неперпѣливость; и такъ не спѣша пошли они обратно въ городъ по другой дорогѣ. Идучи Діогенъ изъясвилъ ему свое удовольствіе за терпѣливость и вниманіе, съ какимъ онъ его слушалъ. Критонъ отвѣчалъ ему съ жаркимъ чувствованіемъ благодарнаго сына, кошорой размышляя, отъ времени до времени болѣе увѣряется въ пользѣ и необходимости мудрыхъ опеческихъ совѣтовъ. По томъ шли они нѣсколько времени въ молчаніи, пока Критонъ опять говоритъ началъ: „Скажи мнѣ, Діогенъ, какія шѣ размышленія, къ кошорымъ ведетъ насъ видъ прекрасной напуры, какъ ты прежде говорилъ, и кошорыя дѣлаютъ насъ лучше и щаспливѣе?“

Діогенъ. Тѣ самыя, любезной мой Критонъ, кошорыя вѣрно самъ ты часто уже

уже имѣлъ, но только не усматривалъ ясно связи ихъ съ шѣми важными слѣдствіями, о какихъ я говорилъ, а именно, размышленія о величествѣ, благости и премудрости Творца. Такія размышленія весьма для насъ полезны и благотворны. Онѣ полезны для разума нашего, по тому, что занимающъ его самыми достойнѣйшими предметами, а чрезъ то распространяющъ его, просвѣщающъ, исправляющъ, и такимъ образомъ способствуютъ познанію истины и добра. Это самой лучшей плодъ нашего размышленія, по тому, что онѣ ведутъ съ собою и познаніе нашихъ должностей. Онѣ полезны также для сердца нашего, по тому, что очищающъ волю нашу познаніемъ истины и добра и способствуютъ тому удовольствію, безъ котораго мы никогда счастливы быть не можемъ. — Вотъ какую пользу и выгоду получаемъ мы отъ шѣхъ размышленій, къ которымъ видъ прекрасной натуры подастъ намъ поводъ, и такимъ-то образомъ наслаждаясь почасу красотами натуры спановимся мы лучше.

Намъ опредѣлено жить здѣсь для того, чтобы познавать Создателя изъ дѣлъ Его и посредствомъ этого познанія

быть

бышь добрыми и щаспливыми въ сообществѣ нашихъ ближнихъ. Исполненіе опредѣленія нашего есть истинная мѣра нашего достоинства. — Вотъ великая истина, которую должно тебѣ знать и никогда не выпускать изъ памяти.

Не думай, другъ мой, будто все это пустыя только слова, занятыя изъ философіи наизусть выученной, или будто я приписываю вліянію прекрасной натуры лишнее, чего оно въ самомъ дѣлѣ и не имѣетъ. Нѣтъ, все, что я тебѣ говорилъ, все это истины, которыя сами при видѣ натуры представляются душамъ неразвращеннымъ и современемъ въ каждой изъ нихъ развиваются, въ иной болѣе, въ другой менѣе, смотря по тому, чѣмъ чаще и непрерывнѣе онѣ ими занимаются! Я увѣренъ, что и ты самъ на себѣ часто уже это испытывалъ.

Критикъ. Это правда, Діогенъ! Бывая одинъ въ полѣ, всегда занимался я такими размышленіями, и всегда находилъ, что послѣ того становился я веселѣе и щасливѣе.

(Продолженіе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

 XII.

Что всего труднѣе и что всего легче?

Одинъ изъ семи Греческихъ мудрецовъ, которые въ древности весьма были славны, назывался Фалесомъ. Нѣкогда спрашивали у него: что всего легче и что всего труднѣе?

Труднѣе всего, отвѣчалъ Фалесъ, узнать самаго себя и свои пороки, а легче всего примѣчать чужіе пороки.

Онъ же встрѣпившись нѣкогда со знакомымъ человѣкомъ, поздравилъ его по тогдашнему обычаю учтиво; но тотъ прошелъ мимо и не поблагодарилъ его. Друзья Фалесовы думали, что ему, какъ славному и почтенному человѣку, должно почестъ за обиду такой грубой поступокъ. Но онъ сказалъ имъ: „неужели мнѣ постыдно быть учтивѣе его?“

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Діогенъ и Критонъ. (Продолженіе.)

Критонъ. Но скажи мнѣ, Діогенъ, отъ чего это происходитъ, что не всѣ любящъ наслаждаться прекрасною нашею и не всѣхъ дѣлаешь она лучше и щасливѣе, хотя и всѣ имѣющъ свободу ея наслаждаться?

Діогенъ. Въ самомъ дѣлѣ надлежало бы этому дѣйствию премудраго учрежденія Божія бытъ столько же всеобщимъ, сколь оно само по себѣ велико и вѣрно. Но что не всѣ его ощущающъ, это происходитъ не отъ самаго учрежденія, но отъ особеннаго разврата нѣкоторыхъ людей, которыхъ оплакивать никогда перестать не можно. Особенно съ того времени, какъ ввелась несчастливая шонкость во нравахъ, которая нынѣ столь часто служишъ вмѣсто добродѣтелей, многіе люди совсѣмъ не находятъ вкуса въ простыхъ и столько для насъ полезныхъ пріятностяхъ

натуры, либо не чувствуютъ ихъ сполько, чтобы онѣ могли производить надъ нами спасительное свое дѣйствіе. Вниманіе такихъ развращенныхъ людей бываетъ весьма разсѣяно и устремлено на другія не стоящія того вещи, и чувствительность ихъ бываетъ весьма ослаблена, такъ, что они при видѣ прекрасной натуры не могутъ того мыслить и чувствовать, что неразвращенной, разумомъ и сердцемъ еще здоровой человѣкъ чувствуетъ. Иначе жь возможно ли человѣку часто смотрѣть на великія зрѣлища въ натурѣ — на восхожденіе и захожденіе солнца, на разнovidное великолѣпіе земли въ пріятныя времена года, на усѣянное звѣздами небо и на шикой мѣсяцъ — возможно ли часто смотрѣть на сіи зрѣлища и не сдѣлаться лучше?

Критонъ. Діогенъ, я усмаприваю какія опасности миѣ предспоятъ. Ты обратилъ на нихъ мое вниманіе. Какъ я шобою обязанъ! —

Занявшись симъ разговоромъ, они непримѣтно приблизились къ городу. Недалеко отъ городскихъ ворошъ встрѣшилась съ ними большая повозка, въ которой нѣсколько человѣкъ ѣхали на праздникъ

никъ въ ближнюю деревню. — Въ ту самую минушу, какъ повозка проѣзжала мимо Крипона, выпалъ изъ нее младенецъ, котораго неоспорожная мать съ рукъ уронила. — Остановись! закричалъ юноша, бросился къ повозкѣ и подхватилъ младенца, не давши ему упасть. Діогенъ не успѣлъ еще подбѣжать къ нему на помощь, какъ онъ зацѣпившись платьемъ за колесо упалъ на землю, держа дитя въ рукахъ. Діогенъ испугался, подбѣжалъ къ нему и спрашивалъ не потерпѣлъ ли онъ какованибудь вреда. Но бодрой юноша тотчасъ вскочилъ и подалъ спасеннаго младенца его матери, которая между тѣмъ спѣшила выйти изъ повозки. Радость изображена была на лицѣ его.

„Всемогущій отецъ челоѣкъ! вскричалъ Діогенъ: „сохрани сего юношу; онъ будетъ нѣкогда лучшимъ изъ швореній Твоихъ. „

Обрадованная мать со слезами благодарности приняла дитя свое изъ рукъ Крипона. Діогенъ благодарилъ его такъ, какъ бы получивши отъ него какое нибудь великое благодѣяніе.

„За что благодарить ты меня, Диогенъ, говорилъ юноша: „развѣ я что нибудь чрезвычайное сдѣлалъ?“

Диогенъ. Нѣтъ, ты сдѣлалъ только доброе дѣло. Мнѣ должно бы еще шеперь напомнить тебѣ о той осторожности, какая должна управлять нашимъ челоуколюбіемъ при сильныхъ движеніяхъ сердца спремительнаго на помощь ближнему. Но я шеперь не расположенъ къ такимъ напоминаніямъ и оставляю это до другаго случая.

Критонъ. Правда, поступокъ мой былъ нѣсколько ошваженъ; но въ ту минуту не думалъ я объ этомъ. Жизнь дитяши была въ очевидной опасности; мнѣ необходимо должно было поспѣшить къ нему на помощь, хотя бы я и потерпѣлъ отъ того какой нибудь вредъ.

Диогенъ. Изрядно, другъ мой! мы поговоримъ объ этомъ въ другое время.

Между тѣмъ вошли они въ городъ. Тогда было уже около полудня, и большая часть городскихъ жителей, отправивъ упревленія дѣла свои, обѣдали.

„Помнишь ли ты, говорилъ Диогенъ Кришону, что намъ еще сдѣлать осталось? Я сбѣжалъ итти съ тобою ко
Клини-

Клиніасу и его пріятелямъ, чтобъ извинишь себя предъ ними; или ты хочешь освободить меня отъ эпова?

Критонъ Я не могу тебя принудить, Діогенъ; однако желалъ бы чтобъ ты пошелъ къ нимъ со мною; иначе жъ я долженъ буду самъ извиняться и прійду въ немалое затрудненіе.

Діогенъ. Не безпокойся; я исполню свое обѣщаніе. Хотя бы ты и охотно согласился освободить меня отъ того, однако жъ я долженъ доказать тебѣ, что я говорилъ правду. Посѣтимъ нѣкошорыхъ изъ сихъ господъ. Ближе всѣхъ ищи намъ сперва къ самому Клиніасу; онъ же какъ хозяинъ, одинъ только и имѣетъ право на швое извиненіе.

Они пошли ко Клиніасу; но приворошникъ его далъ имъ знать, что господинъ его нездоровъ и не можетъ никого принимать; и такъ они должны были уйти не видавши Клиніаса. Такой же опказъ получили они еще у троихъ его знакомцовъ; но Діогенъ, будучи больше знакомъ въ ихъ домахъ, выведалъ отъ болшивыхъ слугъ, что господа ихъ пришли домой уже на разсвѣтѣ и находящяся въ худомъ состояніи; двое изъ нихъ не

задолго предъ тѣмъ призывали своего лѣкаря, копорой для предупрежденія болѣзни одному изъ нихъ приписалъ лѣкарство, а другому пуспилъ кровь.

„Примѣчаешь ли ты, сказалъ Діогенъ, чѣмъ кончатся всѣ наши посѣщенія? Мы никого изъ нихъ не увидимъ. Однако жъ намъ необходимо должно поговоришь хотя съ однимъ. Пойдемъ ко Ксенофаншу; онъ живетъ въ эпомъ большомъ домѣ. Мнѣ надобно употребишь небольшую хитрость, чшобы съ нимъ увидѣться; я знаю нѣкоторыя его шайны.

Ксенофаншъ не употребилъ въ своемъ домѣ такой же осторожности, какую другіе его знакомцы употребили, и Діогенъ съ Критономъ вошедши уже въ его комнаты, нашли тамъ слугу, копорой сперва пошелъ доложитъ о нихъ своему господину, и по томъ возвратился къ нимъ съ отвѣтомъ, что его нѣтъ дома.

„Это неправда, другъ мой, сказалъ Діогенъ, смотря ему прямо въ глаза: скажи своему господину, что я Діогенъ и пришелъ отъ ростовщика Поликрапа, копорой соглашается дать ему въ заемъ ту сумму, копорой онъ претовалъ.

Слуга,

Слуга, приведенной въ замѣшательство симъ неожиданнымъ опвѣтомъ, пошелъ еще къ своему господину, и вскорѣ по томъ ввелъ ихъ къ нему съ учтивыми извиненіями.

„Проси меня, Діогенъ, что я сперва велѣлъ тебѣ отказать, вскричалъ Ксенофантъ, лежа еще на постелѣ: „мы вчера ужинали у Клиніаса, и послѣ того я не очень здоровъ и не хотѣлъ сегодня съ кѣмъ видѣться. Но если бы мнѣ пошчасъ сказали, что ты пришелъ — „

„Изрядно, сказалъ Діогенъ: „мы не имѣемъ причины жаловаться другъ на друга; я также обманулъ тебя, сказавши, что я пришелъ отъ Поликрата: разность только въ намѣреніяхъ нашихъ.

Ксенофантъ. Ты странной человѣкъ, Діогенъ; ты все принимаешь за важность.

Діогенъ. Совсѣмъ попрошивъ; я не требую отъ тебя извиненія. Но станемъ говорить о дѣлѣ, за чемъ я къ тебѣ пришелъ. Я пришелъ къ тебѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ извинить предъ тобою и предъ твоими пріятелями эшова молодого человѣка. Онъ обѣцалъ вчера быть съ вами и хотѣлъ сдержашъ свое слово,

но я удержалъ его отъ того силою. Клиніасъ сегодня не допустилъ насъ къ себѣ; и такъ мы надѣемся, что ты сдѣлаешь намъ услугу и перескажешь это ему и другимъ его пріятелямъ.

Ксенофантъ. Но какое право имѣешь ты удерживать силою того, кто хочешь итти ко Клиніасу, и какъ пріимешь Клиніасъ швое извиненіе?

Діогенъ. Какъ онъ пріиметъ мое извиненіе? — Объ этомъ я не забочусь; — думаю, что онъ будетъ имъ доволенъ. А чтобы онъ принялъ его такъ, какъ мнѣ надобно, то скажи ему еще, что я его, тебя и прочихъ вашихъ знакомцовъ почитаю развращителями молодыхъ людей, истребителями добродѣтели и благонравія, вредными обществу людьми, которыхъ бы скорѣе унять надобно.

Ксенофантъ. Ты забываешься, Діогенъ! вспомни, что ты въ моемъ домѣ.

Діогенъ. Я не могу этого забыть; все, что я вижу предъ собою и около себя, все мнѣ объ этомъ напоминаетъ.

Ксенофантъ. Діогенъ, мнѣ кажется, что ты стараешься разсердить меня. Но я только смѣюсь тому, что ты вступаешься въ такія дѣла, которыхъ ни мало

до себя не касаются. Какая тебѣ нужда въ помѣ, какъ мы живемъ?

Диогенъ. Ты лучше и поступишь не можешь. Сердишься тогда, когда ты не правъ, было бы рабство. Но ты спрашиваешь какая мнѣ нужда въ помѣ, какъ вы живете? Въ самомъ дѣлѣ мнѣ мало въ этомъ нужды, касательно до васъ самихъ; вы столько уже развратились, что мнѣ не можно васъ исправить. Но спроси лучше, какая мнѣ нужда заботиться объ этомъ молодомъ человѣкѣ, которому я не отецъ, не родственникъ и не опекунъ; спроси, я я буду ошвѣчать тебѣ: Всѣ честные люди мнѣ родственники, и всѣ неразвращенные юноши мои дѣти. Итакъ дѣлайте вредъ сами себѣ, губите свою душу и шло, разсировайте свое здоровье, злоупотребляйте всѣ свои силы и дарованія — дѣлайте все это, пока вамъ можно, ешьте не хотите принимать добрыхъ совѣтовъ; послѣ дадите вы ошвѣтъ Тому, кто снабдилъ васъ сими дарованіями и силами. Но вы разпространяете свое развращеніе и пріучаете къ своему образу жизни другихъ, которые могутъ еще быть добрыми людьми; — въ этомъ должны вы

дашь опвѣтъ гражданскому правительству, мнѣ и всѣмъ честнымъ людямъ. Я первой принесу на васъ жалобу въ судъ, есѣли вы не перестанете развращать другихъ юношей. — Не забудь и это пересказать Клиніасу и другимъ своимъ сообщникамъ.

„Пойдемъ, другъ мой, сказалъ онъ Кришону: „мы сдѣлали свое дѣло и долѣе не надобно намъ здѣсь оставаться. — Проси, Ксенофантъ! живи благополучно, есѣли можешь, и не позабудь пересказать пріятелямъ своимъ, что я тебѣ говорилъ.

Ксенофантъ не зналъ, что ему опвѣчать, и Діогенъ оставилъ его въ смущеніи, которое въ такихъ случаяхъ бываетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ нечистой совѣсти.

„Теперь видишь ты, что я говорилъ правду, сказалъ Діогенъ Кришону, вышедши на улицу. „Что я обѣщалъ тебѣ доказать собственнымъ твоимъ свидѣтельствомъ, то уже довольно теперь доказано. Повѣрь же мнѣ и въ томъ, чего не могу я тебѣ доказать такимъ же образомъ, а имянно: есѣли были за эпимъ ужиномъ другіе молодые люди, тебѣ подобные, но нѣкоторые изъ нихъ поше-
ряли

ряли свою невинность, другіе жъ еще болѣе запушались въ сѣши роскоши, изъ кошорой они можешъ бышь никогда уже не выпускаются. Вотъ та опасная спорона эшихъ забавъ, о кошорой упоминалъ я сегодня поушру; вотъ по чему такія собранія молодыхъ развращенныхъ людей сполько же опасны для добродѣтели, сколько пагубны для здоровья. И такъ проси мнѣ, что я нѣсколько грубо удержалъ тебя отъ вчерашняго ужина.,,

„ Не говори эшова, Діогенъ! ошвѣчалъ юноша пожавши его руку: „ не говори эшова, ешлы не хочешъ, чшобы я самъ себя спыдился. Проси меня шы, добродѣтельной человекъ! прости меня въ томъ, что я могъ нѣсколько минутъ на тебя досадовать. Теперь я усмашриваю, что я былъ на опасномъ пуши, думая, что я шолько на пуши къ удовольствію. „

„ Будь всегда въ эшомъ увѣренъ, сказалъ Діогенъ, и будешъ въ состояніи прошивишься многимъ искушеніямъ. „ — Сказавши сіе, поцѣловалъ омъ его такъ, какъ нѣжной отецъ цѣлуешъ любимаго сына, и распался съ нимъ.

XIII.

Путешественникъ.

Одинъ путешественникъ хопѣлъ ийти въ отдаленную землю, гдѣ надлежало ему получить богашое наслѣдство. Но не умѣя упошреблять ландкаршы и ничему не учившись, не зналъ онъ дороги, по которой ему надобно было ийти. И пакъ ввѣрился онъ провожатому, который говорилъ о себѣ, что уже хсдилъ по той дорогѣ; но въ самомъ дѣлѣ онъ не зналъ ее, а только слыхалъ объ ней отъ другихъ. Сей провожатой повелъ путешественника по распушіямъ, по которымъ заходили они въ пустыни поросшія шерномъ, приходили къ пропастямъ, откуда должны были назадъ возвращаться, и къ широкимъ рѣкамъ, чрезъ которыя не было переправы; долго бѣгали они вокругъ, не находя пристанища, гдѣ могли бы отдохнуть, и какъ судя по времени думали, что уже приблизились къ назначенному мѣсту, то осмошрѣвшись, съ ужасомъ примѣнили, что они ползали только между кустарниками и были еще весьма недалеко отъ своего жилища, откуда вышли. Что жь предпріалъ бѣдной путеше-

ствек-

спвенникъ? Упоминувшись и изнемогши, возвращился онъ домой съ отвращеніемъ къ путешесствію и съ огорченіемъ прошивъ своего проводника. Приходили къ нему другіе проводники, умнѣе перваго, и вызывались проводить его; но онъ сдѣлался споль недовѣрчивъ, что одно имя проводника его раздражало и возбуждало въ немъ такое омерзене ко всякому путешесствію, что онъ даже не хотѣлъ ничего слышать о самыхъ способахъ къ безопасности и удобности на пуши. Онъ рѣшился лучше оставить богатое наслѣдство, котораго ожидалъ, и жилъ нѣсколько времени оспашками своего имѣнія до тѣхъ поръ, пока все прожилъ. Нужда заставила его усмотрѣть, какихъ великихъ выгодъ онъ лишился и возбудила въ немъ желаніе въ другой разъ отправиться въ путешесствіе съ лучшимъ проводникомъ. Но тогда онъ уже успарѣлъ и обезсилѣлъ, не въ состояніи былъ доставать себѣ на пуши пропитаніе и заплачивать проводнику. Не могъ онъ полагаться на то, что найдетъ довольно добросердечныхъ людей, которые изъ сожалѣнія снабжали бы его всемъ нужнымъ; сомнѣвался, не завладѣлъ ли уже кто нибудь другой

его

его наслѣдствомъ , и наконецъ опасался умереть отъ усталости еще прежде окончанія своего пути. И такъ онъ принужденъ былъ оспаться въ томъ же мѣстѣ , гдѣ родился , и умеръ тамъ въ бѣдности и печали.

Подобенъ сему путешественнику бываетъ несчастной молодой человекъ , попадающійся при первомъ своемъ вступленіи въ путешествіе жизни худымъ проводникамъ , то есть несмысленнымъ учителямъ , которые затрудняютъ ему всѣ способы къ приобрѣщенію познаній. Онъ ни въ чемъ не успѣваетъ , оспается въ невѣжествѣ , и наконецъ получаетъ такое оповращеніе къ ученью и учителямъ , что не желаетъ уже богатаго наслѣдства , то есть мудрости и полезныхъ познаній. Пришедши въ мужескія лѣта примѣчаетъ , что имѣетъ въ нихъ нужду , дабы жить ко славѣ Божіей и приносить другимъ пользу. Тогда желалъ бы онъ переменить свое сословіе; но уже поздно: онъ не имѣетъ ни силъ , ни способовъ къ тому , и умираетъ бывши самому себѣ въ шлгоспѣ другимъ бесполезенъ.

XIV.

Чижи́къ. Басня.

Маленькой чижи́къ, кошорой только лишь оперился и въ первой разѣ вылетѣлъ изъ гнѣзда, имѣлъ нещаспие по-
 пасться въ руки рѣзвому мальчику. Дру-
 гому его брата удалось избавишься отъ
 неволи, и онѣ наслаждался свободою на
 вольномѣ воздухѣ въ пріятныхъ долинахъ
 и шѣнистыхъ лѣсахъ вмѣстѣ съ другими
 ппичками своего рода. Между шѣмѣ бѣд-
 ной поиманной чижи́къ привязанѣ былѣ
 на цѣпочку, перпѣлъ голодѣ и жажду и
 долженѣ былѣ учиться раскрывать ящи-
 чекѣ, въ кошорой кормѣ для него клали,
 и поднимають вверхѣ наперстокѣ съ водою,
 чтобы напишься. Нѣкогда запутался онѣ
 въ своей цѣпочкѣ, и какѣ хотѣли его
 онять распушать, то удалось ему выр-
 ватьсь и вылетѣшь въ раскрытое окошко.
 Улетѣвши въ лѣсѣ, нашелѣ онѣ шамѣ
 своего брата и пользовался съ нимѣ нѣ-
 сколько времени всѣми выгодами и пріят-
 носпями свободы. Но осенью искавши себѣ
 корму, попались они оба въ сѣти хитраго
 пшицелова, кошорой потчасѣ заперѣ ихѣ
 въ клетку. Старшій чижи́къ, не привыкши
 въ молодости сносишь неволю, въ первой
 день

день съ тоски и нестерпѣливости разшибъ себѣ голову объ решешку въ своей клешкѣ. Напропивъ того другой, знакомъ уже будучи съ нуждою и неволею, скоро перешалъ тосковать и привыкъ ко своему состоянію. Небольшое искусство, которому научился онъ въ прежней неволѣ, служило ему для препровожденія времени, и онъ дожилъ спокойно до старости. Часто радовался онъ тому, что несчастіе въ молодости научило его терпѣнію.

XV.

Ошибка въ разсчетѣ.

Одинъ богатой человекъ, которой не имѣлъ у себя дѣтей и никакихъ родственниковъ, вознамѣрился прожить все свое имѣніе и распредѣлить его такъ, чтобы онаго достало ему до осмидесяти лѣтъ, полагая за вѣрно, что онъ умретъ еще прежде того времени. Но онъ весьма ошибся въ своемъ разсчетѣ; ибо прожилъ еще пять лѣтъ. Истративши все свое имѣніе, принужденъ онъ былъ нишатаься подаваніемъ и просилъ милосыни сими словами: „Сжалось надъ бѣднымъ человекомъ, которой ошибся въ разсчетѣ.“

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

XVI.

О любви къ родителямъ.

Любовь и нѣжность къ родителямъ есть одна изъ первыхъ должностей добрыхъ дѣшей. Она услаждаетъ жизнь ихъ, облегчаетъ имъ бремя приближающейся старости и подкрѣпляетъ силы ихъ начинающія ослабѣвать подъ симъ бременемъ. Человѣкъ въ продолженіи жизни своей лишается друзей, которыхъ имѣлъ въ молодости, теряетъ ихъ одного послѣ другаго, и остается одинъ, подобно розѣ, начинающей опадать при концѣ весны; всѣ прочіе цвѣты, которые прежде ее окружали, увядаютъ; только молодая цвѣты и развивающіеся пучки, роспускающія на одномъ съ нею стеблѣ, остаются съ нею; онѣ только составляютъ послѣднее пріятное ей сообщество. Подобно тому и родители съ приближеніемъ старости отъ времени до времени болѣе чувствуютъ нужды въ опытахъ

любви и благодарности дѣшей своихъ; онѣ тогда по большей части бывающѣ единственными ихъ друзьями; по тому что недовѣрчивость и невеселость, почти обыкновенныя спутницы старости не позволяющѣ имѣ избирать новыхъ друзей. Подобно нѣкопорымъ расшеніямъ, сжимающимся отъ приближенія вечерняго холода, сердце человѣческое при наступленіи старости сжимается, бывши со всѣхъ сторонѣ открыто при радостномъ и ясномъ солнечномъ сіяніи поутру и въ полдень своей жизни. Слабость и разныя припадки, свойственныя старымъ лѣтамъ, также не позволяющѣ искаать друзей поспореннихъ, и кругъ дѣйствій становится тогда отъ времени до времени тѣснѣе. Сперва цѣлой міръ кажется намъ малъ для жишья въ немъ; пришедши въ мужескія лѣта довольны бываемъ однимъ нашимъ опечесствомъ; по томъ ограничиваемся однимъ мѣстомъ нашего пребыванія, наконецъ только собственнымъ домомъ нашимъ; а вскорѣ за симъ ожидаетъ насъ жилище и того еще гораздо тѣснѣе.

Какіе родители пожелаали бы имѣть дѣшей, естлибѣ не надѣялись въ поздня лѣта свои быть награждены отъ нихъ опытами нѣжности и благодарности?

сти? Захотѣли ли бы для дѣшей добровольно отказываться отъ собственныхъ своихъ удовольствій, особливожь такіе родители, которые должны безпрестанными трудами доставать содержаніе для себя и для нихъ? Захотѣли ли бы матери сносить печали, безпокойство и заботы, какія причиняютъ имъ дѣши ихъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, окружены будучи опасностями и подвержены болѣзнямъ, а часпо и своимъ непослушаніемъ, упрямствомъ, непокорливостію и непонятливостію? Жертвовали ли бы отцы дѣтямъ своимъ тѣмъ, что они въ пошлѣ лица своего приобрѣтали? — Какой же иной награды за то могутъ они ожидать, какъ не той, чтобы послѣ во благополучіи дѣшей своихъ видѣть свое собственное благополучіе, и найти въ нихъ любовь, утѣшеніе и помощь тогда, когда уже все ихъ оставитъ? Горе тѣмъ родителямъ, которыхъ дѣши съ неблагодарными сердцами спокойно смотрятъ на нихъ, какъ они колеблющимися шагами подходятъ ко гробу, и не хотятъ подать имъ помощи, закрытъ глаза ихъ и получить за то послѣднее отъ нихъ благословеніе.

Благороднымъ душамъ не нужно такое напоминаніе. Любовь производитъ взаимную любовь и внушаетъ имъ стараніе угождать родителямъ своимъ всеми услугами, какія только могутъ онѣ имъ оказывать. Дитя, которое можетъ равнодушно видѣть родителей своихъ спржадущихъ и не старается подать имъ помощь или облегченіе, оказываетъ нечувствительное и неблагодарное сердце. Если жъ нѣкоторые дѣти по природной нечувствительности или лѣности, бывающъ въ такихъ случаяхъ хладнокровны, то пусть дѣлаютъ онѣ то по должности, что бы надлежало имъ дѣлать по сердечному побужденію; пусть стараются онѣ разбудить въ сердцахъ своихъ искры любви и горячности, которыя вѣрно есть въ нихъ, но только спятъ.

Должно признаться, что нѣкоторые родители излишнею строгостію, суровостію, дурнымъ воспитаніемъ и пренебреженіемъ дѣтей своихъ сами бывающъ виною взаимнаго отъ нихъ пренебреженія и въ наказаніе за то часто терпятъ въ старости недоставокъ любви и почтенія отъ дѣтей своихъ. Хотя они и заслуживающъ сіе наказаніе; но это ни мало и дѣтей не извиняетъ. Хорошо ли бытъ ору-

діемъ,

діємъ, котрымъ виноватой наказываешся? Такое орудіе ни къ чему другому не годится, и какъ скоро употребленіе его бываетъ не нужно, то бросають его въ печь. Нарушеніе должности съ одной стороны не даетъ права нарушать должность и съ другой стороны, и кто исполняетъ вѣрно свою обязаность не смотря на то, что другой отъ своей обязанности удаляется, шотъ бываетъ шѣмъ угоднѣе Богу и шѣмъ болѣе заслуживаетъ чести.

Весьма часто такіе родители, прорупы будучи чрезвычайными опышами любви, преданности и терпѣливости своихъ дѣшей, возвращались къ своей должности. Какое сердце должна имѣть шамать, которая могла бы 'остаться нечувствительною и суровою видя дочь свою послушною при всѣхъ своихъ жестокихъ приказаніяхъ, терпѣливою и покорною при всемъ презрѣніи, какое бы она къ ней оказывала, чувствительною и нѣжною при всей ея суровости? — Каковъ долженъ быть шотъ отецъ, которой бы не смягчился послѣ скромнаго отвѣша, какой нѣкогда сказалъ одинъ благовоспитанной молодой человекъ, возвратившійся изъ училища?

„ Скажи мнѣ; чему ты научился? спра-

шивалъ отецъ. „Эпо при случаѣ окажется, отвѣчалъ сынъ. Отецъ разсердился и ударилъ его. Онъ снесъ ~~то~~ терпѣливо и сказалъ: „теперь вы видите, что я научился сносить съ покорностію родительской гнѣвъ. „ —

Исполняя вѣрно свою должность, быть нѣжнымъ и послушнымъ, хранить покорность и почтеніе даже къ суровымъ, несправедливымъ, или беспечнымъ и нерачисельнымъ родителямъ, есть высокая степень дѣшской добродѣтели; она безъ сомнѣнія бываетъ щедро награждаема и въ здѣшней и въ будущей жизни. — Въ слѣдующей повѣсти представленъ примѣръ такой добродѣтели.

Великодушная дочь.

Емилія въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ лишилась нѣжнаго отца и оставлена была попеченію легкомысленной матери. Госпожа Кравенъ (такъ называлась сія мать) не думала ни о чемъ иномъ, кромѣ веселости, а воспитаніе своей дочери поручила косьмолюбивой и несмысленной служанкѣ, приказавши ей, чтобъ она поступала съ нею сколько можно спрощѣ. Несмысленная воспитательница исполняла вѣрно сіе приказаніе, и какъ она не могла ничему научить Емилію, то всегда

описы-

описывала ее мащери никѣ чему неспособнымѣ, упрямымѣ и глупымѣ рабенкомѣ. Но Емилиа вѣ самомѣ дѣлѣ одарена будучи отѣ природы чувствительнымѣ сердцемѣ, тонкимѣ разумомѣ и изрядными способностями скоро сама пришла вѣ состояніе усматривать сію несправедливость и свое несчастіе, что хошѣли оставить ее навсегда вѣ невѣжествѣ. Она чувствовала, что ей нужно заниматься полезными упражненіями, и любопытство ея требовало наставленій, которыхѣ ни отѣ кого она не получала. Не смѣла она жаловаться своей мащери, по тому, что уже нѣсколько разѣ была за то наказана, какѣ злобной рабенкомѣ, и сверхѣ того подвергалась мщению своей надзирательницы. И такѣ не оставалось ей ничего болѣе, какѣ сносить безпрестанное принужденіе и самой образовывать свой разумѣ вниманіемѣ ко всѣмѣ шѣмѣ вещамѣ, которыя ее окружали и прилѣжнымѣ чтеніемѣ многихѣ книгѣ, какія только ей попадались.

Она была уже по девятому году, какѣ Господинѣ Гранвиль, старой другѣ ея отца, которой опредѣленѣ былѣ ея опекуномѣ и жилѣ вѣ другомѣ городѣ, пріѣхалѣ со своею женою къ шѣмѣ госпо-

жу Кравенъ. Онъ наслышался уже о безпорядочной ея жизни и всегдашней разсѣянности, и прѣхалъ съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобъ навѣдаться объ Емилиіи. Легко можно догадаться, что Госпожѣ Кравенъ такой гость былъ весьма непріятенъ; однако жъ она приняла его съ надлежащею учтивостію. Прежде всего спросилъ онъ объ Емилиіи. Мать ея жаловалась, что трудно сыскать другаго такого глупаго и упрямаго рабенка. Но какъ скоро привели ее самое, то по виду ея тотчасъ можно было усмотрѣть, что госпожа Кравенъ говорила неправду. Хотя и примѣтна въ ней была нѣкошорая робость и застѣнчивость; однако жъ всѣ черты лица ея показывали, что это происходитъ отъ дурнаго воспитанія, а не отъ недостатка разума. Дабы еще лучше въ томъ увѣришься, Госпожа Гранвиль просила, чшобы Емилиіи позволено было во все то время, сколько они проживутъ у Гжи. Кравенъ, быть всегда при ней. Госпожѣ Кравенъ шрудно было на то согласиться и она долго отговаривалась, но наконецъ не могла отказать своимъ гостямъ въ ихъ просьбѣ. Между шѣмъ заарешила она Емилиіи подъ спорогими угрозами отвѣчать что нибудь, есшбыли

госпо-

Господинъ или Госпожа Гранвиль будущъ у нее спрашивать, какъ ее содержатъ.

Оставшись наединъ съ Емилиєю Господинъ и Гжа. Гранвиль старались вступить съ нею въ разговоръ. Она вмѣстѣ того, чтобъ отвѣчать имъ, начала горько плакать. Но наконецъ они ласкою своею заставили ее признаться, чего она боялась, и ободрили ее такъ, что она говорила уже съ ними безъ всякой застенчивости. Какъ они рѣдко ее отъ себя отпускали, то скоро примѣтили въ ней чувствительное сердце, тонкой разумъ, и что ей недоставало только хорошаго воспитанія, дабы сдѣлаться совершенною особою своего пола. Бѣдная Емилиа, для которой ласковое обхожденіе было еще нѣчто совсѣмъ новое, полюбила ихъ весьма горячо и всякой разъ блѣднѣла, когда они говорили о своемъ отъѣздѣ, за что должна бы она была вытерпѣть жестокое наказаніе, если бы присутствіе ея опекуна не служило ей защитою.

Господинъ Гранвиль и жена его навѣдавшись довольно о худомъ ея воспитаніи и немилосердыхъ поступкахъ, какимъ она всякой день была подвержена, вознамѣрились взять ее съ собою, чего бы то ни стоило, и воспитывать ее вмѣ-

спѣ съ своею дочерью, которая была однихъ лѣтъ съ Емилиєю. — Они предложили объ этомъ Госпожѣ Кравенѣ, прося ее, сдѣлать имъ удовольствіе и отпустить Емилию съ ними на время, чтобы она вмѣстѣ съ ихъ дочерью подѣ присмотрѣмъ благоразумной надзирательницы могла нѣсколько поучиться у хорошихъ учителей, какихъ удобно имъ было сыскать въ своемъ городѣ.

Госпожа Кравенѣ будучи хитра, поспѣчасъ обо всемъ догадалась, и какъ она для нѣкоторыхъ своихъ выгодъ имѣла намѣреніе оставить Емилию навсегда въ невѣжествѣ, то не хотѣла согласиться на просьбу Господина Гранвиля и сказала ему, что она не можетъ жить безъ своей дочери. Однако не хотя также поссориться съ нимъ, наконецъ принуждена была отпустить Емилию, только не долге, какъ на двѣ недѣли. Казалось, что онъ былъ шѣмъ доволенъ и расстался съ Гжею. Кравенѣ, радуясь тому, что имѣла удачу исполнить свое намѣреніе.

Хорошіе успѣхи, оказанные Емилиєю въ сіе короткое время приобрѣли ей любовь ошѣ всея фамиліи; никто не могъ безъ печали вспомнить о томъ, что ей скоро надлежало возвратиться домой и опять

зависѣшь отъ злой и глупой служанки. — По прошествіи двухъ недѣль Гжа. Кравенъ прислала за нею. Но Г. Гранвиль упошребилъ право опекуна и удержалъ у себя Емилию, отправивши къ ея мамерѣ письмо, въ которомъ открылъ ей свои мысли и увѣдомилъ ее, что онъ бывши самъ свидѣтелемъ дурныхъ ея поступокъ съ дочерью, почиаетъ за должность принять на себя попеченіе о воспитаніи сего бѣднаго дитяши. — Гжа. Кравенъ охотно всступила бы съ нимъ за то въ шажбу, естли бѣ не знала напередѣ, что она рѣшится не въ ея пользу. И такъ она принуждена была уступитъ необходимости, и совсѣмъ вдавшись въ разсѣяніе, скоро позабыла о своей дочери, такъ, что въ цѣлой годѣ однажды шолько написала къ ней нѣсколько строкъ во отвѣпъ на многія письма, которыя Емилиа наполняла нѣжнѣйшими изъявленіями дѣшской любви и почтенія. Наконецъ одинъ игрокъ, которому весьма нужно было поправить свое соспояніе, умѣлъ снискашь ея склонность; Гжа. Кравенъ вышла за него и сдѣлала его господиномъ надъ всеиъ своимъ имѣніемъ.

Емилиа жила шесть лѣтъ у своего благодѣшеля, и въ сіе время шоль хорошо пользо

пользовались природными своими дарованиями, что всё ставили ее въ примѣръ молодымъ дѣвицамъ и почивали за честь ее знакомство. Но по шомъ обстоятельство ея перемѣнилось. — Преспарелой дядя Господина Гранвиля, жившій въ опдаленной провинціи писалъ къ нему, чтобъ онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ со своею фамиліею посѣишь его, для того, что жизнь его приближается уже къ концу, и онъ не имѣя другихъ родспвенниковъ, желаетъ съ ними познакомиться и узнать, доспойны ли они бышь его наслѣдниками. Хотя Господину Гранвилю и женѣ его прискорбно было разстаться съ Емилиєю, однако они необходимо должны были рѣшиться на то, дабы не потеряшь знаныхъ для себя выгодъ. Имъ не оставалось ничего болѣе сдѣлать, какъ опдать ее въ пансіонъ, либо возвраишь машеръ. Они выбрали первое. Но какъ скоро Гжа. Кравенъ узнала, что дочь ея находяишя въ пансіонѣ, то написала къ ней письмо наполненное ласкою и просила ее, чтобъ она возвратилась къ ней въ деревню, для того, что она будучи не здорова принуждена всегда терпѣть скуку, и что ей весьма нужна помощь въ домашней экономіи. Емилиа зная обязанности доброй дочери, не сомнѣ-

сомнѣвалась ни мало исполнить желаніе своей матери; она еще радовалась получивши случай доказать ей свою преданность и заслужить ее любовь. Между тѣмъ уведомила она о семъ своего благодѣтеля. Господинъ Гранвиль хотя и подозревалъ, что Гжа. Кравенъ имѣетъ какой нибудь коварной замыселъ, однако жъ не захотѣлъ пренявшеговать Емилиі оказать свое добросердечіе и послушаніе. Онъ одобрилъ ее намѣреніе; но при томъ поручилъ одному изъ своихъ друзей навѣдываться о поступкахъ ее матери. Подозрѣніе его было основательно. Господинъ Кравенъ въ завѣщаніи своемъ назначилъ своей дочери въ приданое десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; если же бы она умерла не вышедши замужъ, то сей капиталъ долженъ былъ доспаться ее матери. Но госпожа Кравенъ вознамѣрилась еще при жизни ее завладѣть сими деньгами. Роскошная жизнь, особливо жъ страсъ къ игрѣ другаго ее мужа истощили собственное ее имѣніе, и для того старалась она переманить къ себѣ Емилию, чтобъ не допускать ее ни съ кѣмъ знакомиться и пользоваться ее деньгами, какъ своими.

Нѣсколько времени Гжа. Кравенъ и мужъ ея оказывали Емилиі прищворную нѣжность. Емилиа довольна была своимъ состояніемъ; невинное сердце ея неспособно было къ подозрѣнію; она добровольно уступила имъ половину своихъ доходовъ. Мать ея утѣряла ее, что она ничего не потеряла симъ великодушнымъ поступкомъ, по шому, что она имѣетъ въ банкѣ значную сумму, о копорой мужъ ея совѣмъ не знаетъ, и копорую она намѣрена по смерти своей ей оставишь.

Такимъ образомъ Емилиа жила два года, не имѣя причины раскаивашься. Всѣ письма ея къ Господину Гранвилю наполнены были похвалами ея матери. — Между тѣмъ случилось, что одинъ молодой дворянинъ, недавно возвратившійся съ путешествія и жившій у нихъ въ сосѣдствѣ, увидѣлъ Емилию въ церкви. Она весьма понравилась ему, и онъ желалъ узнать, соощвѣшсвуютъ ли достоинства ея сердца красотѣ. Въ такомъ намѣреніи началъ онъ искать знакомства съ ея матерью; но какъ намѣреніе его было примѣнно, то не имѣлъ въ шомъ успѣха.

Нѣкогда поушру выѣхавши ранѣе обыкновеннаго и проѣзжая мимо домика одного изъ своихъ опкущниковъ, увидѣлъ онъ

онъ входящую туда молодую дѣвушку. Любопытство побудило его войти за нею, подъ видомъ, чпобъ посѣпши бѣднаго хозяина этого домика, кошорой давно уже лежалъ болѣнъ. Къ великому удовольствію увидѣлъ онъ, что то была дѣвица Кравенъ. Она скоро хотѣла уйти; но господинъ Мидовъ (такъ назывался сей молодой человекъ) вспуилъ съ нею въ разговоръ. Скромные и разумные ея опѣшы вселили въ него къ ней почшеніе, кошорое еще болѣе умножилось, когда она ушла и бѣдной хозяйнѣ, пронупой благодарностію, осыпалъ ее похвалами. „Сердце ея, говорилъ онъ, открыто для всѣхъ спраждаущихъ. Она помогаетъ несчастнымъ такъ, какъ бы долгъ плашитъ, а не благодаріе дѣлаешъ. — Господинъ Мидовъ, кошорой добродѣпель и благочеспіе почиалъ выше всѣхъ прочихъ достоинствъ и желалъ имѣшь супругу одинакихъ съ нимъ мыслей и чувствованій, пошчасъ принялъ намѣреніе жениться на ней, естли получишь на то ея и мапери ея согласіе.

Емилиа, удалена будучи отъ всякаго припворства, пришедши домой, разсказала мапери своей, что съ нею случилось. Она хвалила поведеніе и благородной

ной образъ мыслей господина Мидова и рассказывала, что онъ весьма желаетъ познакомиться съ Госпожею Кравенъ и ея мужемъ. Но гжа. Кравенъ увѣряла ее, что онъ самой возвращенной человекъ и приказала ей избѣгать случаевъ видѣться съ нимъ. Емилиа хотѣла и не могла шому повѣришь, наслышавшись о немъ прежде много добраго, однако хотѣла повиноваться своей машери.

(*Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.*)

XVII.

Анскдотъ.

Одинъ худой живописецъ показывалъ нѣкогда своему пріятелю комнашу, кошую приказалъ онъ выбѣлишь и по шомъ самъ хотѣлъ расписатьъ. „Мнѣ кажется, сказалъ пріятель его, что ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, ешьли бы сперва ее расписалъ, а по шомъ бы уже приказалъ выбѣлишь.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

*Окончаніе повѣсти начатой въ послѣднемъ
листѣ.*

Спустя нѣскольکو времени Г. Мидовѣ пріѣхалъ къ Гжѣ. Кравенѣ, не давши напередѣ о томѣ знашь. Емилиа первая увидѣла его изъ окошка и сказала о немъ своей мащери, кощорая приказала ей скорѣе уйти въ свою комнату. Послѣ обыкновенныхъ учщивостей Г. Мидовѣ спросилъ у нее объ ея дочери и безъ околщностей опкрылъ ей свое намѣреніе. Гжа. Кравенѣ опвѣчала ему, что она почла бы за честь имѣшь его своимъ зашемъ, ещлибѣ не опасалась сдѣлать его несчастнымъ. „Мнѣ должно говорить съ вами опкровенно, сказала она: „дочь моя часщо бываетъ подвержена припадкамъ глубокой задумщivosti, кощорая весьма похожа на сумасщесщивіе; она и щеперь находищя въ такомъ сосщояніи. Эща болѣзнь досщалась ей опѣ покойнаго ея опща, кощорой щакже подверженъ былъ

Часть VIII, № 47. I эщимѣ

эшимъ припадкамъ. „ По томъ просила она его, чшобъ онъ не злоупопребилъ ея опкровенности и никому бы о семъ не сказывалъ. — Г. Мидовъ былъ весьма огорченъ симъ непріятнымъ открытіемъ; а злая мать радовалась успѣху лукавой своей выдумки. Хотя эшо и казалось ему невѣрояшно, однако жъ онъ по собсшвенному своему добросердечію не могъ подумашъ, чшобы мать способна была къ такой злобѣ и къ такому обману. И такъ онъ уѣхалъ безъ всякаго подозрѣнія. Но современемъ имѣвши случай наслышашься о безпорядочномъ поведеніи Гжи. Кравенъ, о дурномъ воспитаніи, какое Емилиа сперва имѣла, и о благородномъ поступкѣ Господина Гранвиля, началъ онъ сомнѣвашься въ шомъ, что коварная мать ему рассказывала и вознамѣрился ѣхашъ къ Господину Гранвилю, дабы узнать отъ него правду, либо по крайней мѣрѣ разсѣяшъ симъ пушешествіемъ свое огорченіе.

Онъ исполнилъ свое намѣреніе. Г. Гранвиль весьма удивился злобѣ матери Емилиной, угадалъ ея коварныя намѣренія и рѣшился ѣхашъ вмѣстѣ съ Г. Мидовомъ, дабы стоспѣшествовашъ ему женишься на Емилии, ешъли узнаешъ, что онъ ея достоинъ, и ешъли она согласиш-

сисшся

сидя за него выйти. И такъ онъ возвращившись вмѣстѣ съ нимъ, оставилъ его въ своей деревнѣ, а самъ пріѣхалъ въ домъ Гжи. Кравенъ. Нечаянной его пріѣздъ весьма испугалъ мать и обрадовалъ дочь. Емилія еще при первомъ свиданіи почувствовала склонность къ Г. Мидову; но ея понятія о повиновеніи къ матери были столь строги, что она хотѣла лучше всѣми силами спараться испребишь сію склонность, нежели огорчить мать свою. И такъ она не хотѣла признаваться въ томъ и Господину Гранвилю, пока онъ не открылъ ей неблагодарность и коварство ея матери. Нѣжное сердце ея весьма чувствительно поражено было симъ неожиданнымъ и спрашнымъ открытіемъ. „Возможно ли? вскричала она: „меня такъ обманывать! Я думала, что имѣю мать, а теперь вижу — но благодарю Бога, что я сохранила свою должность! „ — Слезы полились изъ глазъ ея и тѣмъ облегчилась ея горестъ. По томъ призналась она въ склонности своей къ Г. Мидову и просила Господина Гранвиля, чтобъ онъ постарался вывести его изъ несправедливаго объ ней мнѣнія, дабы избавить ея фамилію отъ напраснаго попрека. Г. Гранвиль разсудилъ за благо не оставяшь

ее долѣе у матери и отвезши въ безопасное мѣсто. Емилія не хотѣла приспѣдиди къ Госпожу Кравенѣ свиданіемъ съ нею, но увѣдомила ее письмомъ о своемъ отвѣздѣ. Она была споль нѣжна, что и въ письмѣ не укоряла ее ни мало за злобной поступокъ и даже ни мало на нее за то не досадовала и никогда не думала ей мстити. Она плакала о злонавіи своей матери; однакожь согласилась бы лучше умереть, нежели дать ей почувствовать свое огорченіе. Но Г. Гранвиль не пощадилъ себя злой женщины; онъ сдѣлалъ ей сурогой выговоръ и открылъ Г. Мидову обманъ ея. Спустя нѣсколько времени Емилія вышла за Господина Мидова. Нѣшъ нужды упоминать здѣсь, сколько она сдѣлала чести новому своему соспоянню.

Черезъ два года послѣ того случилось такое произшествіе, которое еще болѣе принесло ей чести. — Мужъ Гжи. Кравенѣ промашавши все имѣніе своей жены, уѣхалъ, оставивъ ее въ крайней бѣдности; онъ забралъ съ собою всѣ вещи, какія еще у нее оставались. Всѣми оставлена, не имѣя почти дневнаго пропитанія и чувствуя собственную вину свою, скрывалась она отъ свѣта въ одной отдаленной деревнѣ, особливо жь старалась
скрш-

скрышья опѣ любви достойной дочери своей. Но Емилія узнавши по случаю, гдѣ она живеть, спѣшила къ ней, чтобѣ подати ей утѣшеніе, извлекла ее изъ нищеты, и давала ей всякой годѣ достаточное содержаніе. Сіе великодушіе произвело такую переменѣу въ Гжѣ. Кравенѣ, что она проводила остатокѣ своей жизни въ раскаяніи и оплакиваніи прежнихъ своихъ глупостей. Въ старости ея Емилія пеклась о ней съ такою нѣжностію, какѣ бы о самой лучшей матери, и старалась услаждать всѣ непріятности сихъ лѣтъ.

XVIII.

Томасъ Морусъ.

Добродѣтель и въ семѣ мірѣ бываетѣ награждаема великимѣ блаженствомѣ; но иногда премудрое Божіе провидѣніе посылаетѣ добрымѣ и благочестивымѣ людямѣ разныя несчастія, дабы приготовить ихѣ еще къ большему блаженству въ будущей жизни. Кто хочеть бытъ добродѣтельнымѣ, тому нужно знать сіе, дабы онѣ не поколсбался, когда постигнутѣ его несчастія, въ кошорыхѣ не можеть онѣ самого себя почишати виновнымѣ. Слѣду-

ющій примѣръ изъ исторіи служилъ по-
му доказательствомъ. —

Томасъ Морусъ родился отъ чест-
ныхъ, но бѣдныхъ родителей. Еще въ
дѣтскихъ лѣтахъ заслуживалъ онъ отъ
всѣхъ любовь своимъ послушаніемъ и ла-
сковостію. Онъ превосходилъ всѣхъ сво-
ихъ сверстниковъ прилѣжаніемъ, хорошимъ
поведеніемъ, любовію къ порядку, услуж-
ливостію и скромностію, особливо же чи-
стымъ и непришворнымъ почитаніемъ
Всевышняго Существа. Всѣ добрые люди
любили его за то и всякой старался ему
помогать.

Приобрѣвши чрезвычайные способно-
сти, вступилъ онъ ранѣ другихъ моло-
дыхъ людей въ публичную должность и
оуправлялъ поручаемыя ему дѣла съ вѣр-
ностію и честностію. Онъ не искалъ
почестей, однакожь получалъ знашныя
чины, одинъ за другимъ, и наконецъ до-
стигъ достоинства Англійскаго Канцлера,
которое есть одно изъ первыхъ досто-
инствъ въ семъ государствѣ.

Другой будучи на его мѣстѣ возгор-
дился бы симъ щастіемъ; но Морусъ ос-
тался такъ же скромнъ, какъ и прежде,
и оуправлялъ важную свою должность съ
безпорочною честностію, какую онъ всегда

оказывалъ. Могъ бы онъ обогатиться; но онъ былъ столько чуждъ корысполюбія, что будучи уже Канцлеромъ, имѣлъ только небольшую деревню, съ кою получалъ весьма мало доходу. Дѣши его нѣкогда жаловались на то; что онъ не спарается собрать богатства ни для себя, ни для нихъ. — „Я для васъ же это дѣлаю, отвѣчалъ онъ, дабы вы наслаждались послѣ меня благословеніе Божіе.

Думающъ, что люди имѣющіе великую власть, способны поступать несправедливо, и спараются иногда склонять ихъ къ тому подарками. Морусъ часто былъ подверженъ сему искушенію; но всегда прошивился ему съ непоколебимою честностію. Самъ Государь его не могъ заставить его сказать либо сдѣлать что нибудь противное должности.

Одинъ знатной и богатой человекъ, кою имѣлъ связь съ бѣднымъ человекомъ, хотѣлъ подкупить Моруса богатымъ подаркомъ, чтобъ онъ сдѣлалъ приговоръ въ его пользу; но Морусъ отвѣчалъ ему съ благороднымъ негодованіемъ: „На что дарить меня? Если вы правы, то нѣтъ вамъ нужды покупать выгодной для себя приговоръ; а если вы непра-

I 4

вы,

вы, то все ваше богатство и все сокровища въ свѣтъ не заспаваютъ меня рѣшить это дѣло въ вашу пользу. „

Наблюдая споль строгую справедливость, нажилъ онъ себѣ враговъ. Нѣкоторые люди ненавидѣли его за то, что онъ не хотѣлъ для нихъ сдѣлать никакой несправедливости. Въ числѣ враговъ его находилось нѣсколько знашныхъ и сильныхъ людей, которые составили противъ него заговоръ и вознамѣрились погубить его. Они подавали на него разные ложныя обвиненія и производили свое предпріятіе споль хитро, что невинной, честной, благородной Морусъ осужденъ былъ на смерть.

Онъ выслушалъ приговоръ свой съ великимъ постоянствомъ, простился съ несправедливыми своими судьями, и просилъ Бога, чтобъ Онъ впредь сохранилъ Короля отъ такова неправоудія. По томъ возвратился онъ въ темницу, въ которой его содержали. Тамъ ожидало его жалкое зрѣлище, удобное поколебать постоянство человека не споль инвердаго. Онъ нашелъ тамъ любимую дочь свою, Госпожу Роперъ, которая пришла туда увидѣться въ послѣдній разъ съ несчастнымъ своимъ отцомъ. Она не могла ни

чего

чего выговорить и почти безчувственна бросилась въ его объятія. Морусъ обнималъ ее со всею родительскою нѣжно-спію и старался ее утѣшить.

„Мое несчастіе, говорилъ онъ, посылаешся мнѣ отъ Бога. Я не заслужилъ его никакимъ преступленіемъ. Но Богъ всегда премудръ и благъ въ судьбахъ своихъ, хотя мы и не всегда то понимаемъ. И такъ покоряюсь святой Его волѣ, и будемъ сносить терпѣливо опредѣленія непоспѣжимой Его премудрости.“

Такимъ образомъ разговаривалъ онъ цѣлой часъ со своею дочерью и утѣшалъ ее съ такимъ непришворнымъ постоянствомъ и равнодушіемъ, какъ бы дѣло не до него самого касалось. — Вечеръ проводилъ онъ въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ; а по томъ спалъ нѣсколько часовъ весьма спокойно.

На другой день присланъ былъ къ нему въ темницу Іаковъ Попе, одинъ изъ лучшихъ его друзей, объявивъ ему, что смертной приговоръ чрезъ нѣсколько часовъ долженъ быть исполненъ. Но онъ задивался слезами и не въ состояніи былъ ничего выговорить. Напрошивъ отъ него Морусъ пребылъ непоколебимъ,

упѣшалъ своего друга упованіемъ на лучшую вѣчную жизнь, въ которой они опять должны увидѣться, и поручилъ ему поздравить своихъ враговъ и сказать имъ, что онъ оставяетъ свѣтъ безъ всякой къ нимъ ненависти.

Въ назначенной часѣ пошелъ онъ съ твердосію на мѣсто казни и до самой послѣдней минушы своей жизни не оказалъ никакова знака страха или малодушія.

По тамошнему обычаю говорилъ онъ съ мѣста казни рѣчь къ собравшемуся народу и всѣхъ увѣщевалъ хранишь благочестіе и никогда не ропсать на души Провидѣнія. Рѣчь его столь была прогашельна, что всѣ ее слышавшіе проливали слезы.

Палачъ, которой долженъ былъ опрубить ему голову, дрожалъ присступая къ своему дѣлу. Морусъ хотѣлъ даже и его ободрить шушкою, которую послѣ хулили, не зная, съ какимъ намѣреніемъ она была сказана. „Другъ мой, сказалъ онъ, берегись, чтобъ не повредишь мою бороду; по крайней мѣрѣ она никакова пресступленія не сдѣлала. „

Пощомъ

По помѣ спалъ онѣ на колѣни и подставилъ шею свою удару, которой сдѣлалъ конецъ невинной его жизни.

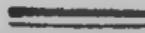
ХІХ.

Сновидѣніе.

Въ первой день новаго году проснулся я весьма рано. Первые мысли мои были благодареніе Богу за всѣ благодѣянія, полученныя мною и моимъ опечеспвомъ въ прошедшемъ году, и прошеніе да продолжится милость Его ко мнѣ и ко всѣмъ человѣкамъ. По помѣ размышляя я, каковъ для меня будетъ наступившій годъ. Чувствованія мои перемѣнялись соощвѣшпвенно различнымъ представленіямъ, какія мое воображеніе имѣло. Въ сихъ мысляхъ я опять заснулъ. Во снѣ преспавилось мнѣ проспранное поле, которое лежало предо мною; но я не могъ далеко впередъ видѣть: густой туманъ закрывалъ ошѣ зрѣнія моего всѣ предметы. Я не хотѣлъ итти далѣе по сему полю и часпо оглядывался назадъ. Вдругъ увидѣлъ я старую и горбашую женщину. Старость обезобразила лице ея множествомъ морщинъ и нѣкоторой скрышной спрахъ былъ на немъ изображенъ. Она безпреспанно

дрестанно шатала головою, и руки ея дрожали на посохѣ, которымъ она подниралась. „Куда ты идешь? спросила она у меня. „Я хочу итти въ землю спокойствія, ошвѣчалъ я: „но не знаю, гдѣ найтти ее. Не возможно ей бытъ позади меня. Уже половину жизни моей провелъ я искавши эту землю, но еще не нашелъ. Не могу сказать, что между тѣмъ былъ я несчастливъ. Нѣтъ; въ жизни моей бывали ясные и мрачные дни попеременно, и должно признасться, что первыхъ было болѣе, нежели послѣднихъ. Иногда солнечной жаръ опагощалъ меня; однако жь скоро находилъ я источники ушѣшенія, которые подкрѣпляли утомленные мои силы. Но теперь вижу предъ собою густой туманъ, не могу различать предметовъ и не знаю, какъ мнѣ пройтти безъ проводника. — „Бѣдной человекъ! сказала старуха: „я сожалею о тебѣ. Но сожалѣніе мое тебѣ не поможетъ. Если есть земля спокойствія и благополучія, то дорога туда лежитъ чрезъ это поле. Но какія трудности, какія почти непреодолимыя трудности должны ты перенести на этомъ пути! Ты несчастливъ еще тѣмъ, что густой туманъ закрываетъ отъ глазъ твоихъ опасности тебѣ

шебя окружающія. Ты долженъ будешь ползти по крупымъ спремминамъ, проходить чрезъ дремучіе лѣса и густые шерновые кустарники, переплывать чрезъ разлившіяся рѣки; громъ и молнія часто будутъ приводить шебя въ ужасъ. Никакая осторожность не предохранитъ шебя отъ разбойниковъ, которые все у шебя отнимутъ и только изъ сожалѣнія жизнь шебѣ оставятъ. Если ты поспавишь себѣ шалашъ, то безпрестанно долженъ будешь опасаться, чтобъ онъ не сгорѣлъ, или землетрясеніе его не разорило. Но все это ничего еще не значитъ въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ болѣзней, которыми ты окруженъ будешь: отъ всего прочаго можешь ты какимъ нибудь образомъ избавишься; а сіи болѣзни живутъ во внутренности швоей, въ жилахъ и костяхъ швоихъ „ — — „ Переспань! переспань! „ вскричалъ я: „никогда не пойду я по этой дорогѣ; я умру прежде, нежели спуплю хоша одинъ шагъ далѣе. „ Въ самомъ дѣлѣ я дрожалъ отъ ужаса, и какой помощи могъ я надѣяться отъ такой печальной и дряклой пушеводишельницы? Между шѣмъ провела она меня на нѣсколько шаговъ впередъ, не смотря на мое сопрошвленіе.

По шумѣ вдругѣ увидѣлъ я прекрасную молодую Нимфу, идущую ко мнѣ навстрѣчу. Одежда на ней была свѣтло-зеленаго цвѣта. Пріятная улыбка разпространялась по лицу ея. Казалось, что шамѣ произраспали цвѣты, гдѣ она спускала. Я вырвался изъ рукъ старухи и слѣшилъ къ ней. Она приняла меня въ свои объятія. „Избавь меня, прекрасная Нимфа!“, вскричалъ я: „избавь меня, и проведи сквозь эпошѣ шуманѣ, еспьли ты знаешь дорогу въ землю благополучія.“ — „Знаю, отвѣчала она: „и поведу тебя по пріятной дорогѣ. Мы пойдѣмъ по прелестнымъ лугамъ, украшеннымъ цвѣтами, и по цвѣтущимъ померанцовымъ лѣсамъ, распространяющимъ вокругъ себя самой пріятнѣйшій запахъ. Слухъ твой будетъ наслаждаться согласнымъ пѣніемъ птицъ, а вкусъ самыми лучшими плодами. Однимъ словомъ всѣ твои чувства безпрестанно будутъ услаждаемы. Небо всегда будетъ ясно, и тихой вѣтерокъ будетъ прохлаждать тебя. Не найдешь ты на пути своемъ ни шерновъ, ни спремнинъ, и совершишь его споль щасливо, что никогда щасливѣе быть не пожелаешь.“ — Какъ пріятно было мнѣ сіе обѣщаніе! — „Прекрасная

красная Нимфа! я пойду съ побою и никогда отъ себя не отспану. Можно ли мнѣ найши пушеводительницу лучше себя! Но скажи мнѣ, какъ ты называешься? — *Надеждою*, отвѣчала она. — А какъ называется та спаруха, копорая хотѣла веспи меня по такой ужасной дорогѣ? „ — Она называется *Страхомъ*. — „ Не уже ли находишь она людей, которые ввѣряются ея руководству? „ — Весьма немногихъ, отвѣчала Нимфа; „ да и шѣ по большей части бывають престарѣлые, больные, задумчивые и угрюмые люди копорыхъ кровь печешъ медлительно, непріятели всякаго веселія, заключающіе по нѣкопорымъ небольшимъ неудобствамъ, какіе встрѣчаются имъ на дорогѣ, что и весь путь ихъ будетъ труденъ и тягосменъ. — „ Пусть же *страхъ* водитъ ихъ, а я пойду за побою! „ вскричалъ я и хотѣлъ ийти за нею. Но тогда почувствовавъ я, что нѣкто взялъ меня за руку, дабы удержать. Оглянувшись назадъ, увидѣлъ я Генія, моего хранишеля. — „ Остановись, другъ мой! „ говорилъ онъ: „ не спѣши; ты знаешь, что споропливость не бываетъ полезна. „ — „ Какъ! сказалъ я: „ ты запрещаешь мнѣ слѣдовать руководству такой

такой пушеводишельницы? „ — „ Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не оставяяй эшой прекрасной Нимфы; пускай она ведетъ тебя. Но только возми съ собою и шу шаруху, которую ты прежде видѣлъ. „

„ Какъ! шу печальную и угрюмую шаруху, которая — „

„ Выслушай меня! — Если ты пойдешь съ одною эшою Нимфою, шо она часто будетъ сводить тебя на распушія. Она не рѣдко даетъ волю пылкому свосму воображенію; обѣщаетъ тебѣ золошья горы шамъ, гдѣ ты ничего не найдешь; она поведетъ тебя по пріятнымъ мѣстамъ, окруженнымъ шерновникомъ и глубокими болотами; она будетъ льститьъ всѣмъ твоимъ склонностямъ и любимымъ желаніямъ, будетъ обѣщать тебѣ знатныя почести, великое богатство и самыя пріятнѣйшія удовольствія; а послѣ; когда ты увидишь себя обманутымъ, насмѣется надъ тобою, либо и совсѣмъ оставитъ тебя мучительному раскаянію. „ —

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Окончаніе сновидѣнія.

„И такъ я не найду другихъ пушеводителей въ моемъ странствованіи, кромѣ мучительнаго *Страха* и обманчивой *Надежды*! „вскричалъ я: какъ же я несчастливъ! „

Нѣтъ, сынъ мой! продолжалъ Геній: ты ошибаешься. Провидѣніе весьма премудро даровало тебѣ обѣихъ сихъ пушеводительницъ вмѣстѣ. *Надежда* (не всегда обманчива. Она обманывала бы тебя тогда только, когда бы ты слѣпо предался ея руководству; и для того дана тебѣ другая пушеводительница, *Страхъ*, которой заботливое попеченіе научитъ тебя благоразумной предосмотрительности и осторожности. Я скажу тебѣ примѣръ, какъ онѣ обѣ поступаютъ. *Надежда* скажетъ какому нибудь юношѣ, что онѣ будетъ великимъ и славнымъ человекомъ, или молодой дѣвушкѣ, что она хороша и всѣми будетъ любима.

Естьли юноша или молодая дѣвушка одной ея послушаются, то первой будешь щеславнымъ и гордымъ шунейцомъ и не захочешъ спараться о способахъ сдѣлашься великимъ и славнымъ человекомъ; а другая будешь спараться только объ украшеніи своего шѣла, не думая о душѣ. Но страхъ скажешъ имъ на ухо, что люди хошящіе сдѣлашься великими и славными находятъ тысячи препяшствій, и что самое прекрасное лицо можешъ быть обезображено какою нибудь ядовишою болѣзнью, или безчисленными другими приключеніями. Это научишь ихъ благородной осторожности: они будешь спараться пріобрѣсти благородныя и любви достойныя свойства, копорыя и славу и красоту превосходятъ, и такимъ образомъ приведуть себя въ безопасность, хошя бы *Надежда* ихъ и обманула. — Купецъ нагружаетъ корабль. *Надежда* обѣщаетъ ему великую прибыль. Но *Страхъ* говоришь ему, что корабль его можешъ разбиться о камень, либо попасъся морскихъ разбойникамъ, и совѣшуетъ не вѣрять ему всего своего имѣнія. Хошя прибыль его будешъ меньше, нежели какой могъ бы онъ ожидать въ случаѣ благополучнаго возвращенія корабля; но въ

про-

прошивномѣ случаѣ будетѣ онѣ одолженѣ
 благоразумной оспорожности шѣмѣ, что
 не всего имѣнїя лишїтся.

„ Все это очень хорошо, сказалѣ я :
 „ но кто покажетѣ мнѣ предѣлы, далеко ли
 долженѣ я послѣдовашь руководству *Страха*
 или *Надежды*, чтобы не предашья ни
 мучительнымѣ забашамѣ перваго, копо-
 рья сдѣлали бы жизнь мою горестною, иже
 обманамѣ послѣдней ?

Я дамѣ тебѣ еще пушеводительницу
 ошвѣчалѣ Генїй, подѣ надзиранїемѣ ко-
 порой можешь ты безопасно совершїшь
 свой пушь. Она называется *Упованїемѣ на*
Провїдѣнїе, пекущееся безпрестанно о
 жизни нашей и безѣ воли котораго ниче-
 го на землѣ не бываетѣ. Слѣдуй всегда
 руководству прїятной Надежды и ожидай
 благополучныхѣ дней : она будетѣ под-
 крѣплять тебя когда ты начнешь коле-
 башься, и ободрять, когда *Страхѣ* за-
 хочешѣ привести тебя вѣ унынїе. Но
 естѣли ты примѣшишь, что она обѣща-
 етѣ слишкомѣ много, то не пренебрегай
 совѣшовѣ недовѣрчиваго *Страха*, застав-
 ляющаго тебя осперегашься. Тогда жѣ
 продолжай смѣло пушь свой, подкрѣпля-
 емѣ будучи дѣтскимѣ *Упованїемѣ на Про-*
вїдѣнїе. Оно будетѣ исполнять тебя

спокойствіемъ и радостію на пуши пріятномъ , поддержишъ и ушвердишъ на пуши шрудномъ , поможешъ шебъ переходить чрезъ самыя высочайшія горы и уклоняшъ ошъ себя колючіе терны , и наконецъ приведетъ тебя въ пристанище , въ жилище вѣчнаго мира , гдѣ нѣдѣ уже превожащаго *Страха* и обманчивой *Надежды*. Однако еще долженъ я шебъ сказашъ , что сіе *Упованіе* не удоспоиваешъ никого своимъ руководствомъ , кромѣ шѣхъ , чье сердце правдиво , добродѣтельно , благочесшиво и постоянно ; чье жъ сердце заграждено недовѣрчивостію , враждою противъ Бога и ненавистію къ людямъ , ошъ тѣхъ оно удаляется.

„Гдѣ она ? вскричалъ я : „гдѣ сія свяшая пушеводительница ? покажи мнѣ ее ; я обниму ее , никогда ошъ нее не ошстану и пойду съ нею по пуши моему смѣло и мужесшвенно между *Страхомъ* и *Надеждою* , „ — Явилась мнѣ женщина въ одеждѣ небснаго цвѣща . Сіяніе , которымъ она была окружена , вдругъ разсѣяло густой шуманъ . Она подошла ко мнѣ и подала мнѣ руку . Сердце мое исполнилось неописанною радостію . Въ семъ чувствованіи я проснулся и сновидѣніе мое прекрашилось . Но радостное чувствование

спованіе оспалось во мнѣ, купно съ швердымъ намѣреніемъ проводишь жизнь мою съ упованіемъ на премудрое Провидѣніе и слѣдовать болѣе руководству Надежды, нежели Страху.

XX.

Достопамятное происшествіе случившееся въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона.

Многіе находятся въ пріятномъ для нихъ, но вредномъ заблужденіи, думая, что и всѣ дни своей жизни проведутъ они столь же безпечально и спокойно, какъ живутъ въ молодости, и не знаютъ, сколь нужно еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ добровольно опказываться отъ нѣжнаго образа жизни, дабы пригото- вить шѣло и духъ свой къ будущимъ тяжкимъ неудобствамъ и противностямъ, какія всякому случисься могутъ. Для шаковыхъ разкажемъ здѣсь происшествіе, случившееся съ молодымъ человѣкомъ, котораго ни знашное происхожденіе, ни богатство его родителей не могли защи- щить отъ противныхъ приключеній.

Джонъ Биронъ былъ сынъ весьма знашнаго Лорда и получилъ присшное

состоянію своему воспишаніе. Онѣ хотѣлъ сколько возможно ранѣе начать служить своему опечеству и для того въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ посвятилъ себя морской службѣ. Первой его выходѣ въ море сопровождаемъ былъ такими несчастливыми и прошивными произшествіями, о которыхъ прежде, нежели онѣ случились, не возможно бы и подумать, чшобѣ человекѣ въ состояніи былъ ихъ снести. Терпѣніемъ, преданностію въ волю Божию и твердостію, человекѣлюбіемъ и рѣшимостію, оказанными въ сихъ обстоятельстввахъ, заслуживаетъ онѣ поспавленѣ бытъ въ примѣрѣ для молодыхъ людей.

На 17 году отѣ роду отправился онѣ въ море на корабль, принадлежавшемъ къ той эскадрѣ, съ которою Лордѣ Ансонѣ въ 1740 году предпринималѣ путешествіе, вокругъ земнаго шара. Сей корабль столько осягощенѣ былъ разными запасами, нужными для эскадры, чшо въ пуши необходимо долженѣ былъ опспавать опѣ другихъ кораблей. Въ проливѣ ла-Мерѣ опспалѣ онѣ опѣ прочихъ кораблей, и векорѣ попомѣ сильнымъ порывомъ вѣтра лишился задней мачшы. Не смощря на шо Капитанѣ хотѣлъ доплышь до ошрова Сокуро, надѣясь найти шамѣ всю

всю эскадру. Всѣ прочіе офицеры опсовѣщивали ему сіе предпріятіе, опасаясь чшобѣ не пригнало ихъ вѣспромѣ къ Западному берегу Америки. Но онѣ пренебрегѣ ихъ совѣтѣ, почиая за должность исполнишь свое намѣреніе и по тому, что опасность казалась ему не столь великою и очевидною, какѣ другимѣ.

Скоро, но уже поздно, увѣрился онѣ вѣ своей ошибкѣ, и приказалѣ, чшобѣ старались удалиться отѣ берега. Но всѣ шруды были тщетны. Корабль поналѣ на дно, и путешественники были нѣсколько времени вѣ ужаснѣйшемѣ положеніи, не зная что предпріятѣ. Случилось сіе ночью и руль при первомѣ ударѣ былѣ поперянѣ.

Г. Биронѣ имѣлѣ при томѣ случай наблюдать различныя дѣйствія производимыя страхомѣ. Нѣкоторые изѣ путешественниковѣ совсѣмѣ лишились ума. Одинѣ изѣ нихъ ходилѣ по палубѣ, махалѣ своимѣ палашемѣ и называлѣ себя царемѣ шамошной земли. Другіе сидѣли или стояли какѣ бы окаменелые, лишившись употребленія языка. Немного оставалось такихѣ, которые сохранили употребленіе разсудка и чувствѣ, и между ними молодой Биронѣ особенно ошличался.

По помѣ спарались подвесити корабль по крайней мѣрѣ споль близко къ берегу, чшобѣ люди могли спасши жизнь свою. Сіе удалось имѣ; они ввели корабль вѣ ошверзшіе между двухѣ камней и ушвердивши оспальныя мачшы, остановились вѣ семѣ положеніи.

При насшупленіи дня спущены были бошы, и пупешественники всѣ переѣхали на берегѣ. Но состояніе ихѣ имѣ не цоправилась; ибо памошная земля была кочши спрашиѣе самага моря. Все, что они обозрѣшь могли, было дико и пусто; нигдѣ не видно было ничего годнаго человѣку вѣ пищу. Они переправились на берегѣ не ѣвши уже двои сушки; а весь сѣѣспной запасѣ, которой могли они собрать, состоялѣ изѣ 2 или 3 фуншовѣ сухарныхѣ крошекѣ, одного гуся и небольшого количества дикой селлереи; скудной завтракѣ для 140 человѣкѣ, кощорые уже 48 часовѣ постились!

Издалека могли они видѣшь Кордиллерскія горы, но не знали еще о себѣ, на оспровѣ ли они находяпся, или на матерой землѣ вѣ Америкѣ. Не сполько земля, но и море, доставляющее вѣ иныхѣ мѣспакѣ пищу небережнымѣ жителямѣ, было шамѣ бесплодно. Нужда ихѣ

въ корошкое время шакъ увеличилась, что они почитали за лакомство и самыхъ хищныхъ птицъ, которыя прилѣпали шуда пожирашъ шѣла ушопшпхъ.

Нѣкоторые Индйцы приплывали къ нимъ въ лодкахъ и привозили имъ нѣсколько сѣѣсныхъ припасовъ; шакже удалось имъ и съ корабля взять небольшое количество оныхъ. Но невѣрность большей части корабельныхъ служителей вскорѣ лишила ихъ и сея малой помощи и ввергла въ крайнее бѣдствіе. Сіи безчеловѣчные взбунтовались прѣшивъ своего капишана, переспали ему повиновашься, завладѣли большимъ бошомъ и уѣхали на немъ, взявши съ собою весь сѣѣсной запасъ, кошорой свезенъ былъ съ корабля. — Биронъ будучи весьма любимъ всѣми корабельными служителями, старался уговорить ихъ, чшобъ они возвратились къ своей должности, или по крайней мѣрѣ не увезли съ собою всѣхъ сѣѣсныхъ припасовъ. Но какъ стараніе его было бесполезно, то онъ хотѣлъ лучше претерпѣвашъ бѣдствіе съ оставленными, нежели уѣхашъ вмѣстѣ съ сими жестокосердыми бунтовщиками. И шакъ они опправились безъ него, и послѣ не било уже о нихъ никакова извѣстія.

Оспавленныхъ было числомъ около 20 человекъ. Они узнали, что находясь на островѣ лежащемъ при Западномъ берегѣ Магелланской земли. Нужда ихъ была несказанно велика и день отъ дня еще увеличивалась, Слѣдующее приключеніе можетъ дать нѣкоторое о помѣ понятіе. Биронъ нашелъ маленькую Индійскую собачку, кошорая въ короткое время такъ привыкла къ нему, что никогда отъ него не отспавала. Въ одинъ день пришли къ нему въ палатку нѣсколько корабельныхъ служителей и говорили ему, что имъ должно либо сѣсть его собачку, либо умереть съ голоду. Биронъ употреблялъ все возможное спараніе упросить ихъ, чтобъ они оставили его собачку; но тщетно: они взяли ее силою и убили. Онъ принужденъ былъ сѣсть вмѣстѣ съ ними и ѣсть мясо любимого своего звѣрка. Черезъ три недѣли по помѣ радовался онъ, нашедши на помѣ мѣстѣ, гдѣ собачка была убита, полусгнившія лапы ея и кожу, и употребилъ ихъ въ пищу.

Слѣдующее обстоятельство также можетъ дать понятіе о чрезвычайной нуждѣ, какую они претерпѣвали: нѣкто изъ нихъ, по имени Фипсъ, поймалъ бочку

ку и придѣлавши къ обоимъ бокамъ ея по куску дерева, употребляя ея вмѣсто судна и выѣзжалъ въ ней на море, дабы ловить дикихъ морскихъ птицъ. Можно предсавишь, сколь шрудна и опасна была такая лова.

Капишанъ вознамѣрился, естли возможно будешъ, доѣхать до острова Хилое. Но сіе пушешествіе было продолжительно и опасно; а они не имѣли никакихъ судовъ, кромѣ одной барки и небольшой лодки. Однако жь на что не отважишест шощъ, кому должно выбирать одно изъ двухъ — либо подвергнуться опасности, либо необходимо умереть съ голоду? — И такъ они отправились въ путь. Но чрезъ два мѣсяца, борвшись шщепно съ безчисленными и ужасными шрудностями, увидѣли себя принужденными возвратишься къ шому же острову, ибо имѣ не возможно было обѣхать около мыса. На семъ шрудномъ и опасномъ пушешествіи лишились они лодки и чепырехъ своихъ товарищей.

Вскорѣ по возвращеніи ихъ приплыли къ нимъ въ двухъ ботахъ нѣсколько Индійцовъ, жившихъ недалеко отъ острова Хилое. Между ими находился Кацикъ ихъ, или предводитишель, съ кошорымъ
Англи-

Англичане договорились отдать ему барку свою и все желѣзо, какое удалось имъ свезти съ корабля, естли онъ проведешъ ихъ по тѣмъ заливамъ, по которымъ самъ онъ къ нимъ приплылъ. И такъ вопрично отправились они въ путь; но тогда было ихъ уже только шринашцать человекъ.

Можетъ быть никогда не бывало другаго путешешствія подобнаго сему въ шрудности и опасности. Путешештвенники наши спараясь плышь вверхъ противъ шеченія быспрой рѣки, такъ обезсилѣли отъ усталости и голода, что одинъ изъ самыхъ сильныхъ между ими упалъ съ кормы, совсѣмъ изнемогши. Капитанъ имѣлъ у себя большую часть мяса, оставшуюся отъ морскаго шеленка; одна-накожь привычка къ нуждѣ сдѣлала его столько жестокосердымъ, что онъ не хотѣлъ дать ни одного куска сему несчастному для подкрѣпленія. Напрошивъ шбого Биронъ, у котораго было въ карманѣ нѣсколько мелкихъ сушеныхъ рыбокъ, кралъ по одной изъ нихъ ему въ ротъ; но онъ не сохранилъ тѣмъ его жизни, а только продолжилъ шраданіе.

Шпараніе ихъ плышь вверхъ противъ шеченія рѣки было бесполезно. Капитанъ,
Би-

Биронъ и еще трое изъ путешественниковъ вышли нѣкогда на берегъ, чшобъ искашь себѣ чего нибудь въ пищу и опважились ходишь по шопкимъ болошамъ, гдѣ они при каждомъ шагѣ по колѣно въ грязь опускались. Между шѣмъ шестеро изъ ихъ спутниковъ оспававшихся на баркѣ съ однимъ Индѣйцомъ, завладѣли баркою и опваливши ошъ берега, оспавили капишана съ его шоварищами въ самомъ безпомощномъ состояніи.

Всѣ претерпѣнныя ими прежде противности казались имъ ничего незначущими въ сравненіи съ шогдашнимъ ихъ состояніемъ. Но самое сіе опчаянное сошпоиніе было началомъ ихъ избавленія и долженспвовало служишь имъ доказательствомъ неизслѣдимыхъ пупей Провидѣнія.

Сидя безъ всякаго упѣшенія и надежды и не воображая себѣ никакова инаго способа къ избавленію, кромѣ смерти, увидѣли они Индѣйцовъ плывущихъ въ лодкѣ, и дали имъ знакъ, чшобъ они приспали къ берегу. Имъ удалось склонишь сихъ дикихъ къ шому, чшобъ они взяли ихъ съ собою и провезли вверхъ по рѣкѣ. На легкой лодкѣ можно было плышь противъ теченія рѣки, а шяжелая барка была совсѣмъ къ шому неудобна.

удобна. И такъ невѣрность ихъ спутниковъ и поперяніе барки послужили первымъ способомъ къ ихъ избавленію.

Однако опасность ихъ еще не миновалась. Мѣста, къ которымъ они приспавали, были болошисшы и совсѣмъ пусшы. — Къ трудностямъ пупи и къ голоду, которѣй они всегда должны были терпѣшь, присоединились еще другія безпокойства, которыхъ одно только описаніе мерзистъ нѣжному человѣку; а имянно, Биронъ и прочіе его товарищи, носивши уже нѣсколько мѣсяцовъ одно плашье и одну рубашку, принуждены были много претерпѣвать отъ гадинъ, обыкновенно отъ того заводящихся.

По перенесеніи безчисленныхъ трудностей и безпокойствъ, наконецъ нашли они дорогу, по которой должны были итти пѣшкомъ. Всякому изъ нихъ надлежало что нибудь нести. Бирону досталось нести мокрую и тяжелую парусину и сверхъ того часть вонючаго мяса, принадлежавшую Капитану. Дорога сія лежала чрезъ густой лѣсъ, по шопкому болошу, гдѣ они почти при каждомъ шагѣ по колѣно въ грязь опускались.

Въ семъ ужасномъ мѣстѣ Биронъ опсталъ отъ своихъ товарищей упавши съ

пня

пня въ глубокую шину, въ которой онъ едва не потонулъ. Онъ бросилъ свою ношу, дабы догнать своихъ поварищей, Но какъ онъ догналъ ихъ, то Капитанъ бранилъ его за то, что онъ потерялъ его мясо и Биронъ долженъ былъ ворошиться назадъ за своею ношею. Вскорѣ по томъ, какъ онъ возвратился къ нимъ и отдалъ имъ вонючее мясо, отспалъ отъ нихъ въ другой разъ и совсѣмъ потерялъ ихъ изъ виду. — Изнемогши отъ голода и прудной ходьбы, заснулъ онъ при наступленіи ночи весьма крѣпко. На другой же день проснувшись, услышалъ въ нѣкошоромъ отъ себя отдаленіи человѣческія голоса и увидѣлъ шалашъ. Онъ хотѣлъ войти шуда, но получилъ нѣсколько ударовъ въ лицо и не былъ впущенъ.

Чрезъ нѣсколько времени впустили его въ шалашъ, и какъ дикіе, которыхъ онъ шамъ нашелъ, не имѣли постоянного жилища, то онъ долженъ былъ сѣсть съ ними въ лодку и ѣхать. При наступленіи ночи пристали они къ берегу, вшащили свою лодку на землю и въ ту же минушу ушли. Бѣдной Биронъ осмался одинъ въ темношѣ и въ пустомъ мѣстѣ подъ сильнымъ дождемъ.

Въ слѣдующее утро дикіе опять взяли его съ собою въ лодку и пристали въ другомъ мѣстѣ, гдѣ можно было надѣяться удачной рыбной ловли, особливо жъ на берегу лежало много усприцѣ. Биронъ хотя былъ весьма голоденъ, однако шорспился шолько собирать ихъ, дабы не поперяшь времени, и набралъ полную шляпу, пока дикіе опять сѣли въ лодку. По шомъ уже началъ онъ ушольять свой голодъ. Но какъ онъ сѣвши усприцу, бросилъ раковину въ воду, шо дикіе вдругъ на него разсердились, били его весьма больно и хотѣли выбросить изъ лодки. Вѣрояшно, что они по суетвѣрію почишали за грѣхъ бросать раковины въ море.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

*Достопамятное происшествіе, случившееся
въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона.*

(Окончаніе.)

Спустя нѣсколько дней послѣ того Биронъ несчастливѣмъ случаемъ нашелъ своихъ товарищей. Они были въ такомъ бѣдственномъ состояніи, что едва уже на людей походили. Одинъ изъ нихъ умеръ; а другой приспалъ къ царши Индійцовъ и ушелъ съ ними.

Черезъ три дни по томъ наконецъ доѣхали они до острова Хилое и приспали къ нему съ великою опасностію. Сіе случилось въ Іюнь мѣсяцъ, когда въ тамошнихъ странахъ бываетъ зима. Казалось, что тогда бѣдствіе ихъ уже кончилось. — Индійцы, жившіе на семъ островѣ, приняли ихъ съ ласковостію и сожалѣніемъ; всякой спѣшилъ чѣмъ ни-
Часть VIII. № 48. Д будь

будь помочь несчастнымъ странникамъ. Они жь были споль голодны, что цѣлой день ничего не дѣлали, какъ шолько ѣли. Г. Биронъ рассказывалъ о себѣ, что прешерпѣнной голодѣ сдѣлалъ въ немъ шакое впечатлѣніе, что онъ нѣсколько мѣсяцовъ имѣлъ привычку хватать и пряпать въ карманъ всякое сѣбѣ спное, какое шолько ему попадалось.

Не нужно рассказывать здѣсь, что въ послѣдствіи съ ними случилось. Довольно упомянуть шолько о томъ, что они переходивши изъ одного Испанскаго селенія въ Америкѣ въ другое, наконецъ нашли случай возвратиться въ Европу, и въ началѣ 1746 года благополучно прибыли въ Лондонъ.

Сей же Г. Биронъ предпринималъ послѣ путешествіе около свѣша, на кошоромъ Провидѣніе сохранило его отъ несчастій, дабы въ послѣднюю войну употребить храбрость его и опытность къ защищенію его ошечесшва.

XX.

Щастіе отъ нещастія. Англійская повѣсть.

Щастіе и нещастіе весьма близки одно къ другому. Люди часто почишають себя самыми нещастнѣйшими, когда нещастіе ихъ уже кончилось. Твердость облегчаетъ противную участь; напротивъ того опчаяніе дѣлаетъ ее шагостнѣе и производитъ такое зло, котораго никогда уже поправишь не можно.

Милордъ Дамби имѣлъ доброе, нѣжное и великодушное сердце. Онъ предупреждалъ нужды ближняго, и какъ скоро узнавалъ о комъ нибудь, что онъ въ бѣдѣ, приходилъ, то спѣшилъ уже помогать ему. Упохребляя такимъ образомъ свои богатства, находилъ онъ въ нихъ пріятность. Но дѣлая другихъ щастливыми, самъ онъ не былъ щастливъ. При всей своей знатности и при всемъ богатствѣ, чувствовалъ онъ въ сердцѣ своемъ печальную пустоту; оно желало наполниться дружбою. Милордъ Дамби думалъ нѣкогда, что нашелъ друга, но обманулся. Онъ спасъ одного нещастнаго отъ повошенія и нищеты, почишая его достойнымъ лучшей участи. Но сіе

неблагодарное чудовище, вошедши посредствомъ его въ милость у одного министра, оклеветало своего благодѣтеля въ весьма важномъ дѣлѣ, и чрезъ то лишило его знашнаго достоинства, которое было ему назначено.

Сіе приключеніе довело Милорда Дамби до крайности. Тайная задумчивость, къ которой онъ отъ природы былъ склоненъ, свѣдала его. Въроломство измѣнника умножило сію несчастную склонность. — Нѣкогда поздно въ вечеру вышелъ онъ изъ своего дому, не давши никому о томъ знать, и ходилъ по Лондонскимъ улицамъ. Уединеніе и тусклой свѣтъ отъ фонарей умножали мрачность мыслей его. Ему казалось невозможнымъ сносить долге бремя жизни. Печаль терзала его сердце. Не могъ онъ терпѣть общества людей, почиая всѣхъ ихъ подлецами и измѣнниками. Въ такомъ разположеніи смерть казалась ему единственною надеждою и прибѣжищемъ. Сія ужасная мысль вдругъ его успокоила. Обманувшись мнимымъ симъ спокойствіемъ, сравнивалъ онъ свое состояніе съ состояніемъ невольника, которой спрдавши подъ бременемъ оковъ, наконецъ засыпаетъ въ топъ вечеръ, въ которой онъ освобожденъ

день

денѣ быть долженѣ. Твердо рѣшившись въ своемѣ предпріятіи, шелъ онѣ по улицѣ, ведущей къ рѣкѣ Темзѣ; шорохъ ишши и радовался приближаясь къ рѣкѣ.

Одинѣ купецѣ, по имени Книгстонѣ, шелъ въ опчаяніи по той же улицѣ и съ шѣмѣ же намѣреніемѣ. Занявшись спрашными своими мыслями и при слабомѣ свѣшѣ въ темную чочь не могли они прежде увидѣшь другѣ друга, пока не сполкнулись. Съ неперпѣливостію и яростію опшолкнули они другѣ друга. Но чрезѣ минушу потомѣ опять сошлись вмѣстѣ. Досадуя на препяшствіе въ своемѣ намѣреніи, упрекали одинѣ другога. Оба они скоро догадались, что идущѣ по одной дорогѣ, и какѣ присутствіе свидѣшеля обѣимѣ было несносно, то оба старались удвоить свою поспѣшность, чшобѣ уйши другѣ отѣ друга. Они хотѣли обойши однимѣ переулкомѣ, и къ великой досадѣ еще вспрѣшались. Милордѣ Дамби не могѣ поняшь, для чего сей незнакомой споль упрямо его преслѣдуешѣ. Книгстонѣ съ своей спороны, примѣшввши при свѣшѣ отѣ фонарей богатое Лордово плашье, не могѣ вообразить себѣ, чшобѣ человекѣ шакова состоянія шелъ шуда же, куда его оп-

чаяніе вело. И шакѣ оба они подозрѣвали, что одинѣ другога преслѣдуетѣ изѣ любопытства. Они спрашивали сѣ гнѣвомѣ другѣ друга, и шакѣ же отвѣщивали.

Наконецѣ взошли они на мостѣ чрезѣ рѣку Темзу. Милордѣ шотчасѣ подошелѣ кѣ периламѣ; осматривалѣ шо мѣсто, куда хотѣлѣ бросишья; но рѣка вѣ шомѣ мѣстѣ казалась ему не глубока, и онѣ пошелѣ далѣе. Книгстонѣ шо же примѣшивши, слѣдовалѣ за нимѣ. Оба они яришли на средину мосту, и оба оспановились, чшобѣ дашь другѣ другу время пройти. Вышедши изѣ шerpѣнїя, обвиняюшѣ другѣ друга вѣ мысляхѣ своихѣ наглостїю и принимаюшѣ намѣренїе наказать одинѣ другога. Милордѣ Дамби первой началѣ говоришь. „Для чего ты нейдешь своею дорогою?“ спросилѣ онѣ. „Я шобѣ не препяшшвую, отвѣчалѣ купецѣ: „я пришелѣ уже, куда мнѣ надобно.“ — „И я шакже, сказалѣ Милордѣ: „но за чѣмѣ ты сюда пришелѣ?“ — „Какая шобѣ вѣ шомѣ нужда? отвѣчалѣ Книгстонѣ¹ голосомѣ опчаяннымѣ: „или хочешь ты исполнить мѣру злощастїя моего, и не допустишь меня сдѣлать ему

ему конецъ? Каждой вопросъ швой похищаетъ только у меня время. Ты продолжаешь жизнь мою и бѣдствіе. Не жаловаться пришелъ я сюда, но умереть!»

Выговоривъ сіи слова кошѣлъ онъ бросился въ рѣку. Милордъ Дамби хотя самъ по же намѣренъ былъ сдѣлать, но удержалъ его. Книгсшонъ спарался вырваться изъ рукъ его; грозилъ ему, упрашивалъ, чтобъ онъ не препяшествовалъ ему исполнить свое предпріятіе. Однако Милордъ держалъ его крѣпко, и спрашивалъ о причинѣ его опчаянія. Тайное сожалѣніе заславляло его спараться узнать о томъ. Онъ увѣрялъ Книгсшона съ клятвою, что дастъ ему свободу умереть, естли узнаешь, что онъ справедливую имѣешь причину желать смерти, и открылся ему, что самъ онъ пришелъ сюда съ тѣмъ же намѣреніемъ. Книгсшонъ оставши отъ многихъ щещныхъ покушеній освободиться, и находя нѣкоторое утѣшеніе въ сожалѣніи, какое незнакомой ему оказывалъ, пересталъ жаловаться на сіе принужденіе и спарался оправдать свое предпріятіе слѣдующими словами:

„Изъ благополучнаго состоянія низверженъ я въ бездну опчаянія, въ которой вы теперь меня находите. Напоми-

наніе прежняго моего благополучія дѣла-
ешѣ нынѣшнія мои обстоятельства еще
несноснѣе. Совсѣмѣ неожиданная банкрот-
ства разорили меня, и даже лишены я
надежды поправити когда нибудь мое со-
стояніе. Я принужденѣ нарушити мое
слово и не могу заплашити моимѣ займо-
давцамѣ. Я извѣстенѣ былѣ многимѣ съ
доброй стороны; вѣрность моя, честность
и точность въ отправленіи дѣлъ приобрѣ-
ли мнѣ ошѣ всѣхѣ почтеніе: меня пред-
ставляли въ примѣрѣ молодымѣ купцамѣ.
Завтра доброе имя мое погибнетѣ. — Я
вовлеку въ гибель мою многихѣ не-
щасныхѣ людей. Они по справедливости
будутѣ винити меня въ своемѣ бѣдствіи.
Никто не повѣритѣ моей невинности, бу-
дутѣ почитатѣ меня порочнымѣ, и весь
свѣтъ будетѣ меня презиратѣ. Могули
я свесити то? — Я свергаю съ собою
въ гибель добродѣтельную супругу, ко-
торую былѣ я щасливѣ, и любви до-
стойную дочь. — Мнѣ не позволено бу-
детѣ утѣшатѣ ихѣ. Въ мрачной темни-
цѣ оплакивалѣ бы я ихѣ злощасіе, и
невозможность избавити ихѣ ошѣ онаго
увеличивала бы собственное мое страданіе.
Нещасная супруга! нещасная дочь! Я
оспавилѣ ихѣ въ горести — въ ихѣ
объя-

объявляхъ принялъ я ужасное намѣреніе умереть. Я принужденъ былъ обмануть ихъ и сказать имъ, что иду искать еще какихъ нибудь способовъ къ нашему избавленію. — О небо! онъ не знающъ, что видѣли меня уже въ послѣдній разъ. Онъ льстящся еще тщетною надеждою. Но скоро уже надежда ихъ исчезнетъ. Какъ будуще онъ трепетать, когда пройдетъ тошъ часъ, въ которой общалъ я возвратиться! — Чтожь будетъ съ ними, когда они услышатъ — Ахъ Милордъ! дайте мнѣ свободу сдѣлать конецъ опшчаянному моему соспоанію! „

Милордъ Дамби весьма тронушъ былъ сею рѣчью; сожалѣніе и ужасъ попеременно вселялись въ его сердце. Онъ держалъ еще Книгстона. „Нѣтъ! вскричалъ онъ: „не умирай! останься живъ для своей супруги и для дочери, копорой нужна твоя защита! Благодарю небо за то, что я тебя здѣсь нашелъ. Оставь ужасное свое предпріятіе. Ты не имѣешь права произвести его въ дѣйствіе. Уронъ, прешерпѣнной побою, можно наградить. Твое несчастіе удобно можно опирашиться. Пропивъ моего только несчастія нѣтъ способовъ. Я искалъ здѣсь смерти; но хочу опложить мое намѣреніе на вѣсколь-

ко минушь. Си минушы упошреблю на шо, чшобъ возстанозишь швое спокой-
спвие. Я хочу умереть съ шбмъ ушвше-
нiемъ, что и при самой смерти сдвляалъ
я человека щасшлывымъ. Тебъ послвдне-
му сдвляю добро. Люби меня и вспоми-
най иногда обо мнъ. — Пойди за мною!
Супруга швоя и дочь плачущъ: пора уже
пресвчь источникъ слезъ ихъ. Пойди за
мною и возьми у меня сколько надобно,
чшобъ заплашишь всбмъ швоимъ займо-
давцамъ. Минушы для меня дороги. Ночь
къ концу уже приближаеця, а мнъ должно
еще до восхожденiя солнца скончашъ жизнь
мою и нещасшiе. „

Книгшонъ былъ внб себя опъ уди-
вленiя и радости; не зналъ онъ, вб са-
момъ ли дблв все эшо съ нимъ происхо-
дишь, или, только во снб ему видишь;
смотрблъ на Лорда съ безнокойствомъ;
спрахъ и надежда владбля имъ поперемен-
но. Между шбмъ Милордъ Дамби при-
нудилъ его ийти за собою. Онъ вводилъ
его вб свою комнату, открываешъ запис-
ную книжку и даешъ ему весьма знатную
сумму. Книгшонъ не можешъ уже болбе
сомнбваться вб своемъ щасшii. множе-
ство чувствованiй дбляешъ его безмол-
нымъ; но самое сiе молчанiе выражаешъ

все то, что могъ бы онъ сказать. Сердце его освобождается отъ несноснаго бремени. Наконецъ приходишь онъ въ себя и какъ бы новую жизнь получаетъ; начинаетъ говорить, и говоритъ о своей благодарности, о своей радости, о восхищеніи своего семейства; онъ смотритъ на благодѣяніе Лордова; удивленіе его умножается; онъ хочетъ отдать половину денегъ, по тому, что и половины для него было уже довольно. Но великодушной Лордъ принуждаетъ его взять все, для предосторожности отъ другаго несчастія, могущаго впредь случиться. „Вы можете въ другой разъ прийти въ такія жь обстоятельства, говоритъ онъ: „и я не буду уже въ состояніи помочь вамъ. Я не могу лучше употребить моего богатства; оно еще не истощено, и скоро будетъ мнѣ совсѣмъ бесполезно. „

Сіи слова весьма опечалили благодарнаго Книгсгона. Онъ проситъ небо, чтобы оно возвращало спокойствіе столь великодушному человѣку, отвело бы его отъ сего спрашнаго намѣренія и дало бы ему самому вкусить то удовольствіе, какое онъ другимъ доставляетъ. Книгсонъ трепещетъ, помышляя о предпріятіи Лордовомъ и закликаетъ его оное окончить.

вишь. Не ужели такая добродѣтель, такое великодушіе и челоувѣколюбіе должны только на короткое время между людьми являться? Онѣ упрасиваетъ Лорда, чтобѣ онѣ оспался на свѣшѣ, либо взялъ бы обратно свой подарокъ; грозитъ самѣ лишить себя жизни вмѣстѣ съ нимѣ Милордѣ Дамби напоминаетъ ему о его обязанностяхъ и о томѣ, чѣмѣ онѣ семейству своему долженѣ. Книгспонѣ плачетъ и упадаетъ къ ногамѣ его.

Между шѣмѣ какѣ спорѣ сей продолжался, ночь прошла. Взошло солнце, и сіяніе его прошивно было глазамѣ Лорда. Онѣ желалѣ, чтобѣ возвратилась шма ночная и упрекалѣ Книгспона шѣмѣ, что для него потерялѣ онѣ столь драгоценное время. „И такѣ вы неупросимы! вскричалѣ Книгспонѣ со слезами: „что мнѣ дѣлать? я вамѣ уступаю. Не хочу болѣе оспаривать ужаснаго вашего предпріятія. Но окажите мнѣ еще благодѣяніе, которое будетѣ для меня дороже всего шгого богатства, которымѣ вы меня одарили. Милордѣ! ошложите на день ваше предпріятіе, на одинѣ день — вы должны на это согласиться. Сей день будетѣ самой щасливѣйшій въ моей жизни. Моя фамилія должна увидѣть великодушнаго своего благодѣтеля, и вы должны принять

благо-

благодарность отъ тѣхъ, которые всѣмъ вамъ обязаны. Проведите вмѣстѣ съ нами нѣсколько минутъ той щасливой жизни, которую вы намъ возвратили. Будете свидѣтелемъ моего благополучія; оно будетъ увеличено вашимъ присущствіемъ. Позвольте мнѣ показать женѣ моей и дочери того, кто возвращаетъ имъ супруга и отца. Милордъ! пойдемте со мною: вы увидите шрехъ человекъ ошасливленныхъ вашими благодѣянiями; такое зрѣлище достойно васъ. „

Милордъ Дамби не можетъ прошившись сей прозѣбъ. Убѣжденiя Книгшоновы его пронули. Онъ началъ примираться съ человѣчествомъ; радовался, что нашелъ наконецъ чувствительное сердце, и воздыхалъ о томъ что нашелъ его ешоль поздно. Хотя и спѣшилъ онъ лишиться жизни, однако желалъ прежде увидѣть добродѣтельное семейство. И такъ пошелъ онъ съ Книгшномомъ, заклиная его, чтобъ онъ не давалъ никому знать о непремѣнномъ его намѣренiи.

Книгшнова супруга, Гжа. Бешпи, и дочь его, дѣвица Нанси, проводили ночь въ слезахъ и молишвѣ. Онъ не переставали умолять небо о спасенiи супруга и отца ихъ; онъ просили шолько, чтобъ оно

оно даровало ему потребную твердость для перенесенія несчастія, перемены же печальныхъ своихъ обстоятельствъ и надѣяшься уже не смѣли. — День наступилъ, а Книгстонъ еще не возвратился. Новое безпокойство присоединилось къ страшнымъ и хъ обстоятельствамъ. — Спустия нѣсколько времени услышали онѣ небольшой шумъ; отворилась дверь, и Книгстонъ вошелъ съ Милордомъ Дамби. Но Бещи и Нанси, углубившись въ печали, не примѣтили Лорда; онѣ никого не видѣли кромѣ Книгстона, и старались узнать по лицу его, чего спрашиваться или надѣяшься имъ надлежало.

Книгстонъ бросился въ ихъ объятія. „Радуйтесь! вскричалъ онѣ: „мы избавлены. Благодарите за то небесамъ и упадите къ ногамъ нашего избавителя, который всѣмъ намъ благополучіе возвращаетъ. „ Всѣ они упали къ ногамъ своего благодѣтеля. Тщетно старается Милордъ удержатъ ихъ отъ того; онѣ цѣлуютъ его руки и омочаютъ ихъ слезами. Самъ онѣ принужденъ былъ заплакать. Ничего не слышно было кромѣ вздоховъ и перерываемыхъ словъ, которыя однако болѣе выражали, нежели самыя связныя

связныя рѣчи. „Вы мнѣ супруга возвращаете! — Вы отца мнѣ возвращаете! — Милордъ! великодушной Милордъ! — „

Лордъ почувствовалъ тогда въ первой разѣ всю цѣну жизни. Спось нѣжныя и восхищительныя чувствованія прежде не были еще ему извѣсны. Онъ радовался, что прожилъ до сего времени, дабы наслаждаться такою пріятностію; ощущалъ удовольствіе во внутренности своего сердца, и узналъ живо, что доброй человѣкъ можетъ во благополучіи другихъ находить и свое счастье.

Книгсмонъ спѣшилъ по помѣ привести въ порядокъ свои дѣла, которые не терпѣли отсрочки. Всѣмъ своимъ знакомымъ, которые съ нимъ встрѣчались, рассказывалъ онъ о своемъ счастьи; желалъ бы онъ, чтобъ весь свѣтъ узналъ о щедрости его благодѣтеля и его благодарности. Всѣ желали ему добра, всѣ прежде о немъ сожалѣли, и всѣ принимали тогда участіе въ его благополучіи. Онъ окончалъ дѣла свои со всевозможною поспѣшностію и скоро возвратился домой. Жена и дочь его были съ Милордомъ, которой думалъ, что онъ преселенъ совсѣмъ въ новой міръ и не переставалъ удивляться

Книг-

Книгшону и его супругѣ. Особливожъ Нанси привлекла на себя его вниманіе. Слезы, кошорыя она проливала, возвыщали ея красоту и непришворные выраженія ея благодарности производили въ сердцѣ его смущеніе и удовольствіе. Все ему ласкало и все тогда было для него важно.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

XXI.

Дикая яблонь. Басня.

Въ пустомѣ пнѣ дикой яблони поселились пчелы. Онѣ наполнили его своимѣ медомѣ. Яблонь возгордившись шѣмѣ, начала презирать всѣ другія дерева.

„Какая глупость, сказалѣ ей розовой кустѣ, гордишься чужою сладостью! Плоды швои такѣ же кислы и прошивны, какѣ и прежде. Сдѣлай, ешьли можешь, чшобѣ они были сладки, и тогда-шо человекѣ будешѣ себя благословляшѣ! „

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемъ листѣ.

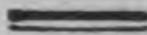
Для благодѣтельной души нѣтъ большаго удовольствія, какъ вспомошествовать спраждущей добродѣтели и честности. День прошелъ весьма скоро для Лорда, такъ, что онъ удивился, примѣпивши вдругъ, что вечеръ уже наступилъ. Приближался потѣ часъ, въ которомъ онъ уйти былъ намѣренъ. Книгстонъ ожидалъ сего часа съ горестію; онъ отдалъ бы жизнь свою за то, чтобъ время текло медлительнѣе. Милордъ также приходилъ въ смущеніе, которое и на лицѣ его оказывающься начинало. Книгстонъ, не спуская съ него глазъ, примѣшилъ сію перемену въ его лицѣ, и почиалъ ее слѣдствіемъ мрачныхъ мыслей, какими благодѣтель его занимался. Онъ помнилъ, что Лордъ отложилъ свое предпріятіе на одинъ только день; ночь наступала — приближилось то время, въ которое надлежало ему навѣки съ нимъ разсѣяться.

„Я никогда уже его не увижу!“, подумалъ онъ, и слезы полились изъ глазъ его. Нанси скоро то примѣшила и пошчасъ обратила на Лорда безпокойные свои взоры; она не совѣмъ еще ободрилась послѣ жестокой своей судьбы; все еще въ страхъ ее приводило, и боязливостъ ея искала защиты. Въ ту самую минушу Милордъ Дамби рѣшился итти. Она видѣла, какова это принужденія ему стоило. „О небо! вскричала она: „бапюшка плачетъ, Милордъ въ смущеніи — что это значить?“, — „Не могу удержаться! вскричалъ Книгспонъ: „не могу долѣе умалчивать страшной пайны, кошорая сердце мое опягощаешь — Нѣмъ, Милордъ! не могу скрывать ее долѣе въ себѣ! Бешши! Нанси! естлибъ вы знали — Въ прошедшую ночь видѣли вы, въ какое состояніе приведенъ я былъ моимъ несчастіемъ; вы знали какой ужасной участи ожидашь мнѣ надлежало; но вы еще не знаете, что я предпринялъ. Слѣпое опчаяніе вело меня къ Темзѣ — я готовъ уже былъ — о Бешши! о Нанси! я не могу ничего болѣе выговорить. —

Бешши и Нанси пренептали минувшей уже опасности; онъ бросились въ его объятія, какъ бы стараясь удержать его отъ того предпріянія, кошорое онъ оставилъ

вилъ. „Плачьте, продолжалъ Книгстонъ, но не обо мнѣ; плачьте о семъ благородномъ Лордѣ, которой опвлекъ меня опъ краю погябели, а теперь самъ шуда повергнувшись хочеть. Онъ оспавляетъ насъ съ шѣмъ намѣреніемъ, чпобъ умереть. — Милордъ, дражайшій мой благодѣтель! Провидѣніе послало васъ на помощь ко мнѣ — я надѣюсь, что Оно и меня паковажъ щаспія удостоитъ. Бешпи! Нанси! соедините ваши прозьбы съ моими! — Милордъ! послушайте голоса благодарности и нѣжности; мы закликаемъ васъ спасться на свѣшъ. Не разрушайте нашего благополучія; мы хотимъ лучше отказатьсь опъ него, нежели васъ лишиться. Разсудите, сколько еще добра можете вы сдѣлать на свѣшъ! Есть еще много несчастныхъ, кромѣ насъ; не уже ли хопите вы ихъ оставить? „

Сіи слова препровождаемы были слезами. Бешпи взорами своими подшверждала все то, что говорилъ ея мужъ; а Нанси еще убѣдительнѣе упрашивала Милорда. — „Милордъ! вскричала она: „Вы умереть хопите? Ахъ! для чего жъ пришли вы сюда! для чего узнали мы великодушнаго нашего благодѣтеля, когда намъ лишиться его должно?

Милордъ Дамби молчалъ. Неудовольствие его на людей уменьшилось; видя предъ собою столько добродѣтелей, не думалъ уже онъ о неблагодарности человѣческой. Наконецъ сказалъ онъ: „Успокойсь; я хочу оспаться на свѣтѣ. Вы дѣлаете жизнь опять для меня пріятною. Книгстонъ! я опвелъ васъ отъ опчаяннаго вашего намѣренія; а вы увѣрили меня что дружба заставляешъ позабывать неблагодарность злыхъ людей. Мы избавили другъ друга. Теперь открывається мнѣ новое щастіе; я отъ васъ его ожидаю. Книгстонъ! Бешши! любви доспойная дочь ваша можетъ сдѣлать меня щасливымъ — „

Книгстонъ приведенъ былъ въ изумленіе сими словами. „Какъ, Милордъ! вскричалъ онъ съ восхищеніемъ: „Нанси можетъ сдѣлать васъ щасливымъ? Благодаритель мой хочетъ быть моимъ сыномъ? О естли красота не имѣетъ нужды въ знанности и добродѣтели въ богатствѣ, то благодарной отецъ опдаетъ вамъ ея руку. „ — „Дражайшая Нанси! вскричалъ Милордъ: „совершите мое щастіе вашимъ согласіемъ. „ Нанси опвѣчала ему только нѣжнымъ взоромъ и скрыла свое смущеніе и радость въ объятіяхъ своей матери.

Бракосочетаніе вскорѣ совершилось, и сія щасливая фамилія жила по шомѣ наслаждаясь всемѣ шѣмѣ удовольствіемѣ, какое добродѣшель доставить можетѣ.

XXIII.

Жаннотѣ и Колинѣ.

Жаннотѣ и Колинѣ учились вмѣстѣ чипашѣ у одного учителя. Жаннотѣ былѣ сынѣ мѣщанина, которой торговалѣ лошаками; а Колинѣ бытіемѣ своимѣ одолженѣ былѣ доброму земледѣльцу. Они весьма любили другѣ друга, и шогда только видали ихѣ веселыми, когда бывали они вмѣстѣ; когда жѣ надлежало имѣ разсшавашѣся, шо часто разсшавались со слезами.

Они вышли уже изѣ дѣтскаго возраста, какѣ вѣ одинѣ день портной принесѣ молодому Жанношу богатое шелковое плашѣ сѣ письмомѣ отѣ его отца, на которомѣ надписано было: *Господину Жаннотьеру.* — Колинѣ удивлялся богатому плашѣю, но не завидовалѣ. Напротшвѣ шого Жаннотѣ началѣ сѣ шого времени спѣсивишѣся, што добросердечному Колину весьма было прискорбно.

Жаннотѣ пересталѣ думать обѣ ученѣѣ, проводилѣ большую часѣ своего времени

передъ зеркаломъ и былъ столько глупъ , что началъ всѣхъ презиратьъ — Чрезъ нѣсколько времени по шомъ пріѣхалъ къ нему камердинеръ его отца съ другимъ письмомъ, на копоромъ надписано было : *Господину Маркизу Жанношьеру*. Въ семъ письмѣ отецъ приказывалъ молодому господину Маркизу пріѣхать къ нему въ Парижъ.

Жанношъ сѣлъ въ коляску , пожавши Колину руку съ величавымъ видомъ, какъ бы общая ему свое покровительство. — Колинъ почувствовалъ низость своего состоянія и заплакалъ; а Жанношъ поѣхалъ, будучи внѣ себя отъ радости.

Но отъ чего вдругъ такая перемѣна въ Жанношовомъ состояніи? — Отецъ его разными несправедливыми способами собралъ въ короткое время великое богатство , перемѣнилъ свое прозваніе, и вскорѣ по шомъ купивши Маркизство, началъ называться Маркизомъ Жанношьеромъ. — Въ такомъ состояніи были его дѣла, какъ онъ позвалъ къ себѣ сына своего, молодого Маркиза.

Колинъ любилъ разбогатѣвшаго своего друга столько же, какъ и прежде. Онъ написалъ къ нему письмо, въ копоромъ поздравлялъ его и желалъ ему добра; но молодой Маркизъ и не подумалъ отвѣ-
чать

часть на это письмо. Колинъ занемогъ отъ того съ печали.

Маркизъ Жанношьеръ хотѣлъ дать своему сыну значное воспитаніе; но супруга его не соглашалась, чтобъ сынъ ея учился по Лашинъ, для того, что оперы и комедіи всѣ писаны на Французскомъ языкѣ.

Хотѣли учить его Географіи; но Гжа. Маркиза говорила: „На что это? Извощики и безъ него найдутъ дорогу изъ Парижа въ его помѣстья. „

Говорили, что ему должно учиться Исторіи. „Вздоръ! отвѣчала Гжа. Маркиза: „моему сыну довольно и того знашь, что всякой день въ Парижѣ дѣлается. На что ему заботиться о томъ, что въ давныя времена и въ чужихъ земляхъ дѣлалось? „

„Надобно ему поучиться не много „Ариѳметикѣ, говорилъ Г. Маркизъ: это „хорошо. „

„И это вздоръ, отвѣчала супруга его: „что жь управитель его дѣлалъ будешь, когда онъ самъ спанеть щипашъ свои доходы и расходы? „

Такимъ образомъ перечислены были всѣ науки, и всѣ негодились для молодого Маркиза. Однако жь наконецъ по-

чшено было за нужное, чтобъ онъ учился панцовать.

Молодой Господчикъ, не имѣя никакова дѣла и въ праздности занимаясь только нарядами, скоро вдался во всякія распушства и пороки. Онъ распочалъ множество денегъ на порочныя увеселенія, копорыя въ пуспой душѣ его не оставляли ничего, кромѣ скуки, омерзения и раскаянія. Между шѣмъ глупые родители его распочали сполько же, какъ и онъ, дабы ихъ почишали знатными людьми.

Одна молодая довольно знатная вдова, прѣшедши въ бѣдность, приняла великодушное намѣреніе присвоить себѣ богатство Г. Жанношера, и для того выйши за молодого Маркиза. Родители его узнавши о семъ намѣреніи, почли за щасліе быть въ сродствѣ со знатною фамилією, и съ великою радостію согласились на ея предложеніе.

День брака былъ уже назначенъ; молодой Маркизъ принималъ уже поздравленіе отъ своихъ пріятелей въ присушствіи своей невѣсты, какъ вдругъ вбѣжалъ камердинеръ Маркизы, его машушки, въ шу комнашу, гдѣ они сидѣли. „Что сдѣлалось?“, спросилъ у него молодой Маркизъ.

„Нѣчто такое, отвѣчалъ слуга, о чемъ вамъ и не снилось. Полицейскіе приспавы опустошаютъ домъ вашего бапюшки. Заимодавцы его забираютъ все его имѣніе. Говорятъ и о шюрмѣ. Я шороплюсь бѣжать назадъ, чшобъ заслуженныя мои деньги не пропали. „

„Мнѣ надобно посмотрѣшь, говорилъ молодой Маркизъ, чшо тамъ дѣлаешся и о чемъ бредишь эшошь бездѣльникъ. „

„Да, пойдите, сказала его невѣста, и разгонише безсмыдныхъ приспавовъ. Поскорѣе, Маркизъ! „

Маркизъ прибѣжавши домой, узналъ, чшо ошца его взяли уже подъ караулъ. Всѣ слуги разбѣжались, и всякой унесъ съ собою, чшо только успѣлъ захватить. Мать свою нашелъ онъ одну, безъ помощи, безъ ушѣшенія, оплакивающую прежнія свои глупости и настоящее несчастіе.

„Не опчаявайтесь, вскричалъ онъ: „невѣста моя меня любитъ. Она великодушна и не откажется помочь вамъ своимъ имѣніемъ. Я спѣшу привести ее сюда. „

Онъ пошелъ къ своей невѣстѣ. Но въ какое пришелъ онъ изумленіе, встрѣченъ будучи ошъ нее слѣдующими слова-

ми: „какъ, господинъ Маркизъ! эшо вы? Чшо вамъ здѣсь надобно? Пристойно ли вамъ оставлять теперь свою машушку? Возвращишесь къ ней скорѣ! Скажите ей, чшо я всегда была добрава о ней мнѣнїя. Мнѣ теперь надобна служанка, и я охотно приму ее къ себѣ.„

Маркизъ споялъ, какъ окаменѣлой; по помѣ посмошрѣвши на свою невѣспу съ презрѣнїемъ и досадою, оставилъ ее и спѣшилъ къ своимъ знакомцамъ, кошорые помогали ему распочашъ имѣнїе опца его, и кошорыхъ почипалъ онѣ усерднѣйшими друзьями своей фамиліи.

Мнимые друзья принимали его съ принужденною учшивоспїю; общались служипъ ему, какъ скоро будущѣ въ соспоянїи; но на шопѣ разѣ ни одинѣ не сдѣлалъ ему ни малой помощи; а чрезѣ нѣсколькo дней пришворялись они, будшо совсѣмъ его не знающѣ.

Бѣдной Маркизъ былѣ шогдa въ самомъ жалоспномъ соспоянїи. Безѣ имѣнїа и не зная никакихъ способовѣ доспавать себѣ пропипанїе, чшо надлежало ему начашъ? —

Вѣ одинѣ день ходя въ опчаянїи по улицамъ, увидѣлѣ онѣ спарую дорожную коляску, за кошорою ѣхали еще нѣсколь-

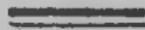
ко повозокъ съ тяжелою клажею. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой человекъ въ шолскомѣ суконномѣ плашьѣ. На полномѣ и румяномѣ лицѣ его изображалась ласковость и удовольствіе. Жена его, молодая смугловатая женщина, сидѣла подлѣ него.

Коляска ѣхала шихо, шакѣ, что сидѣвшій въ ней человекъ имѣлъ время разсмотрѣть печальнаго Маркиза. — Вдругѣ вскричалѣ онѣ: „О небо! что я вижу? Не Жанношѣ ли эшо? — Да, я не ошибаюсь; эшо онѣ!“

Выговоривши сіи слова, молодой человекъ выскочилѣ изѣ коляски и бросилѣсь обнимать стараго своего друга, не давши ему времени и посмотрѣть на себя пристально. — Маркизѣ узналѣ въ немѣ Колина. Слезы раскаяніа и стыда полились изѣ глазѣ его; онѣ не въ состояніи былѣ ничего выговорить.

„Ты спалѣ мнѣ невѣренѣ, говорилѣ Колинѣ: „но какѣ бы ты знашенѣ ни былѣ, я не перестану тебя любить.“

Тронутый и пристыженный Жанношѣ рассказалѣ ему нѣкоторую часть своихѣ приключеній, проливая слезы. — „Пойдемѣ съ нами, сказалѣ Колинѣ: „въ шпакширѣ расскажешь ты мнѣ, что еще съ тобою случилось. Обойми жену мою, и ошобѣдаемѣ сегодня вмѣстѣ.“

Колинъ, жена его и Жанношъ пошли пѣшкомъ; повозки слѣдовали за ними. —

„ Чьи это повозки? спросилъ Жанношъ; „ не свои ли? „

„ Да, ошибчалъ Колинъ, все это мое и жены моей. Мы ѣдемъ изъ провинціи. Тамъ есть у меня большой плавильной заводъ. Я женился на дочери богатаго купца. Мы работаемъ много, и Богъ насъ благословляетъ. Мы живемъ по прежнему щасливо, и охотно поможемъ другу нашему Жанношу. Только впредь не будь уже Маркизомъ. Повѣрь мнѣ, что истинной другъ дороже всѣхъ пышныхъ шишуловъ. Поѣдемъ со мною въ нашу провинцію. Я научу тебя моему ремеслу; оно не прудно. Ты будешь моимъ помощникомъ, и спанемъ жишь вмѣстѣ щасливо и весело. „

Жанношъ былъ въ себя; онъ чувствовалъ попеременно печаль и радость, нѣжность и стыдъ, и говорилъ самъ себѣ: „ Всѣ знатные мои пріятели оставили меня въ несчастіи; а Колинъ, котораго я по глупости презиралъ, хочеть мнѣ помочь. Какое полезное замѣчаніе должно мнѣ изъ этого вывести! „

Колинъ примѣшилъ, что другъ его печалился о несчастномъ состояніи своего
опца

отца, и сказалъ ему: „Мы не допустимъ мапушку твою перпѣть нужду. Обѣ ошцѣ своемъ также не заботься. Я нѣсколько свѣдушѣ въ приказныхъ дѣлахъ, и обѣщаю освободить его. — „Въ самомъ дѣлѣ онѣ скоро удовольствовывалъ займодавцовѣ, и выкупилъ Жанношова отца изъ шюрмы.

Жанношѣ, отецѣ и мать его поѣхали вмѣстѣ съ Колиномъ въ общее ихѣ общество. Они не назывались уже болѣе Маркизами, и принялись за прежній свой промыслѣ. Жанношѣ женился на Колиновой сестрѣ. Она была столько же просто-сердечна и добронравна, какъ братѣ ея, и сдѣлала мужа своего щасливымъ. — Онѣ и родители его увѣрились, что щасіе человѣческое состоитѣ не въ суешной пышности, но въ умѣренности, шрудолюбіи и добродѣтели.

Щасливѣ тошѣ молодой человекѣ, которой заблаговременно научишся сему изъ ихѣ примѣра!

К О Н Е Ц Ъ

Осьмой части.

Содержаніе VIII части.

№. 38. — I. Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Продолженіе.) —
3. Путешествіе изъ Мелинды въ Калекушъ. Первое свиданіе съ Калекушскимъ владѣльцомъ. Стр. 3.

№ 39. — Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Окончаніе.) —
4. Непрiятныя приключенія въ Калекушъ. Возвращеніе въ Португаллію. Стр. 17.
— II. Завѣщаніе. Стр. 31. —
III. Кукушка и скворецъ. Басня. Стр. 32.

№ 40. — IV. Невинная ворожба, комедія для дѣшей, въ одномъ дѣйствіи. Стр. 33. — V. Наказанное корыстолюбіе. Стр. 48.

№ 41. — Продолженіе комедіи, начашой въ послѣднемъ листѣ. Стр. 49.

№ 42. — Окончаніе комедіи, невинная ворожба. Стр. 65. — VI. Нравоучительныя мысли. Стр. 72. — VII. Дѣтская любовь и благодѣтельность. Стр. 74.

Но 43. — Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемъ листѣ. Стр. 81. — VIII. О скромности. Изъ письма къ молодому человѣку. Стр. 84. — IX. Ручаекъ. Стр. 93. — X. Хитрость одного Американца. Стр. 95.

Но 44. — XI. Діогенъ и Кришонъ. Стр. 97. — XII. Что всего труднѣе и что всего легче? Стр. 112.

Но 45. — Діогенъ и Кришонъ. (Продолженіе.) Стр. 113. — XIII. Путешественникъ. Стр. 124. — XIV. Чижикъ. Басня. Стр. 127. — XV. Ошибка въ разсѣстѣ. Стр. 128.

Но 46. — XVI. О любви къ родителямъ. Стр. 129. — Великодушная дочь. Повѣсть. Стр. 134. — XVII. Анекдотъ. Стр. 144.

Но 47. — Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемъ листѣ. Стр. 145. — XVIII. Томасъ Морусъ. Стр. 149. — XIX. Сновидѣніе. Стр. 155.

Но 48. — Окончаніе сновидѣнія. Стр. 161. — XX. Достопамятное произ-

изшествіе , случившееся въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона, Спр. 165.

№ 49. — Достопамятное произшествіе , случившееся въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона. (Окончаніе.) Спр. 177. — XXI. Щастіе отъ нещастія. Англійская повѣсть. Спр. 179. — XXII. Дикая яблонь. Басня. Спр. 192

№ 50. — Окончаніе повѣсти , начатой въ послѣднемъ листѣ. Спр. 193. XXIII. Жанотъ и Колинъ. Спр. 197.

